CONNECT UNIVERSUM 2020

МАТЕРИАЛЫ
V Международной трансдисциплинарной научно-практической WEB-конференции «CONNECT-UNIVERSUM-2020»

ПОСТПАНДЕМИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ УНИВЕРСИТЕТА: ВОЗМОЖНЫЕ МОДЕЛИ, ИХ ПОТЕНЦИАЛ И РИСКИ

27 ноября 2020 года

Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Кафедра социальных коммуникаций

УДК 378.4 : 004.738 : 005 (082)
ББК 74.484 + 32.81 + 65.291.21 (я43)
С 74

Научный редактор
канд. филос. наук, доцент *Г.А. Окушова*

Редакционная коллегия:
д-р филос. наук, профессор *И.П. Кужелева-Саган*; д-р тех. наук, профессор *Л.П. Борило*;
канд. филос. наук *И.В. Гужова*; магистр лингвистики *Е.В. Полянская*

С74 **Connect-Universum – 2020** : сборник материалов V Международной трансдисциплинарной научно-практической WEB-конференции. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2021. – 190 с.

ISBN 978-5-94621-999-0

В сборнике представлены материалы V Международной трансдициплинарной научно-практической WEB-конференции «Connect-Universum-2020» на тему «Постпандемическое будущее Университета: возможные модели, их потенциал и риски», проходившей 27 ноября 2020 г. в Национальном исследовательском Томском государственном университете.

Для исследователей, преподавателей, специалистов-практиков и студентов, интересующихся проблемами социальных коммуникаций и новых медиа, а также вопросами менеджмента в сфере высшего образования.

УДК 378.4 : 004.738 : 005 (082)
ББК 74.484 + 32.81 + 65.291.21 (я43)

ISBN 978-5-94621-999-0

© Авторы статей, 2021
© Томский государственный университет, 2021

CONNECT UNIVERSUM 2020

THE COLLECTION OF MATERIALS
of the 5th International Transdisciplinary Research and Practice Online Conference "Connect–Universum–2020"

POST-PANDEMIC FUTURE OF THE UNIVERSITY: POSSIBLE MODELS, POTENTIAL AND RISKS

November 27, 2020

National Research Tomsk State University
Department of Social Communication

UDK 378.4 : 004.738 : 005 (082)
BBK 74.484 + 32.81 + 65.291.21 (я43)
C74

Academic Editor
Associate Professor *Gulnafist A. Okushova*, PhD

Editorial board:
Professor *Irina P. Kuzheleva-Sagan*, Doctor of Philosophy;
Professor *Lyudmila P. Borilo*, Doctor of Technical Science;
Irina V. Guzhova, PhD; *Ekaterina V. Polyanskaya*, MA in Linguistics

C74 **Connect-Universum – 2020:** The Collection of Materials of the 5th International Transdisciplinary Research and Practice Online Conference. – Tomsk : TSU Press, 2021. – 190 p.

ISBN 978-5-94621-999-0

The current issue presents a collection of materials of the 5th International Transdisciplinary Research and Practice Online Conference "Connect-Universum-2020: "Post-Pandemic Future of the University: Possible Models, Potential and Risks" held at National Research Tomsk State University (November 27, 2020).

The issue is intended for scientists, researchers, professors, practitioners, and students interested in social communications, the new media and higher education management.

UDK 378.4 : 004.738 : 005 (082)
BBK 74.484 + 32.81 + 65.291.21 (я43)

ISBN 978-5-94621-999-0

© Authors, 2021
© Tomsk State University, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Кужелева-Саган И.П. Вступительное слово 9

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ СПИКЕРОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Аладина Н.Ю., Захарова И.В. Изучение иностранных языков в университете будущего: потенциал и риски дистанционых технологий (рус.) 11
Балюк Н. А., Куприна Л. Е., Рыбалова Т.В. Развитие высшего образования в условиях пандемии: опыт дистанционного формата обучения (рус.) 15
Браун С. Обзор актуальных исследований о будущем высшего образования (англ.) 23
Бруни Р., Коламаттео А., Пагнанелли М.А. «Новая норма» для университетов: «onlife» подход (англ.) 27
Брындин Е.Г. Миссия университетов в эпоху бурного технологическго развития (рус.) 35
Вермишова П.И. Проблема качества в целевых компонентах программ развития университетов (рус.) 41
Винокурова Е.Н., Полянская Е.В. Дистанционное обучение: как онлайн изменил жизнь студентов? (англ.) 47
Галажинский Э.В., Кужелева-Саган И.П. Общий взгляд на «допандемические» модели Университета (рус.) 54
Галажинский Э.В., Кужелева-Саган И.П. «Постпандемические» модели вузов: взгляд из локдауна (рус.) 63
Кувшинов С.В., Ярославцева Е.И. Цивилизационные проблемы 21 века (рус.) 71
Крукеберг Д. Традиционная миссия, роль и функция университета: сохраняем университет как важнейший социальный институт (англ.) 80
Кузнецова Д.В., Носова С.С. Digital-кампус: как не потерять связь с университетом при переходе в онлайн (рус.) 90
Петлина Е.М., Нестеров Д.С., Горбачев А.В. Использование технологии дистанционного обучения в постпандемической образовательной организации (рус.) 95
Пирожкова С.В. Роль цифровизации в интенсификации межрегионального университетского взаимодействия и усилении связанности территории страны (рус.) 101
Постол В.И. «Третья миссия» университета: актуальные проблемы реализации (рус.) 107
Спичева Д. И., Свиридова Д.Ю. Цифровой имидж Томска как студенческого города в условиях снижения мобильности студентов (по результатам фокус-группы) (рус.) 112
Ткаченко К.С. Организация эксплуатации инфраструктуры компьютерных узлов образовательного учреждения в условиях постпандемии (рус.) 117
Фахретдинова А.П., Ларионова А.В., Ливенцова Е.Ю. Образ новых компетенций преподавателя постпандемического университета (российский и французский кейсы) (рус.) 121
Шмурыгина О.В. Высшая школа в реалиях сетевого общества (рус.) 126

СТЕНОГРАММЫ УСТНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ СПИКЕРОВ – ТЕОРЕТИКОВ И ПРАКТИКОВ СФЕРЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Астафьева О. Н. Новая этика субъектов коммуникации в университетах: риски утраты академической среды (рус.) 134
Браун С. Опыт работы со студентами во время пандемии в университете Маунт-Ройал в Канаде (англ.) 138
Галажинский Э.В., Кужелева-Саган И.П., Носова С.С. «Допандемические» модели Университета: экологический университет (англ.) 139
Галажинский Э.В., Кужелева-Саган И.П., Носова С.С. «Допандемические» модели Университета: альтернативные подходы (англ.) 143

Галажинский Э.В., Кужелева-Саган И.П., Носова С.С. «Постпандемические» модели вузов: новый глобальный университет (англ.) 146
Галажинский Э.В., Кужелева-Саган И.П., Носова С.С. «Постпандемические» модели вузов: университеты-киборги (англ.) 148
Миллингтон С. Место университетов Великобритании в постпандемическом мире (англ.) 153
Моравец Дж. Будущее никогда не будет прежним… (англ.) 160
Самойленко С. Университеты США во время COVID-19: взаимоотношения с местным сообществом (англ.) 165
Сиренко М. Использование вычислительной модели для прогнозирования в условиях пандемии COVID-19 (англ.) 169
Хережняк М. Как оставаться на связи в 2020 и в дальнейшем. Международные студенты в польских университетах во время пандемии COVID-19 (англ.) 174
Цецура К. Феномен «матрешки»: стратегические коммуникации во время пандемии (англ.) 182

TABLE OF CONTENTS

Kuzheleva-Sagan, Irina P. Opening remarks 9

SCIENTIFIC PAPERS

Aladina, Natalia Yu., Zakharova, Inna V. Learning foreign languages at the university of the future: Potential and risks of distance technologies (Russ.) 11
Baluk, Natalia A., Kuprina, Lidia E., Rybalova, Tatyana V. Development of higher education during the pandemic: The experience of distance learning (Russ.) 15
Braun, Sandra L. Early research and reporting coming out of the literature about the future of higher education (Eng.) 23
Bruni, Roberto, Colamatteo, Annarita, Pagnanelli Maria Anna The 'new normal' for the university: The 'onlife' approach (Eng.) 27
Bryndin, Evgeniy G. Mission of universities in the era of rapid technological development (Russ.) 35
Vermishova, Polina I. The problem of quality in the target components of university development programs (Russ.) 41
Vinokurova Ekaterina N., Polyanskaya Ekaterina V. Distance learning: How online learning changed students' life (Eng.) 47
Galazhinsky, Eduard V., Kuzheleva-Sagan, Irina P. A common view of the "pre-pandemic" models of the university (Russ.) 54
Galazhinsky, Eduard V., Kuzheleva-Sagan, Irina P. Post-pandemic models of universities: A view from the lockdown (Russ.) 63
Kuvshinov Sergey V., Yaroslavtseva, Elena I. Civilizational problems of the 21st century (Russ.) 71
Kruckeberg, Dean Traditional mission, role, and function of the university - appreciating, respecting, supporting, maintaining, and safeguarding the university as an essential societal institution (Eng.) 80
Kuznetsova, Darya V., Nosova, Snezhana S. Digital-campus: How not to lose the connection with a university after the online transition (Russ.) 90
Petlina, Elena M., Nesterov, Denis S., Gorbachev, Andrey V. Using distance learning technology in a post-pandemic educational institution (Russ.) 95
Pirozhkova, Sofia V. The role of digitalization in the intensification of interregional university cooperation and strengthening the territorial connectivity (Russ.) 101
Postol, Vladimir I. University's "third mission": Problems of implementation (Russ.) 107
Spicheva, Dina I., Sviridova, Diana Yu. Digital image of Tomsk as a students' city in response to decreasing the students' mibility (based on the focus-group) (Russ.) 112
Tkachenko, Kirill S. The infrastructure of computer nodes of an educational institution in post-pandemic environment (Russ.) 117
Fakhretinova, Aleksandra P., Larionova Anastasia V., Liventsova, Evgeniya Yu. Image of professors' new competencies in postpandemic universities (Russian and French cases) (Russ.) 121
Shmurygina Olga V. Higher school in the network society (Russ.) 126

TRANSCRIPTS OF REPORTS BY THE KEY SPEAKERS OF THE CONFERENCE

Astafieva, Olga N. The new ethics of communicators at universities: Risks of losing the academic environment (Russ.) 134

Braun, Sandra L. Teaching experience during the pandemic at Mount Royal University in Western Canada (Eng.) 138
Galazhinsky, Eduard V., Kuzheleva-Sagan, Irina P., Nosova, Snezhana S. Pre-pandemic university models: The ecological university (Eng.) 139
Galazhinsky, Eduard V., Kuzheleva-Sagan, Irina P., Nosova, Snezhana S. Pre-pandemic models of the university: Alternative approaches (Eng.) 143
Galazhinsky, Eduard V., Kuzheleva-Sagan, Irina P., Nosova, Snezhana S. Post-pandemic models of the university: The new global university (Eng.) 146
Galazhinsky, Eduard V., Kuzheleva-Sagan, Irina P., Nosova, Snezhana S. Post-pandemic models of universities: Cyborg universities (Eng.) 148
Millington, Steve. The place of the UK university in a post-pandemic world (Eng.) 153
Moravec, John W. The future ain't what it used to be (Eng.) 160
Samoilenko, Sergei A. US universities during COVID-19: Community relations (Eng.) 165
Sirenko, Mikhail Using comutational models in response to COVID-19 pandemic (Eng.) 169
Hereźniak, Marta Staying connected in 2020 and beyond. International students at Polish universities during the COVID-19 pandemic (Eng.) 174
Tsetsura, Katerina The matreshka phenomenon: Strategic communication during pandemic (Eng.) 182

DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-1

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

И.П. Кужелева-Саган,
заведующая кафедрой социальных коммуникаций Томского государственного университета; председатель Оргкомитета V Международной трансдисциплинарной научно-практической WEB-конференции «Connect-Universum – 2020»

Дорогие друзья!

Оргкомитет V Международной трансдисциплинарной научно-практической WEB-конференции «Connect-Universum – 2020», организаторами которой выступили Центр исследований ТГУ «Транссибирский научный путь» (TSSW), кафедра социальных коммуникаций факультета психологии ТГУ, лаборатория гуманитарных новомедийных технологий ТГУ, ТРОО социальных коммуникаций «Стратегия успеха» – рад представить вашему вниманию сборник научных материалов.

Мы искренне благодарны всем остальным организаторам, партнерам и экспертам за помощь в подготовке и проведении конференции. И, конечно же, мы особенно благодарны исследователям и практикам, приславшим свои доклады и презентации по теме «Постпандемическое будущее Университета: возможные модели, их потенциал и риски» для размещения на сайте (http://connect-universum.tsu.ru) и в данном печатном сборнике.

Университет по своей природе предназначен не только обучать и производить новое научное знание, но и время от времени критически переосмысливать свои ценности, миссию и академические (исследовательские, образовательные, культурные, управленческие) практики, описывая их в тех или иных формах: кодексах, уставах и разного рода публикациях. Ещё одна его особенность в том, что деятельность, протекающая в стенах Университета, не имеет явно очерченных границ. При попытке установления таковых возникает угроза для его способности возрождаться в новых условиях. Всё это – саморефлексия, самоописание и отсутствие четкой демаркации в академических процессах – обеспечивает его необыкновенную способность к реновации и адаптации к самым сложным историческим ситуациям. Благодаря этим свойствам он и существует уже более 800 лет.

С этой точки зрения дискурс о существующих и возможных моделях Университета является постоянным. Однако иногда он становится особенно активным и разнообразным. Как правило, это происходит на смене эпох в периоды промышленных революций. Именно в такое время мы сейчас и живём. Свои коррективы в представления о современном Университете и наиболее вероятных сценариях его дальнейшего развития внесла и пандемия COVID-19. Появление новых моделей Университета во многом зависит от накопления и систематизации опыта всех причастных к его жизни: исследователей, преподавателей, студентов, администраторов и стейкхолдеров.

Организатор web-конференции – Томский государственный университет – приглашает обсудить обозначенную тему представителей всех этих групп.

Цель обсуждения: обмен опытом работы и обучения в период пандемии для выявления оснований возможных моделей Университета в условиях глобальных вызовов, которые неизбежно будет вновь и вновь ставить перед человечеством эпоха Четвёртой промышленной революции (Клаус Шваб). Итак, каким сегодня видится Университет в постпандемическую эпоху: колледжем свободных искусств, университетом номадов, университетом-киборгом или…?

Все тексты печатаются в авторских редакциях и размещены в алфавитном порядке.

OPENING REMARKS

Irina P. Kuzheleva-Sagan,
Head of the Department of Social Communication, Tomsk State University;
Chairperson of the Steering Committee of the 5th International Transdisciplinary Research and Practice Online Conference Connect-Universum-2020

Dear Friends,

A University is inherently designed not only to educate and conduct research, but also to critically evaluate its own values, mission, and academic (research, educational, cultural and managerial) practices by describing them in various forms, such as charters, codes of regulations, and all types of publications. Another characteristic of a University is that its activities do not have any distinct boundaries. When such are proposed, a University starts losing its ability to change under new conditions. All these – self-reflection and self-description, along with being free of limitations in academic processes – provide the University with an amazing ability to regenerate and to adapt to the most complicated historical circumstances. Thanks to these particular properties it has existed for more than 800 years.

From this point of view, the discourse on existing and potential university models is ongoing. However, from time to time it becomes more active and diverse – as a rule, at the change of epochs, in times of technological (or industrial) revolutions. This is exactly where we are right now. The worldwide COVID-19 pandemic has contributed to how we see the contemporary University and the most likely paths of its development. Emergence of new models of the University depends to a large extent on accumulating and systematizing the experience of all those involved in University life: researchers, professors, students, managers, and stakeholders.

The organizer of the online conference – Tomsk State University – invites everyone interested to discuss the topic proposed above.

The aim of the discussion is sharing experiences of working and studying in the time of the pandemic to reveal the basics of possible University models under the conditions of current challenges that the humanity will inevitably face again and again in the age of the Fourth Industrial Revolution (Klaus Schwab). How is the University seen in the post-pandemic era: the college of liberal arts, the university of nomads, the cyborg university, or …?

All the papers and reports are published as edited by the author and are placed in alphabetical order (in the Russian alphabet).

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ СПИКЕРОВ КОНФЕРЕНЦИИ

УДК 378.4 : 004.738 : 005 (082)
DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-2

ИЗУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В УНИВЕРСИТЕТЕ БУДУЩЕГО: ПОТЕНЦИАЛ И РИСКИ ДИСТАНЦИОНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Н.Ю. Аладина, магистрант, Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, Ульяновск, Россия, strich14@bk.ru

И.В. Захарова, научный руководитель, канд. пед. наук, доц., Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, Ульяновск, Россия, inna-73reg@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается качество образования как одна из целей государственной образовательной политики Российской Федерации. Ставится вопрос оценки результативности цифровых и дистанционных образовательных технологий при преподавании иностранных языков. Выделены четыре категории технологий в соответствии с их ведущими функциями. Обосновывается, что дистанционные технологии расширяют образовательное пространство учебных заведений, позволяя им работать вне границ собственных региональных рынков. На основе опыта преподавания и исследований специалистов названы ограничения автоматизированного тестового контроля учебных компетенций обучающихся. Указывается, что компьютерное тестирование в преподавании иностранного языка как метод контроля знаний должно применяться в комплексе с другими, очными методами, это связано с необходимостью непосредственной коммуникации. Определены преимущества и недостатки дистанционных технологий в обучении иностранному языку. Сформулированы условия для повышения эффективности дистанционного образования в данной предметной области.

Ключевые слова: дистанционные образовательные технологии, качество преподавания, иностранный язык, оценка компетенций, тестовый контроль

В рамках Национального проекта «Образование» на 2018–2024 гг. (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол № 16 от 24.12.2018 г.) поставлена цель создания цифровой образовательной среды, обеспечивающей высокое качество и доступность образования всех видов и уровней. Федеральный проект «Цифровая образовательная среда» предполагает внедрение к 2025 г. цифровых технологий в образовательные программы 25% образовательных организаций в 75% субъектах Российской Федерации. В 2017 г. исследователи рынка онлайн-образования нашей страны прогнозировали, что проникновение электронного обучения в сегмент общего среднего образования достигнет 1,5% к 2021 г. [3]. Однако ситуация пандемии 2020 г. резко ускорила процессы цифровизации образования. Онлайн-курсы стали элементом основных и дополнительных образовательных программ на всех уровнях отечественной системы образования.

Цель данной статьи – проанализировать, насколько результативны цифровые и дистанционные образовательные технологии (далее – ДОТ) при преподавании иностранного языка, и определить условия их эффективности.

Преподавание иностранного языка традиционно имело достаточно высокое техническое оснащение из-за необходимости знакомства учащихся с образцами речи носителей языка. Методические основы дистанционного обучения сформированы опытом вузов, где их реализация носит систематический характер с 2000-х гг. Сегодня вместе с цифровизацией всех областей общественной жизни, новые технологии стали активно осваиваться образовательными организациями. В отечественном образовании стал применяться термин EdTech (от англ. *educational technology* – образовательная технология), под которым понимают и онлайн-обучение, разработку образовательного контента, и новые технологии управления учебным процессом, позволяющие повысить эффективность процесса обучения.

ДОТ расширяют образовательное пространство учебных заведений, позволяя им работать вне границ собственных региональных рынков. Под образовательным пространством мы понимаем взаимосвязанные рынки образовательных услуг, объекты образовательной инфраструктуры и органы управления территориальной системы образования, взаимодействие которых необходимо для удовлетворения образовательных, культурных, социальных потребностей населения [6, с. 379–380]. Можно утверждать, что помимо физических объектов, образовательное пространство включает и виртуальную среду образовательной организации, включающую её сайт и сайты отдельных её подразделений, личные кабинеты участников образовательного процесса, учебно-методические комплексы дисциплин, фонды оценочных средств, электронные образовательные ресурсы, каталоги библиотек, базы данных и пр.

В преподавании иностранного языка информационные технологии можно выделить четыре типа ДОТ (таблица), в соответствии с их ведущими функциями:

а) технологии представления образовательной информации;

б) технологии хранения и обработки информации на иностранном языке;

в) технологии коммуникации;

г) технологии контроля знаний и навыков обучающихся.

Дистанционные образовательные технологии, применяемые при преподавании иностранных языков

№	Типы ДОТ	Формы реализации	Образовательные эффекты
1	Технологии представления образовательной информации	Презентации к теоретическому материалу; видеоматериалы; учебные и худож. фильмы (присмотр, перевод, обсуждение, составление субтитров)	Позволяют использовать более совершенные, аутентичные носители языковой и графической информации
2	Технологии хранения и обработки информации	Работа со словарями с использованием web-источников; изучение иностранной периодики (интернет-изданий); поиск иноязычных источников по заданной теме; чтение, перевод, обсуждение контента иноязычных сайтов; создание баз данных по изучаемым темам	Дают возможность погружения в иноязычную культуру, в практику иноязычной речи
3	Технологии коммуникации	Дистанционные видеоконференции; обмен текстами offline; общение в мессенджерах, перевод SMS; использование и анализ автоматизированных переводов текстов и аудиофайлов	Формируют опыт языковой практики, вне зависимости от местоположения и окружающей языковой среду обучающихся
4	Технологии контроля знаний и навыков обучающихся	Тесты промежуточного и итогового контроля; интерактивные практикумы; учебные квесты	Позволяют педагогу за короткое время диагностировать качество освоения учебного материала. Стимулируют учебную мотивацию обучающихся

Исследователи и практики указывают ряд достоинств EdTech в освоении иностранных языков:

– информационно-коммуникационные технологии рассматривается как средство создания особой, электронной образовательной среды университета, ориентированной на учащихся [5, с. 27];

– использование современных информационно-коммуникационных технологий позволяет разнообразить процесс обучения иностранному языку, сделать его творческим и интересным для учеников, учащиеся расширяют свой кругозор, границы владения языком, получая опыт от практического его использования, учатся слушать иноязычную речь и слышать, понимать друг друга при защите проектов [1, с. 39];

– обучающийся имеет выбор между различными носителями информации, может выполнять задания в соответствии с аудиторной программой или планом по мере принятия им решения [4, с. 70].

Применение цифровых технологий и ДОТ при контроле знаний и навыков в процессе изучения иностранного языка имеет как достоинства, так и недостатки. Тестовый контроль знаний с применением EdTech и ДОТ имеет два важных преимущества, по сравнению с экзаменами и зачётами в устной форме: во-первых, тестовый контроль исключает субъективность оценок, во-вторых, он позволяет за достаточно короткое время оценить значительное количество обучающихся. Разработаны автоматизированные системы тестового контроля знаний, а ЕГЭ стал привычным для отечественного образования.

Тестовый контроль в автоматизированном режиме, как правило, оценивает учебные компетенции «на уровне воспроизведения» оценивания знаний учеников «на уровне воспроизведения». Но такая проверка знаний противоречит личностно-ориентированному подходу в преподавании и развивающей направленности ряда дисциплин гуманитарного цикла, в том числе иностранного языка. Считаем, что компьютерное тестирование в преподавании иностранного языка должно быть одним из методов контроля знаний и применяться в комплексе с методами очной коммуникации.

В текущей ситуации мировой пандемии образовательные организации оказались вынуждены массово внедрять инновационные дистанционные модели обучения. Это не повысило качество знаний школьников. Несмотря на ряд достоинств дистанционных образовательных технологий, непосредственное взаимодействие педагога и учащихся является не только основой воспитательного процесса, без него невозможно формирование коммуникативных компетенций.

Внедрение цифровых технологий и ДОТ в преподавание иностранного языка имеет ряд рисков с точки зрения качества образования, что подтверждено многими исследователями.

С.Т. Джаббаровой отмечается, что недостатком электронных учебников является сложность извлечения информации с экрана, поскольку способность понимать текст, информация на экране более громоздкая и неэффективная, чем чтение книги [2, с.75]. Применение информационно-коммуникационных технологий должно учитывать эргономические требования к организации учебного процесса, соблюдение режима отдыха, дозирование нагрузки на организм при работе с техническими средствами обучения.

В.Т. Олехнович, анализируя проблему повышения качества преподавания иностранных языков, утверждает, что оно «снизилось из-за перехода к тестовой системе проверки знаний, и единственный ресурс повышения качества образования – рядовые учителя; заменить учителя компьютерными технологиями и дистанционными методами обучения не удастся, так как в образовании необходим живой диалог, и дистантное образование и цифровая школа проблемы не решат» [8, с. 85].

Исследования А.В. Лебедева позволяют утверждать, что преподавателю необходимо дозированно использовать возможности интернет-технологий, сочетая их с традиционными средствами обучения [7, с. 68]. Чтобы при применении ДОТ на уроках иностранного языка качество знаний не снижалось, требуется использовать данные технологии в комплексе с очным, непосредственным взаимодействием педагога и учащихся.

В заключение назовём несколько условий для того, чтобы использование ДОТ при преподавании иностранного языка было эффективным с точки зрения качества учебных компетенций обучающихся.

1. Эффективность преподавания иностранного языка зависит не только от технического оснащения учебного процесса, но и от компетенций педагогов, от их навыков

2. Для качества языковой подготовки необходимо корректно сочетать инновационные и традиционные образовательные технологии.

3. В образовательных организациях должны быть разработаны методические документы для педагогов и учащихся, содержащие чёткие алгоритмы применения ДОТ, процедуры и критерии оценки знаний и навыков обучающихся.

4. Образовательной организации необходимы локальные акты, регламентирующие мониторинг учебного процесса и качество преподавания, с учётом специфики преподавания с использованием ДОТ.

Литература

1. Аласханова Р.И. К вопросу о преподавании иностранного языка (английского) в современной школе // Международный академический вестник. 2019. № 10 (42). С. 37–40.
2. Джабборова С.Т. Важность использования электронных учебников в преподавании иностранных языков в высшей школе // Вопросы науки и образования. 2019. № 32 (82). С. 74–77.
3. Древаль М. Исследование российского рынка онлайн-образования и образовательных технологий: цифры, факты, инсайты, прогнозы. URL: http://2017.russianinternetforum.ru/news/1290/
4. Жарова Е.Е. Использование методик дистанционного обучения в преподавании английского языка // Дистанционное и виртуальное обучение. 2018. № 14. С. 68–73.
5. Захарова И.В. Конкурентоспособность вуза и его электронная информационно-образовательная среда // Электронное обучение в непрерывном образовании-2019. VI Международная научно-практическая конференция : сборник научных трудов. Ульяновск : УлГТУ, 2019. С. 26–32.
6. Захарова И.В. Конкурентоспособность университета как гибридной структуры регионального образовательного пространства // Регионология. 2020. Т. 28, № 2. С. 377–399. doi: 10.15507/2413-1407.111.028.202002.377-399.
7. Лебедев А.В. Интернет-технологии в преподавании иностранных языков как вектор развития высшей школы // Гуманитарные науки и образование. 2018. Т. 9, № 2 (34). С. 64–69.
8. Олехнович Т.В. Что мешает повышению качества преподавания иностранных языков // Известия ЮФУ. Технические науки. 2013. № 10 (147). С. 84–88.

LEARNING FOREIGN LANGUAGES AT THE UNIVERSITY OF THE FUTURE: POTENTIAL AND RISKS OF DISTANCE TECHNOLOGIES

Natalia Yu. Aladina, Master's Student, Department of Pedagogy and Social Work, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov (Ulyanovsk, Russia). E-mail: strich14@bk.ru

Inna V. Zakharova (scientific supervisor), PhD in Pedagogy, Associate Proffessor, Department of Pedagogy and Social Work, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov (Ulyanovsk, Russia). E-mail: inna-73reg@yandex.ru

DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-2

Abstract. The paper considers the quality of education as one of the goals of the state educational policy of the Russian Federation. The question of evaluating the effectiveness of distance learning technologies in teaching foreign languages is raised. Four categories of such technologies, in accordance with their leading functions, are identified by the author. It is proved that distance technologies expand the educational space of educational institutions, allowing them to work outside the borders of their own regional markets. Based on the experience of teaching and research, the limitations of automated test control of students' educational competencies are identified. It is indicated that computer testing in teaching a foreign language should be one of the methods of knowledge control and used in conjunction with methods of face-to-face communication. A number of advantages and disadvantages of using remote technologies in teaching a foreign language are given. The conditions for improving the effectiveness of distance education are formulated.

Keywords: distance learning technologies, quality of teaching, foreign language, competence assessment, test control

УДК 378.4 : 004.738 : 005 (082)
DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-3

РАЗВИТИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: ОПЫТ ДИСТАНЦИОННОГО ФОРМАТА ОБУЧЕНИЯ

Н.А. Балюк, д-р ист. наук, проф.
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, n-balyk@mail.ru

Л.Е. Куприна, канд. пед. наук, доц.
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, kyprinaL2016@mail.ru

Т.В. Рыбалова, канд. культурологии, доц.
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, ribalova@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме развития высшего образования в условиях пандемического кризиса. Обобщается опыт организации образовательного процесса в вузах Тюменской области в 2020–2021 гг., его качественного уровня в условиях дистанционного формата. В основе лежат результаты проведенного социологического исследования с использованием методов выборочной совокупности, экспертной оценки и анкетирования. Респонденты – непосредственные участники образовательного процесса в дистанционном формате: студенты и преподаватели. Анкетирование было направлено на выявление степени готовности студентов к обучению в новом формате; степени готовности преподавателей вуза к организации дистанционного формата обучения студентов. Проведен анализ мнений экспертов в отношении качественных составляющих онлайн-обучения в сложившейся пандемической ситуации. Представлены результаты обработки полученной базы данных социологического опроса, касающиеся возникших трудностей и препятствий в освоении образовательных программ; готовности к обучению в новых онлайн-форматах; технических возможностей вузов, преподавателей и студентов; обеспечения видео- и аудио оборудованием. Исследование проблемы организации образовательного процесса в новых дистанционных форматах получило обобщение в выводах и рекомендациях авторов, касающихся принятия оперативных мер по оказанию поддержки преподавателей со стороны администрации вузов; корректировки объема учебной нагрузки; введение в практику вузов основных положений закона об удаленной занятости; введение онлайн-практик, мотивирующих образовательную деятельность студентов в современных условиях.
Ключевые слова: высшее образование, дистанционное обучение, удаленная занятость преподавателей

27 ноября 2020 г. в Томске состоялась V Международная трансдисциплинарная web-конференция «Connect-Universum – 2020», основным организатором-учредителем которой был Томский государственный университет. В существующей ситуации возникла необходимость в обмене опытом по организации образовательного процесса в период пандемии и поиска стратегий дальнейшего развития вузов, что и определило тему конференции: «Постпандемическое будущее университета: возможные модели, их потенциал и риски» [3]. В ходе конференции возникли дискуссии, обсуждались очень важные вопросы, которые не могли не затронуть всех участников и гостей. Нас – авторов данной статьи, участников конференции (в качестве слушателей), не могли оставить равнодушными горячие выступления экспертов и специалистов в области организации дистанционного формата обучения студентов.

Исследование выстроено в логике трех этапов:

1) изучение готовности студентов к дистанционному формату обучения: анкетирование в конце 1-го семестра обучения 2020/21 учебного года;

2) изучение готовности преподавателей вузов к организации дистанционного формата обучения студентов, анкетирование в конце 1-го семестра обучения 2020/21 учебного года;

3) анализ отношения экспертов, преподавателей вузов к организации онлайн-обучения в сложившейся пандемической ситуации (анализ сообщений в чате преподавателей вузов регионов РФ – участников вебинара 25 января 2021 г. VIII Зимней школы преподавателей-2021 «Тренды цифрового образования». Образовательная платформа «Юрайт»).

Анкетирование студентов [1]. В рамках исследования отношения и мнений студентов к дистанционному формату обучения и постпандемическому будущему высшего образова-

ния было проведено анкетирование студентов направлений «Туризм» и «Сервис» в Тюменском государственном университете.

Анкета состояла из 10 вопросов, ключевые из которых были направлены на выявление трудностей и препятствий в освоении образовательных программ в период дистанционного формата обучения.

В анкетировании принято участие 100 обучающийся, из них 73 девушки и 27 юношей. 28% – студенты 1-го курса; 18% – 2-го; 35% – 3-го и 19% – 4-го курса (рис. 1).

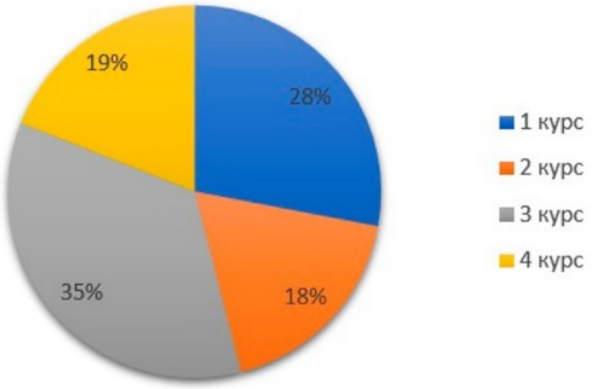


Рис. 1. Распределение студентов по курсам обучения

У 51% студентов, участвующих в анкетировании, нет готовности к дистанционному формату обучения. Почти половина (48%) были готовы к такой форме обучения.

Респондентам предлагался множественный выбор вариантов ответов Данные результаты показывают, что обучающиеся в достаточной степени оснащены компьютерной техникой, но для полноценной бесперебойной работы во всех требуемых реализациях с видео- и аудио оборудованием существуют некоторые проблемы (рис. 2).

Наличие устойчивого интернет-канала – важная часть дистанционной формы обучения. Как видно из результатов опроса, большинство респондентов имеет стабильный домашний интернет-канал, некоторые пользуются возможностями свободного доступа к Wi-Fi-точкам, но указывают на нестабильность подключения (рис. 3).

Наибольший интерес представляют мнения респондентов, связанные с оценкой качественного уровня (преимуществ и недостатков) дистанционного формата обучения. Из 194 ответов самыми популярными оказались ответы– «сокращение времени на транспортное перемещение» – 46%, «Отсутствие привязки к месту проведения занятий» – 33%. Отметили студенты и возможность использования преподавателями интерактивных форм обучения 12%.

В недостатках дистанционного формата обучения обучающиеся отметили: отсутствие личного контакта с преподавателями, «живого общения» (29%); отсутствие атмосферы коллектива, поддержки учебной группы при выступлениях на занятиях (28%); проблемы с техническим оборудованием (24%); отсутствие стабильного интернет-канала (16%).

Рис. 2. Наличие у студентов технических средств дистанционного обучения

Рис. 3. Имеющиеся возможности у студентов подключения к интернету

Данные ответы подтверждают необходимость и важность «живого общения» как с преподавателями, так и с одногруппниками.

Мнение обучающихся по поводу увеличения времени на подготовку к учебным занятиям разделилось практически поровну по основным ответам, хотя есть и другие ответы (рис. 4).

Рис. 4. Время, уделяемое студентами, при подготовке к учебным занятиям

Понятно, что опыт, полученный в период карантинных мероприятий, должен быть в определенной мере интегрирован в традиционный учебный процесс. Достаточно творческими и в меру конструктивными и критикующими, оказались ответы на открытый вопрос: «Каким Вы видите постпандемическое будущее системы высшего образования? Ваши предположения», где респонденты попытались предположить возможное развитие событий и проследить свое отношение к сложившейся ситуации (рис. 5).

Рис. 5. Элементы дистанционного формата, внедренные в традиционную форму обучебния (из предложений студентов)

Некоторые из ответов кажутся достаточно пессимистичными и категоричными, а некоторые респонденты принимают ситуацию как естественный процесс цифровой эпохи[1].

«Мне нравится дистанционное обучение по многим причинам. Многие считают его хуже. Но у каждого свой выбор. Как следствие, обучение скорее всего перейдет в очный формат, так как многим так будет комфортнее» (https://simpoll.ru/stats/respondent/176931/12769788).

«Люди разучатся взаимодействовать с коллективом, зрение ухудшится ещё больше, постоянные посиделки дома из-за такого обучения, нет времени выйти на улицу, прикован к дому и т. д.» (https://simpoll.ru/stats/respondent/176931/12769770).

«Частичный переход на дистанционное образование, практика - в университете» (https://simpoll.ru/stats/respondent/176931/12770005).

«Дистанционному формату обучения – место быть в мире. Я считаю, что такой формат обучения развивает самостоятельность, и студенты ищут новые подходы к сбору информации и как лучше ее преподнести» (https://simpoll.ru/stats/respondent/176931/12769710).

«Частичный переход в дистанционный формат (лекции дистанционно, практические занятия очно)» (https://simpoll.ru/stats/respondent/176931/12769711).

«Живое общение участие в жизни университета» (https://simpoll.ru/stats/respondent/176931/12769707).

«Частичка дистанционного обучения стоит оставить, но точно пары по физкультуре стоит оставить очно» (https://simpoll.ru/stats/respondent/176931/12769706).

«Пока все участники образовательного процесса не адаптируются к работе в онлайн формате – ничего хорошего не жду. По-прежнему многие преподаватели не дружат с технологиями. Другая часть просто отчитывает материал. Интерактив, вопросы, дискуссии – все это пропало» (https://simpoll.ru/stats/respondent/176931/12768146).

«Надеюсь, на прежний вид образования. Качественного будущего за образованием в интернете не будет. Преподаватель не может в полной мере раскрыть лекцию через онлайн занятие» (https://simpoll.ru/stats/respondent/176931/12764642).

«Значительное снижение уровня образования» (https://simpoll.ru/stats/respondent/176931/12763622).

«Возможно есть смысл вести лекции в онлайн формате, но все практики и защиты сделать очные, для более глубоко понимания информации получения полноценного образования» (https://simpoll.ru/stats/respondent/176931/12762224).

Анкетирование преподавателей высшей школы [2]. Из профессорско-преподаватель-ского состава высшей школы в анкетировании приняло участие 15 чел. из разных вузов регионов РФ, в т. ч. 33% составили преподаватели в области гуманитарных наук, 33 % естественных наук, 28 % общественных наук и 6% технических наук (рис. 6).

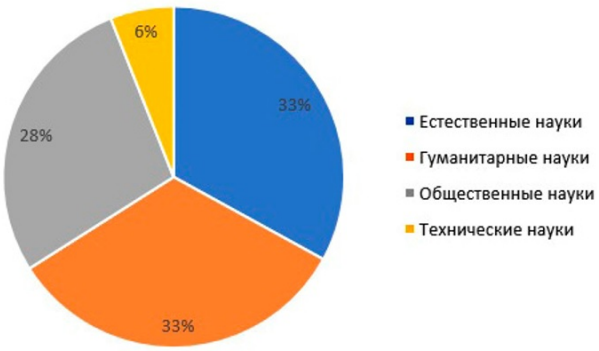


Рис. 6. Направления дисциплин, читаемых преподавателями вузов

Анализ результатов анкетирования позволил определить следующие тенденции. При определении возможностей преподавания в дистанционном формате в период карантина,

[1] В примерах орфография и пунктуация респондентов сохранены.

35% опрошенных отметили положительную тенденцию развития новых цифровых навыков (рис. 7), освоение нового программного обеспечения; 9% опрошенных соотнесли возможности с саморазвитием и самообразованием; 20% отметили возможность включения в этот период в онлайн-среду и онлайн-сообщество; 15% – развития собственного индивидуального стиля обучения; 9% соотнесли данный период с повышением самодисциплины.

Рис. 7. Возможности карантина и дистанционного формата обучения

Из преимуществ дистанционного формата облучения 39% респондентов отметили индивидуализацию обучения, 26% – свободу выбора способов и приемов обучения, 22% – обязательный контроль и учет знаний обучающихся (рис. 8). При этом, индекс по улучшению качества обучения среди респондентов составил 0%.

Рис. 8. Преимущества дистанционного формата обучения

Среди недостатков дистанционного формата обучения 33% респондентов отметили увеличение преподавательской нагрузки; 19% – ухудшение качества образования; 21% – постоянные проблемы с пользованием программным обеспечением; 16% – жалобы на увеличение объема самостоятельной работы; 12% – отсутствие мотивации студентов (рис. 9).

Рис. 9. Недостатки дистанционного формата обучения

О доле допустимости форм дистанционного обучения в традиционном формате: 38% респондентов допускают только в рамках лекционных занятий, 25% – не более 5% от общего объема учебной нагрузки, 13% – соответственно 15%; 13% – 10% от общего объема учебной нагрузки (рис. 10).

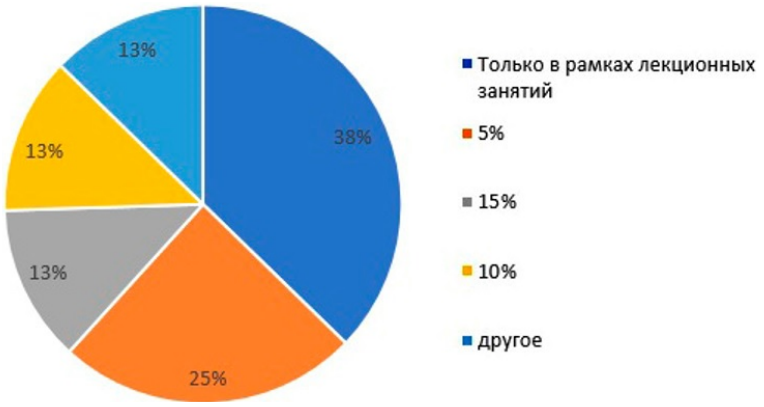


Рис. 10. Возможная доля дистанта в традиционном формате обучения

Анализ сообщений в чате преподавателей вузов регионов РФ – участников вебинара, 25.01.2021 г. В первый день VIII Зимней школы преподавателей-2021, проводимой специалистами образовательной платформой «Юрайт», было 3 456 участников (преподавателей) из 913 учебных заведений. В чате было зарегистрировано 29 750 сообщений. В своем исследовании мы провели анализ сообщения, сделанные преподавателями только за период выступления эксперта РАНХиГС (Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ) Дмитрия Рогозина. Его доклад «Будущее дистанционного образования (представления о высшем образовании в 2021-м преподавателей, отвечающих на вопросы в середине 2020-го)» вызвал живой отклик в чате. «Самая большая боль, которую высказывают преподаватели и которая непосредственно связана с организацией рабочего места, – это боль от невозможности общения с коллегами», – отметил эксперт [6].

За 60 минут в чате на выступление Дмитрия Рогозина от преподавателей вузов поступило 960 сообщений. Из которых нами проанализировано 323 сообщения (из них: 60 – о возможности и преимуществах, 213 – о недостатках дистанционного формата обучения; 20 – предложений по улучшению образования в онлайн обучении, 30 – рекомендаций, советов по использованию интернет-платформ и инструментов).

Плюсы дистанционного формата составляют 1/5 часть, отмеченные в сообщениях чата, и проанализированных нами, они сведены в табл. 1. Все сообщения сгруппированы по тем вопросам, что были предложены преподавателям вузов при онлайн-анкетированы.

В 22 сообщениях (это 36,7%) преподаватели отметили возможность включения в онлайн-среду: при большой нагрузке педагога – выход на дистант, большая возможность в демонстрации на лекции, использование дистанционного формата при карантине и др.

Негативных сообщений в чате все же было намного больше, чем положительных. Они также сгруппированы по тем пяти вопросам, что были предложены преподавателям вузов при онлайн-анкетированы. Хотя пять групп сообщений вошли дополнительно и они обозначены как «другое» (табл. 1).

Из недостатков было отмечено увеличение преподавательской нагрузки (32,3%). Вот некоторые сообщения: увеличились отчетность и проверка; необходимость в переработке заданий, индивидуализация; необходимость постоянного присутствия в чате; лабораторные по химии требуют предварительной видеосъемки и др.

Увеличение нагрузки на преподавателя повлекли за собой ухудшение качества образования (28,0% сообщений). Причины сложившейся ситуации (примеры сообщений): массовизация образования – поток в вузы необучаемых; низкий контроль за качеством обучения; сложность работы с иностранными студентами; нет готовности педагогов и др.

Таблица 1

Анализ сообщений в чате участников вебинара «Изменяющиеся институты и организационная поддержка трансформации», 25.01.2021, «VIII Зимняя школа преподавателя – 2021». Образовательная платформа «Юрайт» (60 сообщений)

№	Плюсы дистанционного формата обучения	Сообщений	
		К-во	%
Возможности карантина и дистанта			
1	Развитие новых технических навыков (освоение нового программного обеспечения и т.п.)	8	13,3
2	Саморазвитие и самообразование	1	1,7
3	Включенность в онлайн-среду и онлайн-сообщество	22	36,7
4	Развитие собственного индивидуального стиля обучения	5	8,3
5	Самодисциплина	2	3,4
Преимущества дистанционного формата			
6	Индивидуализация обучения	5	8,3
7	Свобода выбора способов и приемов обучения	9	15.0
8	Обязательный контроль и учет знаний обучающихся	8	13,3
ИТОГО:		60	100

Таблица 2

Анализ сообщений в чате участников вебинара «Изменяющиеся институты и организационная поддержка трансформации», 25.01.2021, «VIII Зимняя школа преподавателя – 2021». Образовательная платформа «Юрайт» (213 сообщений)

№	Недостатки дистанционного формата обучения	Сообщений	
		К-во	%
1	Увеличение преподавательской нагрузки	69	32,3
2	Постоянные проблемы с программным обеспечением и интернетом	15	7,0
3	Ухудшение качества образования	59	28,0
4	Жалобы и протесты студентов	9	4,2
5	Отсутствие мотивации у студентов	7	3,3
Другое			
6	Стерлась грань между домом и работой	7	3,3
7	Негативное отношение к гибридному (смешанному) обучению	4	1,8
8	Негативное отношение к дистанционному формату обучения	22	10,3
9	Отсутствие поддержки преподавателя (нет оплаты преподавателям за интернет, амортизацию)	7	3,3
10	Ухудшение здоровья преподавателей	14	6,5
ИТОГО:		213	100

Увеличение нагрузки ведет к ухудшению здоровья преподавателей (6,5% сообщений): снижения зрения, голосовая нагрузка, стрессовые ситуации и др.

В 9 сообщениях были отмечены ситуации жалобы и протесты студентов, из них 7 – против гибридного (смешанного) образования; 2 – категорически против дистанта. Студентам сложно переходить из форматов обучения онлайн в офлайн и обратно или переключаться при проведении онлайн-занятия с одной платформы на другую – все вызывает у них дискомфорт и недовольство. Хотя педагогами отмечены положительные тенденции смешанного обучения в соединении традиционного обучения с дистанционным, когда студент лучше контролируется, реализуется индивидуальный путь обучения [4, 5].

В результате проведенного исследования можно сделать ряд выводов и рекомендаций, которые будут способствовать решению крайне актуальных для общества и образовательных корпораций проблем, в т.ч.: оказание поддержки преподавателей со стороны администрации вуза; корректировка объема нагрузки в связи с дистантом; введение в практику вузов основных положений Закона об удаленной занятости; вводить в образовательный процесс авторские интерфейсы, онлайн-курсы для мотивации студентов; определить дистанционный формат обучения как дополнительный сервис; вести учет часов подготовки преподавателя к занятиям; проведение офлайн-полевых практик и практик по техническим дисциплинам.

В заключении уместно привести высказывание эксперта Дмитрия Рогозина, который подчеркнул, что в исследовании сложившейся ситуации перехода в онлайн: «Критиковался вовсе не дистанционный формат, а экстремальный опыт преподавания в домашних условиях и та ситуация вынужденной работы и несвободы, которая выросла катастрофически» [6].

Литература

1. Анкета на тему «Постпандемическое будущее системы высшего образования» (для студентов). URL: https://simpoll.ru/stats/survey/176931 (дата обращения: 31.01.2021).
2. Анкета на тему «Постпандемическое будущее системы высшего образования» (для преподавателей). URL: https://simpoll.ru/surveys/content/179180 (дата обращения: 31.01.2021).
3. Будущее вузов после COVID-19 обсудили на Connect-Universum 2020. 30 ноября 2020. URL: http://www.tsu.ru/news/budushchee-vuzov-posle-covid-19-obsudili-na-connect-universum-2020/ (дата обращения: 18.01.2021).
4. Кизилова А.С., Фадеева Г.Н., Волков А.А. Гибридное образование: оценка в категориях информационно-аксиологического подхода // Вестник Минского университета. 2018. Т. 6, № 1.
5. Роль смешанного (гибридного) обучения. URL: http://kvn-e-learning.blogspot.com/2014/06/blog-post_22.html (дата обращения: 01.02.2021).
6. Эксперт РАНХиГС Дмитрий Рогозин выступил в рамках Зимней школы преподавателя. 26 января 2021. URL: https://kaz.ranepa.ru/news/novosti-akademii.php?ELEMENT_ID=390784 (дата обращения: 30.01.2021).

DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATION DURING THE PANDEMIC:
THE EXPERIENCE OF DISTANCE LEARNING

Natalya A. Balyuk, Doctor of Historical Sciences, Professor, Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: n-balyk@mail.ru
Lidiya E. Kuprina, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: kyprinaL2016@mail.ru
Tatyana V. Rybalova, PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: ribalova@bk.ru

DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-3

Abstract. The article is devoted to the development of higher education in the pandemic crisis and summarizes the experience of universities of the Tyumen region in 2020-2021. The study is aimed at determining the quality of organizing the teaching process during distance learning based on the results of the sociological study that uses the methods of population sample, expert assessment and inquiry. University students and lecturers were questioned in regard to their readiness to work and study in the new format. We also analyzed the opinions of experts concerning the quality of online education in the current pandemic situation. The article presents the results of the sociological survey, concerning the difficulties and obstacles to assimilating the educational programs; readiness of students to online learning; technical capabilities of universities, lecturers and students; use of video and audio equipment. We draw conclusions and give recommendations what measures could be initiated by universities' authorities to provide support to the teaching staff (including the adjustments to the amount of workload; the legal basis for remote employment; and the introduction of online practices to motivate students in the modern conditions).

Key words: higher education, distance learning, remote employment of university lecturers

UDC 378.4 : 004.738 : 005 (082)
DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-4

EARLY RESEARCH AND REPORTING COMING OUT OF THE LITERATURE ABOUT THE FUTURE OF HIGHER EDUCATION

Sandra L. Braun, PhD, Associate Professor, Public Relations, Mount Royal University, Calgary, Canada, slbraun@mtroyal.ca

Abstract. This is a discussion of the review of current literature surrounding the future of higher education in light of COVID-19, globally. A scan of about 550 scholarly and trade articles yielded some predominant themes by scholars, leaders and industry experts. Major themes centred around the acceleration and relative permanence of online learning, what is the purpose of the university, a re-examination of the role of brick and mortar, a re-envisioning of the traditional university campus spaces and emerging skills for the post-pandemic world.
Keywords: higher education, online learning, traditional university, post-pandemic university, campus spaces

Introduction

The literature around the impacts of COVID-19 and the future of higher education is growing and evolving rapidly. While it is necessarily quite speculative at this time; nevertheless, the topics of these conversations can give clues as to the major emerging considerations and possible likelihoods about the university of tomorrow, post-pandemic. While, to date, much of the pandemic literature in higher education has focused on student impacts (such as mental health), changing educational protocols (particularly in medical schools), and evolving pedagogical practices/educational processes, there is a body of literature focused specifically around discussions related to the future of the university, arising out of many definitive, global changes [1].

This is a thematic analysis and discussion of the review of 550 scholarly and trade articles about the future of the university, revealing some key themes. There is agreement that, like other industries, higher education has been significantly impacted during the pandemic. There is a general consensus that, as part of our crisis planning, administrators must be prepared for future crises in terms of emergency learning. And very emergently, the pandemic has necessitated a re-thinking of higher education at every level, from policies and administration, to revenue streams and also about curriculum and delivery. As part of these broader themes, more specifically, there has been focused discussion about the acceleration and relative permanence of online learning, the role of the university in an emerging society, and a re-envisioning of campus spaces.

Results and Discussion

The acceleration and relative permanence of online learning. The most obvious and direct impact of the pandemic has been the necessary pivot to online learning (also called e-learning or distance education), where courses are taken largely, or entirely, in the online environment. While online learning has formally existed in the US since 1976 with the inception of the University of Phoenix, it has generally been viewed as an option or add-on to traditional face-to-face higher education. Online learning has been a growing worldwide phenomenon, however, often surpassing face-to-face education in some parts of the world [2]. It has been historically trending toward greater acceptance, satisfaction and positive learning outcomes [3] and pandemic conditions have propelled elearning to the forefront of teaching and learning. This shift has become, in essence, a forced global experiment in online learning which has brought about new revelations about the role and practice. One major discovery is the positive potential of online learning as a stronger, more prevalent and available option in the suite of course offerings. “A growing number of colleges are now evaluating which courses can be taught successfully through online learning and this trend may lead to long lasting and/or permanent changes with improved online learning platforms and ways of teaching” [4].

While champions of elearning point to the fact that it is cost effective, innovative, convenient and efficient, many concerns are emerging. Some feel it is perpetuating divisions of race, class and levels of support [5], and many students, particularly those in developing countries, are not as amenable to it and/or do not seem to perform as well [6]. One antidote for this, according to discussions, is the hybrid model of elearning, which is a combination of synchronous and asynchronous learning; there is a greater acceptance of elearning when synchronous elements (such as online interaction such as discussions, break rooms, gamification, etc.) are added to an online course [7].

The impacts of a significant shift to online learning can precipitate many tangential developments and implications for the marketplace. For example, jobs for online tutors can develop, we can see greater software options with better educational and interactive features (e.g., virtual reality, video conferencing, interactive tools like polling and breakouts, etc.), and there will be need for greater instructor training and other supports. Entire industries can potentially develop around this global shift toward more online learning. Challenges, however, are likely to persist, such as how best to deal with labs (some remote labs and video-based labs are developing) and issues of the digital divide persist (lack of computers, no wi-fi, weak wi-fi). In the case of remote labs, issues of quality of training can cast a cloud on graduates; questions about the quality of education and assessment done in virtual labs versus face-to-face would need to be addressed and clarified [8]. In the case of the digital divide, access to education becomes a key issue, but, already, the digital divide is gradually shrinking and pressures for the need for online education (so that education *can* be more accessible to more people) are likely to accelerate the closing of this gap.

Re-thinking the role of brick and mortar. The rapid shifts into online learning have led many to examine the role of brick and mortar in higher education. If more learning occurs online, what of the need for brick and mortar? This issue is a strong theme in discussions. "This shift to distance education could also reduce some of the need for lecture space at college campuses with a shift to a non-classroom setting such as the library or testing center" [4]. Historically, campuses have felt the growing pains of lack of space. This problem may prove to be somewhat moot with the option for online course offerings. Campuses may find themselves developing into community hubs with student services, community services and research groups as centres of activity versus just a gathering place for students to go to their classrooms [9]. Many of the pressures that have been put on universities to grow their institutions, to acquire land, to create more classrooms, to develop intricate supports and services on campus for both students and instructors, to facilitate parking and accommodate mass transit, etc., have created cities within cities, ecosystems within ecosystems, competing for ever scarcer resources. Many universities have been reaching breaking points juggling these needs under the traditional sprawling campus model, the efforts of which have not been supported by appropriate financing, and with university budgets continually shrinking. Much of this model of the sprawling campus may need to be stripped away and the essential role of the university in society, along with the purpose of its varied spaces, are having to be re-thought. Therefore, many discussions have focused on more slimmed-down campuses, campus mergers [10], the leasing out of excess space, campuses becoming multi-purpose, campuses blending more into the community and being community hubs, and a shift toward hybrid campuses with flexible options for residency and online [9]. Brick and mortar, at is most basic, would be reduced to essential spaces only, such as libraries, testing centres, research hubs, certain student services, etc.

The special role of libraries. In the review of the literature, an interesting discussion about the special role of libraries bears some emphasis. There is recognition that that libraries, and librarians, can play a more active role in student online success such as guiding with research, providing documents and resources, instructing students in how to better use the digital environment, and providing specific supports through embedded librarians (librarians who are subject matter experts) to respective disciplines [11]. Libraries, therefore, as the centres of learning, have great potential to fill gaps in terms of connectivity with students (e.g., through library chat lines) and provide some instructional support (e.g., through embedded librarians). These types of critical supports could emerge as prominent, and place the library in a more central role in student success in the online world.

Changing research agendas. Large shifts in society tend to generate shifts in research agendas. Not only are research agendas impacted in terms of discussion of the pandemic directly from a medical or health or economic perspective, but there are many ancillary impacts on research agendas as well [12]. Research agendas become wide open in almost all fields to address the many effects of the pandemic. Research around gender, work, family, essential workers, and the virtual worker are all key areas [13]. Issues around national and international collaborations and the acceleration of innovation also come to the forefront [12].

The challenges of transition. Discussions, industry reports and legislative decisions all point to the reality of ongoing cuts in higher education. One study of 250 universities in the US, for example, shows they are just beginning to look at cuts through redundancies, furloughs or paid leaves, and pay cuts, with more cuts coming [14]. More cuts are undoubtedly coming. As budgets are being slashed, how will higher education respond and adjust, since the path forward is only one of heightened belt-tightening? This is a major question faced by all institutions and resolutions and responses will depend on the size of campuses, the regional environment and emerging government policies.

Another major challenge of transition is how to effectively interject the "social" in online learning; this will pose significant challenges as educators struggle to retain, and even increase, connectivity in a digital environment [9]. Instructors who are more technologically-inclined are able to adapt more quickly; however, there is pressure on instructors who are not as skilled. There is likely to be more technological supports available for the lesser-skilled instructor. Additionally, technology, in response to this new market demand, is responding with more and more software programs and tools that are designed to engage learners and which are relatively easy to use. It will be important to address this question about how to ensure social connection and "maintain the sense of vibrancy and energy, reminiscent of campus life" [9].

The opportunities of the emerging new environment. In a new economy, and with global shifts, the university could be one of the most important institutions to serve a changing world. There will be need for re-training, and there may also be need for upgrading and filling in of knowledge gaps as a result of the pandemic. Additionally, non-credit offerings, to provide connection and personal growth, may be needed not only for upgrading, but for life enrichment. "There are millions of people around the world who are excited about learning advanced subjects that higher education institutions are able to teach" and which are not necessarily credentialed [15].

Obviously, there will need to be a tighter alignment by universities to new market realities, particularly focused on regional needs. Some project that 50 per cent of employees will need re-skilling by 2025, mostly around rising technology needs [16]. Universities may find themselves as part of the lifeline to their local and regional communities to meet local needs with respect to skill-building and job-training in a changed economy. The skills for the future are still being researched; however, in addition to the traditional list of skills for the 21st century (learning and innovation; information and media and technology; and life and career skills) there will be a heightened and specific need for technological skills such as cloud computing, artificial intelligence, cybersecurity, data science and IoT (internet of things) [16].

Summary

Higher education, like many other industries, has been greatly impacted by COVID-19 the world over. New fiscal realities are destined to necessitate re-evaluation of how education is delivered. This delivery is most likely to include an increased amount of online education options with special attention to decreasing the digital divide and the incorporation of hybrid learning. This education will need to focus on how best to facilitate human connection and connectivity. Higher education will need to adjust to new market realities, identify educational gaps and be closely aligned to emerging market realities. Administrators should be prepared for the possibility of the decreased need for brick-and-mortar and that campuses may need to evaluate what are the essential on-campus offices that need to remain brick and mortar, and which can go online. Campuses will likely need to

be more creative in terms of creating revenue out of their overflow spaces such as leasing space, or becoming community centres and research hubs. Skills of the future will include heightened development in technological and cyber skills.

References

1. Wolinsky, H. (2020). Mobile students, remote education, free-fall economics: campus life in 2020 The pandemic-triggered economic crisis will have an unprecedented impact on higher education globally. *EMBO Reports*, 21(9), e51430–e51430. https://doi.org/10.15252/embr.202051430
2. Carius, A.C. (2020). Teaching practices in mathematics during COVID-19 pandemic: Challenges for technological inclusion in a rural Brazilian school. *American Scientific Research Journal for Engineering, Technology and Sciences*, 72(1), 35–43; Palvia, S. Aeron, P., Gupta, P., Mahapatra, D., Parida, R., Rosner, R., & Sindhi, S. (2018). Online education: Worldwide status, challenges, trends, and implications. *Journal of Global Information Technology Management*, 21(4), 233–241. https://doi.org/10.1080/1097198x.2018.1542262
3. Elzainy, A., El Sadik, A., & Al Abdulmonem, W. (2020). Experience of e-learning and online assessment during the COVID-19 pandemic at the College of Medicine, Qassim University. *Journal of Taibah University Medical Sciences*, 15(6), 456–462. https://doi.org/10.1016/j.jtumed.2020.09.005; Gupta, A., Shrestha, R., Shrestha, S., Acharya, A., & Pandey, N. (2020). Perception of BDS students of Kathmandu University on online learning during COVID-19 pandemic. *Orthodontic Journal of Nepal*, 10(2), 20–28. https://doi.org/10.3126/ojn.v10i2.31064; Kong, S. (2020). Learning to learn from a distance: The pandemic has accelerated a trend that was already taking hold in higher education. And that, surprisingly, might be a good thing. *Maclean's* (Toronto).
4. Wallis, L. (2020, August 11). Growth in distance learning outpaces total enrollment growth. *State of Oregon Employment Department.* Retrieved from https://www.qualityinfo.org/-/growth-in-distance-learning-outpaces-total-enrollment-growth
5. Kezar, A. (2020, September 4). A grim future beckons: The pandemic will bring capitalism to the heart of academe. *Chronicle of Higher Education*, 66(37), 14–16.
6. Sahbaz, A. (2020). Views and Evaluations of University Students about Distance Education During the COVID-19 Pandemic. *Education Process: International Journal*, 9(3), 185–189. https://doi.org/10.22521/edupij.2020.93.5
7. Rinekso, A. B., & Muslim, A. B. (2020). Synchronous online discussion: teaching English in higher education amidst the COVID-19 pandemic. *JEES (Journal of English Educators Society) (Sidoarjo)*, 5(2), 155–162. https://doi.org/10.21070/jees.v5i2.646
8. Flaherty, C. (2020, April 14). Remotely hands-on: Teaching lab sciences and the fine arts during COVID-19. *Inside Higher Ed.* https://www.insidehighered.com/news/2020/04/14/teaching-lab-sciences-and-fine-arts-during-covid-19
9. How Will the Pandemic Change Higher Education? (2020, April 17). *The Chronicle of Higher Education*, 66(27), 12+.
10. Ansari, S. (2020). Will they ever be back? The pandemic dealt universities a financial blow that could drive overdue change. Higher Education. Maclean's (Toronto), 133(9), 66–.
11. Ilfijeh, G., & Yusuf, F. (2020). COVID-19 pandemic and the future of Nigeria's university system: The quest for libraries' relevance. *The Journal of Academic Librarianship*, 46(6), the academic library in promoting student engagement in learning. *College & Research Libraries*, 64(4), 256–282. doi:https://doi.org/10.5860/crl.64.4.256
12. Meiksin, J. (2020). The COVID-19 pandemic informs future directions of US research universities. *MRS Bulletin*, 45(9), 687–693. https://doi.org/10.1557/mrs.2020.235
13. Reports from University of Connecticut Add New Data to Findings in COVID-19 (Work-family Lockdown: Implications for a Post-pandemic Research Agenda). *Women's Health Weekly*, September 17, 2020, 960. *Business Insights: Essentials*. Web. 8 Nov. 2020.
14. Bodin, M. (2020). University redundancies, furloughs and pay cuts might loom amid the pandemic, survey finds. Nature (London). https://doi.org/10.1038/d41586-020-02265-w
15. Alvarez, M. (2020). The podcast university: Will the pandemic create a golden age for educational audio? *The Chronicle of Higher Education.*
16. Gupta, A. (2021, January 12). Top 5 technical skills for post-pandemic world in 2021. *Business World India.*

UDC 378.4 : 004.738 : 005 (082))
DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-5

THE 'NEW NORMAL' FOR THE UNIVERSITY: THE 'ONLIFE' APPROACH

Roberto Bruni, PhD, University of Cassino and Southern Lazio, Cassino, Italy, r.bruni@unicas.it

Annarita Colamatteo, PhD, University of Cassino and Southern Lazio, Cassino, Italy

Maria Anna Pagnanelli, PhD, University of Cassino and Southern Lazio, Cassino, Italy

Abstract. The COVID19 pandemic has prompted every university to strengthen online relationship management for students, professors, researchers, and administrative officials. The heavy use of online activity appears to reduce students' perception of the difference between online universities and traditional universities. For this reason, students are searching for elements of differentiation to decide where to focus their efforts in the coming years. The aim of this paper is to use the 'onlife' concept to explain how a traditional university can integrate online and 'onplace' activities in order to create differentiation elements through pure online distance learning – the university. Places, policymakers, university staff and stakeholders, combining online activities with local culture, perspectives, case studies and 'onplace' experiences enrich the experience of students and professors, highlighting the distinction of online universities.
Key words: pandemic, university, place marketing, online, onplace, onlife

Introduction

In the first phase of the emergence of Covid19, new technologies supported each organization facilitating remote contact, meeting and, in some situations, simply ensuring business continuity (Nicola et al. 2020). In traditional universities, Internet connection created limits and opportunities for officers, researchers and professors to continue administrative activities, reinterpret and manage lectures, research activities, and internal and external contact with students and stakeholders (Almaiah, 2020).

The difficulties encountered have spurred each university to increase the frequency of online contacts with students (Rapanta et al.2020). For this reason, the difference between online and traditional universities has narrowed. This raised some more doubts among students regarding the choice to go to an online university or a traditional university. In particular, some students are currently evaluating the benefits and costs of distance learning over traditional university studies, which may have higher costs, especially when students need to relocate to another country. On the other hand, online universities are not suitable for students living in countries with limited infrastructure and limited Internet connections (Muthuprasad et al., 2021). For this reason, traditional universities should justify real benefits and differences with an online university to overcome the cost-benefit ratio that students can take into account, especially for universities without a recognized brand positioning.

Regardless of the pandemic, most societies are deeply connected and entangled with technology, and it is difficult to understand which actions or choices are performed entirely offline and which actions or decisions are eventually integrated by an online influence. This situation can be referred to the concept of 'Onlife', proposed by Floridi in 2007 to describe the context in which offline and online experience and life are inextricably intertwined. It is a state in which people's lives, choices and experiences are mediated and influenced by systemic and integrated effects generated by both online and offline experiences. Universities can consider these conditions to highlight strengths and opportunities for both students, locations, and universities themselves, working on relationships and expanding online contacts with students and other stakeholders.

In order to find an alternative interpretation of the traditional university role in countries and highlight the elements of the difference between an online university and a traditional one - in terms of a place marketing perspective – the university onlife approach is presented. In particular, this ap-

proach includes online and offline integration in order to create specific differentiation between the value propositions of different universities in different countries.

First of all, the theoretical background presents the place marketing base of the work and the onlife concept; this is followed by a presentation about the impact of the pandemic on traditional universities. The article ends with a presentation of the onlife approach to traditional universities.

Theoretical background

There is a brief theoretical background below, which is divided into three key points to provide some literary notes useful in explaining the thesis of the work: 1. The evolution of distance learning in the university, that has passed from being a complement for traditional universities to being a critical asset. The pandemic has increased confusion in identifying the differences between an online university and a traditional one; 2. The place marketing framework and the role of technology supporting the need to combine tangible and intangible assets of the place. Place actors are resource integrators, and place identity contributes to the differentiation of place stakeholders, including the university; 3. The onlife approach explains the interconnection of societies characterized by the interweaving of online and offline situations.

Online activity and universities. In the decades before the pandemic, several universities around the world experimented with online activities to deliver lectures, seminars, exchange documents and provide a variety of services, combining traditional activities with online activities (Shea et al., 2005). The evolution and diffusion of distance learning universities (Birch et al., 2009) have prompted traditional universities to reflect on the future and evolution of traditional learning. Therefore, traditional universities are looking for the integration of classic and physical activity, for example, with the addition of recorded lectures or online contacts and seminars.

The pandemic has exacerbated this tendency and made it more acute, even with a specific impact on the people involved. In particular, during the first phase of COVID19 pandemic, new technologies have provided strong support for traditional university activities (Nicola et al. 2020), even encouraging traditional teaching universities to review lectures, research activities, and internal and external contact with students (Rapanta et al.2020) and stakeholders (Almaiah, 2020). This activity has brought both benefits and limits for university users. For example, there were difficulties in connecting to Internet for some students (Muthuprasad et al., 2021), difficulties for professors in giving lectures (Bao, 2020; Mukhtar et al.2020), psychological difficulties caused both by the fast change because of the pandemic and by the rapid acceleration for online activities (Sahu, 2020). The partially highlighted constraints encourage traditional universities to question the future, assessing how online and offline contact with the direct and indirect stakeholders are regulated.

Place marketing, technology and the role of universities. Place marketing is a discipline that has been studied since the early 90s and although the first perspectives were based on place promotion (Ave, 1993; Borchert, 1994; Schmidt, 1993), recent approaches consider the place marketing structure to be a strategic approach (Gertner, 2011) that goes beyond pure communication and becomes the practical need for suggesting specific meanings and identities to the place value proposition (Parker, 2008; Bruni, 2014; Asworth 2016). In this context, the university can take a relevant role as an appropriate actor for place development (Chatterton, 2000) and meta-manager between policy makers and internal and external stakeholders (Sansone et al. 2012). By following the place marketing in terms of value co-creation, every internal and external stakeholder can participate in the application of their competencies to create benefits for other parties involved in resource integration and service exchange (Bruni, Caboni, 2017).

In this context, universities play a critical role in encouraging cultural development and technology adoption in places that attract research, projects, people and ideas (Florida, 2002; 2005; Berry & Glaeser, 2005; Glaeser & Berry, 2006). In terms of technology, its use to communicate and stimulate the interaction with users and consumers is nothing new (O'Brien and Toms, 2008), and technology has been at the forefront of the university, society and places development in recent

years (Winter et al., 2017). Technology is developing rapidly and affecting everyday life. For example, it affects one-to-onecommunication with mobile devices and the Internet of Things (Miorandi et al., 2012; Gubbi et al., 2013), optimization of city management through SMART city projects (Caragliu et al., 2013; Zanella et al., 2014), and even companies and industries (e.g., Industry 4.0) (Brettel et al., 2014). Thus, all of this has an impact on society and place.

The onlife concept. Onlife is rather a 'new word' invented by Floridi (2007;2013). This word explains that 'onlife' is a condition in which people's lives, choices and activities are mediated and influenced by systemic and integrated effects created by online and offline means and experiences.

For example, Floridi says *'our offline and online experiences and lives are inextricably* linked. In the work 'onlife manifesto'(Floridi, 2015), it is explained how online media and technology are heavily influencing our life (Simon and Ess, 2015). In this paper, this concept is used to explain how universities can help people (students, professors, and stakeholders) to fully immerse in real life of the region where a university is located, and at the same time get support from online technology to understand, interact, create and manage experiences both online and onplace.

Online pressure on traditional activities: focus on universities

During the pandemic, every organization in the world reorganized its activity changing its usual management and adapting it to the 'new normal' (Buheji and Buheji, 2020). Response efforts have been focusing on increasing knowledge, technology adoption, technical capabilities and safety devices. In each sector, few keywords lead the adaptation to the 'new normal': safety, confidence, help and care. All traditional activities or organizations, such as brick-and-mortar retailers, have been involved in managing the difficulties caused by the pandemic and have strengthened the organization to respond quickly, for instance, through the introduction of new technologies and, in particular, web contacts.

In the first phase of the pandemic, organizations from every sector, including retailers and traditional universities, had a common starting point, characterized by the limits and opportunities of online pressure, which are summarized in the following SWOT analysis (Table 1). This analysis adapts to the context of every organization, from companies and associations to universities.

Table 1

SWOT analysis representing the starting point for a company (e.g., a traditional retailer) during the period of pandemic adaptation to online pressures

Strengths	Weaknesses
The relevance of onplace experience User relationship and satisfaction management Clear mission and vision integrated with the place/region	Lack of capital to invest for technology Against network creation Individualism Unavailability to change The web and e-marketplaces as enemies to fight
Opportunities	**Threats**
Simple online tools ready to use Users ask for service innovation The fast growth of knowledge to share Online and Onplace activities have a positive experience in the service industry	Lacks of external support for technology updates Continuous development of online offerings Cheaper online offerings

Authors' elaboration.

Using the previous ideas, the results are commented on in the following table (Table 2), which compares the traditional retailer logic (brick-and-mortar) with traditional university logic. It is interesting to assess the homogeneity of the interpretation of the two SWOT principles. Although the retailer and the traditional university operate in different industries, they both come from a certain level of technology and have the goal to respond to emerging complexity (pandemic) by using strengths, reducing weaknesses, exploiting opportunities and protecting the organization from

threats. Both organizations (retailer and the university) have to manage their relationship and integration of resources with the environment to survive the difficulties and online pressure.

Table 2

Emerging homogeneity in the SWOT analysis of company's and university's response to online pressure

	Elements	Traditional retailer	Traditional university
Strengths	The relevance of onplace experience; User relationship and satisfaction management; Clear mission and vision integrated with the place/region	The experience of a brick-and-mortar shop represents its normal life. The traditional retailer has direct contact with the customer as this is the first strength and the achievement of its own goal is strictly connected with the microenvironment and relationships around the shop	Contact with students is the first pillar of traditional universities. In particular, each traditional university is often characterized by the place where it operates positively and negatively. This is a strong key difference from other universities
Weaknesses	Lack of investment in technology; Against network creation; Individualism; Unavailability to change; The web and e-marketplaces as enemies to fight	Individualism, a reluctance to change, and sometimes lack of investment in technology are some of the retailer's worst constraints and weaknesses. Although the role of online has been considered as an opportunity to communicate recently, e-commerce and e-marketplaces are always seen as enemies to fight	In traditional universities, cooperation is often limited, especially when it comes to cooperation between universities from different locations in the same country. The limits of the concept of change are always present, especially when universities need to modify their organization. Like traditional retailers, distance learning and Internet are considered to be strengths of distance learning universities, which are sometimes seen as competitors in education
Opportunities	Simple online tools ready to use; Users ask for service innovation; The fast growth of knowledge to share; Online and Onplace activities have a positive experience in the service industry	Regardless of the pandemic, Internet offers many opportunities for traditional retailers. Online tools are useful for improving sales and deepening knowledge. There are opportunities to integrate online activities with traditional ones. Sometimes these opportunities are underestimated due to lack of knowledge or interest in investments with medium to long term impact	Traditional universities can be considered to have the same opportunities, and since the approach is the same as presented in the retailer's box, it is possible to say that, with a few exceptions, online tools were viewed by traditional universities only as an 'add-on', which assumed a relevant role only because of the pandemic (with a system of associated difficulties)
Threats	Lacks of external support for technology update; Continuous development of online offerings; Cheaper online offerings	Alternative online offerings and the development of e-commerce create difficulties for traditional retailers who cannot manage such activities or, eventually, offer an alternative that will be positively recognized by customers. The future will be characterized by higher pressure on the traditional retailer through cheaper online offering	Over the past 20 years, distance learning universities (online universities) around the world have often been considered a valuable alternative to the traditional university. In particular, traditional universities with no clear rankings may face competition from mostly cheap online learning offerings

Authors' elaboration.

In distance learning universities' online channels are used to manage and communicate core activities. The context of the study for a student is characterized by 'online context' and no influences come from third parties or from the place and its culture. In this type of university, students have online contacts with professors and limited contacts with other peers. In contrast, the traditional (onplace) university presents a complex context, the impact of people, society, opportunities and threats that real life offers and the students may experience. As an example, let's think of the international students that are having experience of living in a country, learning a new language or, getting to know cultural heritage of the place – simply living in a city/country during their university life. The value proposition of this type of the university is a sum of experiences that come from widespread knowledge, people who attend the university and the place where one can experience limits and opportunities of the city (or country) where the university is located.

The comparative analysis in Table 2 explains the need to consider the integration between traditional and online activities. In any case, it is necessary to find a specific goal to link the strengths of 'onplace' organization (in particular, the university) and the opportunities arising from the online evolution.

In this work, given the place marketing context and the results obtained from the specific research streams previously presented, it seems that the solution could be identified in the place as system of assets and actors that might contribute to the characterization of a traditional university and at the same time the place could benefit from the university's efforts in terms of culture, knowledge, and place identity diffusion around the world. To explain this situation characterized by integration of resources and online and offline interaction, the 'onlife' approach can help to explain the confluence of online influences on offline life and the associated outcomes.

Onlife approach in the world

'Onlife' is an interconnected condition where online information and activities create continuous effects on people's offline life (Floridi, 2007). It is impossible to differentiate life and behaviour when people are connected or disconnected. For example, the onlife concept explains what we can learn from behaviour and how we can manage it, considering the emergence of onlife experience.

For instance, people with smartphones live 'onlife' because they integrate their choices (in real life – offline) making decisions according to the information they get 'online' by search engines or specialized websites or by simply watching YouTube tutorials. In smart urban projects, people are connected and integrated with technology and advanced services coming from the smart cities.

The university is another example for 'onlife' experience as it is simple to recognize the integration between technology, ordinary life and Internet services. The online addiction is not the only thing that turns a context into a 'onlife' context. It is necessary to understand that languages, rules, tools and purposes of each actor involved (online and offline) can be integrated and joint but there are limits in some universities at the moment.

It is necessary to make a step from an added online experience to an 'onlife' experience. That is possible thanks to the real focus on people and places that characterize traditional universities.

Onlife approach to universities

Since the online activity for universities is not only an 'add-on', in order to overcome the simple application of online approach to the traditional university, it is necessary to plan a next step, which we call 'onlife' approach. Universities should be encouraged to consider online activities as part of their normal value proposition and it is necessary to use online activity to build a strong connection between the university, people and place where this university is located. Integration is crucial because it is impossible to innovate without involving people and their efforts as it is impossible to make revolutions without participation.

There is a three-step path to introduce the onlife approach to traditional universities.

Table 3

A three-step path introducing the onlife approach to traditional universities

STEP1. Regulation of intensity of online activity
STEP2. Choice of the right software to work obtaining professional outcomes and results
STEP3. Integration of online activities with the onplace experience and, at the same time, online media should enhance the opportunities for recognition of the university's value proposition and mission

Authors' elaboration.

Firstly (STEP1), it is necessary to consider that each activity within the traditional university might be integrated via online, but every action should be regulated in terms of effective use. For example, it is essential to record videos and make content for the online use. Otherwise (for example, just taking a video from face-to-face lectures), it can give a distorted result because each media

should be used taking into account its limits and opportunities. That is, online lectures should be designed with the characteristics required for online learning.

The same thing is with choosing the useful software (STEP2). The software should not be expensive for students and it should be user friendly, including social media. For this reason, it is necessary to balance the intelligence of the software with the professional outcomes to ensure the highest level of connection between the online and offline experience.

The third step (STEP3) highlights the need for integration of goals. Each university stakeholder interested in the university development should contribute to the media use to demonstrate that connection with the place is valuable for the university, people and students. An 'onlife' university should integrate stakeholders' experiences into the delivery of the university knowledge in order to create a knowledge characterization (for instance, integrate the contributions of companies that are truly active in the place, showing the place perspective in terms of business and international relationship). At the same time, it is necessary to always encourage students to interact with the cultural heritage and with the local language since both of them represent the true heart and soul of a country (for instance, cause a desire to visit places physically and to be part of real university life, when it is possible, encourage professors to invite managers and people from 'real life' to demonstrate case studies during the lectures regardless of the subject).

This is possible by integrating online and onplace activities at any time of the university activity and in order to apply the 'onlife' approach to traditional universities, some guidelines follow (Table 4, 5, 6).

Table 4

Improvement of the university's value proposition

Virtual and augmented reality in laboratories.
Integrating the online resources with traditional lectures.
Using the online resources for direct contact with students before, during and after the enrolment.
Reducing the time for professor meetings and increasing the number of meetings with students.
Online activity increases the chances to be on time for meetings and lectures.
Identify how to reduce offline activity to reduce pollution.
Flexible time integrating online and offline

Authors' elaboration.

Consideration should be given to improving the university's value proposition by integrating digital and online technologies into traditional lectures and laboratory activities, for example, by creating specific content available to students during and after lectures (integrating materials or, for example, creating content with basic principles or background information on the topic).

It is also interesting to use online activity to increase the number of contacts with students before, during and after the enrolment at the national and international levels (having contacts with high schools, connecting professors with university students, connecting alumni with the university, providing free lectures online, creating YouTube channels with open and free lectures useful for managers and interested people).

At the same time, as it is shown below (Table 5), it is useful to strengthen the connection between the university, place and its stakeholders.

Table 5

Encouraging local and online participation

Integrate lectures and seminars with digital content, online resources and external contributions from different countries around the world.
Encourage professors to cooperate with stakeholders from 'real life' - if possible, link subjects to practice activities describing the place offer in terms of companies, cultural heritage, practice case studies in the city/country where a university is located.
Encourage students to work on case studies and activities useful for the online offerings of the university.
Create a need to physically visit places and a need to be part of real university life by actually and virtually designing each activity as a double event that should create enjoyable content online and offline.
Create shared initiatives – online and onplace –

Authors' elaboration.

The traditional university can integrate online initiatives and onplace activities as parts of the same strategy. Digital technology and online activity should be used to establish contacts with entrepreneurs, managers, professionals. These subjects can include speeches, projects and student participation in company life to enrich subjects within particular and professional topics without wasting time traveling to the university. This can lead to a need to visit places physically and a need to be part of real university life as actually as virtually.

Each initiative should be communicated according to a strategy appropriate to the marketing addresses, even balancing the university's brand-building process. Table 6 shows the relevant key points.

Table 6

Improving communication and engagement

Investing in digital technology (video making, editing, script, teacher support for recording).
Involving filmmakers and screenwriters who are experts in movie making to define 'onplace' university communication.
Involving video and web communication experts (Youtubers, influencers, etc.) to define the university's online communication and related content.
Involving the community of youngsters in the creation of engaging content for new students

Authors' elaboration.

The online content should be well studied by 'experts' in digital communication and the Internet content. Likewise, it is necessary to use online and technology to expand onplace experience (for example, consider integrating virtual reality and augmented reality into daily physical work). When working on online content, in order to integrate it into the 'onplace' activities, it is crucial to involve young people in setting goals, content constraints, speaking, time and communication.

Conclusion

The 'onlife' approach to the university is focused on people, place and knowledge, and traditional universities should be perceived differently by distance learning universities especially when a university adopts the 'onlife' approach characterized by a strong connection between place participation and the university online and offline value proposition. Students have to understand that the difference between an online university and an 'onlife' university is an enriched and integrated experience characterized by full immersion in the social context of the place where the university is physically built and by the ability to enjoy the content of the university through online media that are completely integrated with real life of the place.

This approach has some limitations. It can be said that numerous information and communication opportunities are not always transformed in competencies for people; it is not always possible to gain additional knowledge by integrating online and onplace content, even if it is well organized. In addition, 'onlife' approach for universities can be limited by cyberattacks, so data management and privacy policies can reduce project development opportunities. For this reason, it can become a solution to regulate relationships and agreements with ICT companies in order to have control over their activities.

References

1. Almaiah, M. A., Al-Khasawneh, A., & Althunibat, A. (2020). Exploring the critical challenges and factors influencing the E-learning system usage during COVID-19 pandemic. *Education and Information Technologies*, *25*, 5261–5280.
2. Ashworth G. (2016), *Place marketing: marketing in the planning and management of places*, Routledge.
3. Ave G. (1993), *Urban planning and strategic urban marketing in Europe*, in: G. Ave & F. Corsico (Eds) Urban Marketing in Europe, pp. 126–159 (Turin: Torino Incontra).
4. Bao, W. (2020). COVID-19 and online teaching in higher education: A case study of Peking University. *Human Behavior and Emerging Technologies*, 2(2), 113–115.
5. Berry C. R. & Glaeser E. L. (2005), "The divergence of human capital levels across cities", *Papers in regional science*, 84(3), 407–444.

6. Birch, D., & Burnett, B. (2009). Bringing academics on board: Encouraging institution-wide diffusion of e-learning environments. *Australasian Journal of Educational Technology*, *25*(1).
7. Borchert J.G. (1994), *Urban marketing: a review*, in G. O. Braun J. Karn H., Linemann A., Schultz G. Woosnam & J. Woosnam (Eds) Managing marketing of urban development and urban life (Berlin: Deitrich Reimer Verlag), 1994
8. Bruni R. (2014), *Dinamiche impresa–contesto–cliente e retail di prossimità*, Collana Economia e gestione delle imprese, Aracne Editrice S.r.l., Roma.
9. Bruni, R., & Caboni, F. (2017). Place as Value Proposition: The Marketing Perspective. Franco Angeli.
10. Brettel M., Friederichsen N., Keller M. & Rosenberg M. (2014), "How virtualization, decentralization and network building change the manufacturing landscape: An industry 4.0 perspective, *International Journal of Mechanical, Industrial Science and Engineering*, 8 (1), 37-44.
11. Buheji, M., & Buheji, A. (2020). Planning competency in the new Normal–employability competency in post-COVID-19 pandemic. *International Journal of Human Resource Studies*, *10*(2), 237-251. Buheji, M., & Buheji, A. (2020). Planning competency in the new Normal–employability competency in post-COVID-19 pandemic. *International Journal of Human Resource Studies*, *10*(2), 237-251.
12. Caragliu A., Del Bo C. & Nijkamp P. (2013), *10 Smart cities in Europe*, in Deakin M. Smart cities: governing, modelling and analysing the transition, Routledge.
13. Chatterton, P. (2000). The cultural role of Universities in the community: Revisiting the University—community debate. *Environment and planning A*, *32*(1), 165-181.
14. Florida R. (2002), *The Rise of the Creative Class…and How it's Transforming Work, Leisure, Community & Everyday Life,* Basic Books, New York.
15. Florida R. (2005), *Cities and the Creative Class,* New York and London: Routledge.
Floridi, L. (2007). A look into the future impact of ICTon our lives.The Information Society: An InternationalJournal, 23(1), 59–64.
16. Floridi, L. (2013).The ethics of information. Oxford: Oxford University Press.
17. Floridi, L. (2015). *The onlife manifesto: Being human in a hyperconnected era*. Springer Nature.
18. Onlife Initiative: concept reengineering for rethinking societal concerns in the digital transition - https://ec.europa.eu/digital-agenda/en/onlife-initiative
19. Gertner D. (2011a), "A (tentative) meta-analysis of the 'place marketing' and 'place branding' literature", *Journal of Brand Management*, 19: 112–131.
20. Glaeser E. L. & Berry C. R. (2006), "Why are smart places getting smarter", *Taubman Center Policy Brief*, 2.
21. Miorandi D., Sicari S., De Pellegrini F. & Chlamtac I. (2012), "Internet of things: Vision, applications and research challenges", *Ad Hoc Networks*, 10(7), 1497–1516.
22. Gubbi J., Buyya R., Marusic S., & Palaniswami M. (2013), "Internet of Things (IoT): A vision, architectural elements, and future directions" *Future generation computer systems*, 29(7), 1645–1660.
23. Muthuprasad, T., Aiswarya, S., Aditya, K. S., & Jha, G. K. (2021). Students' perception and preference for online education in India during COVID-19 pandemic. *Social Sciences & Humanities Open*, *3*(1), 100101.
24. Mukhtar, K., Javed, K., Arooj, M., & Sethi, A. (2020). Advantages, Limitations and Recommendations for online learning during COVID-19 pandemic era. *Pakistan journal of medical sciences*, *36*(COVID19-S4), S27.
25. Nicola, M., Alsafi, Z., Sohrabi, C., Kerwan, A., Al-Jabir, A., Iosifidis, C., ... & Agha, R. (2020). The socio-economic implications of the coronavirus and COVID-19 pandemic: a review. *International journal of surgery*.
26. Parker C. (2008), "Extended editorial: place–the trinal frontier", *Journal of Place management and Development*, 1(1), 5-14.
27. O'Brien, H. L., & Toms, E. G. (2008). What is user engagement? A conceptual framework for defining user engagement with technology. *Journal of the American society for Information Science and Technology*, 59(6), 938–955.
28. Rapanta, C., Botturi, L., Goodyear, P., Guàrdia, L., & Koole, M. (2020). Online University teaching during and after the Covid-19 crisis: Refocusing teacher presence and learning activity. *Postdigital Science and Education*, 2(3), 923–945.
29. Schmidt K. (1993), *City marketing in Germany* in: G. Ave and F. Corsico (eds.) Urban Marketing in Europe. Turin: Turin Incontra, pp. 183-195.
30. Simon, J., & Ess, C. (2015). The ONLIFE initiative—A concept reengineering exercise. *Philosophy & Technology*, 28(1), 157-162.
31. Sahu, P. (2020). Closure of Universities due to coronavirus disease 2019 (COVID-19): impact on education and mental health of students and academic staff. *Cureus*, 12(4).
32. Sansone M. (2012), *Place management: città territori marketing*, McGraw-Hill, Milano.
33. Shea, P., Pickett, A., & Li, C. S. (2005). Increasing access to higher education: A study of the diffusion of online teaching among 913 college faculty. *The International review of research in open and distributed learning*, 6(2).
34. Winter, E., & Thompson-Whiteside, H. (2017). Location, location, location: does place provide the opportunity for differentiation for Universities?. *Journal of Marketing for Higher Education*, 27(2), 233–250.
35. Zanella A., Bui N., Castellani A., Vangelista L. & Zorzi M. (2014), "Internet of things for smart cities", *EEE Internet of Things journal*, 1(1), 22–32.

УДК 378.4 : 004.738 : 005 (082)
DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-6

МИССИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ В ЭПОХУ БУРНОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКГО РАЗВИТИЯ

Е.Г. Брындин, директор Исследовательского центра ЕСТЕСТВОИНФОРМАТИКА, Новосибирск, Россия, bryndin15@yandex.ru

Аннотация. В эпоху бурного технологического развития университеты должны совершенствовать экосистему обучения для подготовки кадров, обладающих финансовой, правовой, цифровой, предпринимательской и профессиональной грамотностью, а также системным, междисциплинарным, инновационным и стратегическим мышлением. Трансформационная мобильность университетов служит инструментом эффективного управления вузом, роста качества образования и обеспечения его максимальной индивидуализации под запросы конкретного исследования и работодателя. Принцип мобильности проявляется в постоянной трансформации функциональной и организационной структуры, в многообразии средств, организационных форм всех уровней образования, их гибкости и готовности к быстрому преобразованию в соответствии с изменяющимися потребностями личности, рынка труда, общества. Для реализации принципа мобильности используются информационные и коммуникативные технологии, обеспечивающие гибкое и быстрое взаимодействие между всеми участниками образовательного процесса. Технологическое развитие приведет к замене биржи труда на биржу компетенций и к созданию биржи целевого образования. Биржу компетенций будут формировать представители технологического сектора различных предприятий промышленности и сферы услуг. Биржу целевого образования будут формировать ВУЗы совместно с технологическим сектором промышленности и сферы услуг. ВУЗы должны обеспечивать индивидуальную траекторию целевого образования компетенций по срокам, знаниям и навыкам исследователя и исполнителя на базе технологического сектора.
Ключевые слова: мультидисциплинарное обучение, индивидуальное обучение, трансформация университета, мобильность управления знаниями

1. Мобильность университетского образования. На уровне профессионального образования преподаватель отслеживает прохождение стажировок и практик, образовательных программ, тем самым создавая систему эффективного мониторинга мобильности обучающихся. Принцип мобильности в системе профессионального образования направлен на формирование социальных, профессиональных, коммуникативных и других компетенций. Данные компетенции способствуют развитию познавательной и социально-профессиональной мобильности студентов профессионального образования, которые в свою очередь являются одними из приоритетных качеств современного специалиста. Он предполагает постоянное обновление содержания обучения и совершенствование знаний, умений и навыков по мере необходимости, в связи с изменениями на рынке труда.

Принцип мобильности подразумевает непрерывное, опережающее развитие, способность к ускоренной и расширенной системе подготовки [1]. Обучающиеся учатся принимать рациональные решения, в случае коррекции профессиональной деятельности на рынке труда, для получения недостающих знаний, умений, навыков и способов освоения необходимых компетенций и профессий и обучаться нескольким специальностям параллельно с правом получения дипломов по каждой из них.

Применение мобильного принципа в системе государственного высшего образования позволяет готовить на уровне профессионального обучения квалифицированных социально и профессионально мобильных специалистов, что является одним из важнейших приоритетных направлений на современном этапе цифровой индустриализации общества.

Мобильность университетского образования основана на мульти-меж-транс-дисциплинарном фундаментальном и прикладном обучении и исследованиях с верифицированным диверсифицированным системным овладением конкурентных профессиональных компетенций.

2. Мультидисциплинарное обучение и меж-транс-дисциплинарные исследования. Мульти дисциплинарное обучение представляет собой сочетание различных дисциплин, не

имеющих явных связей между собой по содержанию. Междисциплинарное исследование осуществляется на основе знаний и умений двух или нескольких различных дисциплин, которое может варьироваться от простого обмена идеями до взаимной интеграции концепций и методологий для понимания, обоснования и, возможно, управления феноменами сверхсложных систем. Междисциплинарное означает коллаборацию в рамках двух и более научных дисциплин. Базовой, исходной формой для междисциплинарной формы является мульти дисциплинарная, которая предполагает достаточно свободное взаимодействие ученых из разных дисциплин, не ставящее целью формулирование общего подхода или получение коллективных результатов. Междисциплинарные исследования ставят своей задачей преодоление свойственных вовлеченным во взаимодействие научным дисциплинам методологической и теоретической (в том числе категориальной) идентичности для создания новой, общей концептуальной рамки и получения с ее помощью новаторских результатов. Именно с междисциплинарными исследованиями связаны успехи современных естественных наук. Междисциплинарный подход лучше всего подходит для изучения сложных, многоуровневых, неоднородных, непрерывно меняющихся институциональных систем.

Трансдисциплинарное исследование нацелено на создание общей системы аксиом для определенного набора дисциплин и интеграцию дисциплинарных парадигм для совместного исследования и единства знания. Трансдисциплинарное понимается как исследование предмета (точнее, элементов предметной области) одной научной дисциплины при помощи методов и терминологии другой дисциплины; иначе говоря, это изучение представителями одной дисциплины предмета другой.

3. Методы исследования. Эмпирические методы исследования основаны на измерении с помощью приборов. Они помогают определять объективные законы, в соответствии с которыми происходят изучаемые явления.

Теоретические методы исследования используют анализ, синтез, моделирование, классификация, дедукция, индукция, аналогия, абстрагирование.

Количественные методы исследования помогают анализировать явления и процессы с опорой на количественные показатели.

Качественные методы исследования направлены на выявление качественных характеристик изучаемых явлений, чтобы на их основе мы могли раскрыть глубинные механизмы различных процессов и явлений.

Мультидисциплинарное обучение и меж-транс-дисциплинарные исследования обеспечиваются мобильностью управлением знаниями.

4. Мобильность управления знаниями. Управление знаниями в образовании осуществляется для подготовки востребованных рынком кадров на основе мульти дисциплинарных и междисциплинарных знаний. Управление знаниями также применяется при формировании исследовательских сообществ по публикациям и компетенциям и профессионализму в прикладных научных и инновационных исследованиях и в решении текущих задач в режиме коммуникации.

Управление знаниями в инновационном и технологическом развитии осуществляется на основе мониторинга и анализа состояния международного высокотехнологичного рынка и технологических возможностей отечественной промышленности.

Управление знаниями – это систематические процессы, благодаря которым создаются, сохраняются, распределяются и применяются конкурентные элементы интеллектуального капитала, приводящие к успеху, трансформирующие все виды интеллектуальных активов в лучшие практики с более высокой производительностью, эффективностью и лучшим качеством. Управление знаниями осуществляется на основе карты знаний. Карта знаний – это процесс идентификации знаний и умений, необходимый для выработки решения. Знания находятся в головах специалистов, то лучшим способом использовать эти знания будет вовлекать этих специалистов в исследования. Знания, находящиеся в умах людей, обнаруживают себя в момент взаимодействия между ними. В процессе общения сотрудники обмени-

ваются знаниями. Необходимо направлять это взаимодействие на достижение цели, генерацию новых идей и обновление существующих знаний о сущностях объектов, явлений и процессов реалии. Сущность объекта, явления и процесса реалии исследователь сначала глубоко прочувствует и затем описывает элементами знания. Когда мы воспаряем в область абстрактного описания, то отрываемся от идеальной реальности сотворенной премудрым Богом. Наше творение по синтезируемым определениям и на ресурсах творца в его идеальной реальности является несовершенным. Поэтому нарушаем идеальную реалию на земле и в небе, нарушаем красоту Вселенной. От корректности абстрактного описания явлений, процессов и сущностей природы зависит наша жизнь на земле. Когда чувства научаются практическими навыками, исследователь более полно чувствует и точно описывает и представляет процессы, явления и объекты. Таким путем мы приближаемся постепенно к проникновению окружающего мира Творца.

Мобильность управления знаниями обеспечивает процесс эффективного использования знаний. Мобильность управления знаниями это процесс коммуникаций (целевого общения) в исследовательских сообществах, направляя его на извлечение новых и обновление существующих знаний и помогающих, принимать правильные решения и предпринимать необходимые действия, получать нужные знания, вовремя достигать результаты. Мобильность управления знаниями в меж- и транс-дисциплинарных исследованиях осуществляется на основе синергии науки, бизнеса и образования.

5. Синергия науки, бизнеса и образования. Соединение учебной и научной деятельности, их синергия – фактор и реальное средство повышения эффективности и конкурентоспособности инновационной высокотехнологичной деятельности. Синергия образования и науки есть непременное условие развития инновационной экономики.

Синергия интеграции науки и образования дает ускоренный образовательный эффект в подготовке высококвалифицированных исследователей. Ускоренный процесс подготовки высококвалифицированных исследователей реализуется путем интеграции высшей школы с передовой исследовательской фундаментальной наукой. Образование и наука, особенно в их синтезе, дающем синергетический эффект, все более становятся локомотивом технологического прогресса, без которого в наше время немыслим прогресс социально-экономический. Качественная подготовка исследователей высшей квалификации, базирующаяся на союзе с научной деятельностью, является приоритетным направлением политики во всех развитых странах мира, а также необходимой составляющей институциональной структуры инновационной экономики и бизнеса.

Воспроизводство высококвалифицированных исследователей, отвечающих требованиям инновационной экономики и бизнесу, имеет высокий приоритет. Крупные корпорации должны вкладывать достаточные средства в научные исследования и разработки в области высоких технологий, подготовки специалистов соответствующего количества и качества, формировать систему государственно-частного партнерства в сфере высшего образования. Создание крупных учебных комплексов, базирующихся на совместной деятельности университета и производственного сектора, – одно из важнейших направлений межотраслевого взаимодействия для развития высокотехнологичной индустрии.

Будущее за исследователями, способными на постоянную творческую самореализацию. Альберт Эйнштейн говорил, «воображение важнее знаний». Развитие творческих способностей человека, расширение возможностей индивидуальной исследовательской инновационной деятельности, мобилизация потенциала исследователя на реализацию собственных идей и разработок обеспечивает мобильность креативного инновационного высшего профессионального образования [2–3]. Особенность такого образования в том, что оно нацелено на развитие постоянной потребности в созидании, поиске нового, в накоплении интеллектуального потенциала и использовании его на практике.

Появляется новое качество труда – творческая деятельность как функция самореализации целостного человека, человека-творца. Глубокая фундаментальная подготовка и мо-

бильность, характерная для креативного инновационного высшего профессионального образования, дает синергетический эффект, способствует непрерывному обучению, позволяет прогнозировать и оценивать тенденции развития. Такое образование расширяет восприятие проблем и вариантов их решения, стимулирует творческий подход к их решению. Но главное – реализует идею необходимости и возможности обучения творческой исследовательской деятельности. Сейчас нужны исследователи с поисковым менталитетом, творческой интуицией, ясным видением того, к чему должна привести та или иная новая технология.

Сегодня университетское образование, бизнес и наука, их синергия – главный ресурс инновационной деятельности и высокотехнологичной экономики [4–5].

6. Капитализация знаний. Осознание знания в качестве товара и важнейшего ресурса развития цивилизации, бурное развитие интернета, средств мобильной коммуникации и цифровых технологий, обеспечивающих возможности эффективного использования интеллектуальных ресурсов – всё это определяет принципиально новые подходы к возможностям практического использования знаний и динамике изменений, происходящих в обществе. Образование в университете должно быть направлено в первую очередь на то, чтобы научить студента решать практические задачи, а не просто на передачу знаний. Российские вузы сегодня претерпевают изменения, которые приведут к появлению нового типа университета. Раньше университеты были ориентированы только на преумножение знаний, сегодня важной становится коммерциализация разработок. В университетах третьего поколения на первую роль выходит разработка и коммерциализация ноу-хау и капитализации знаний. Это поднимает такие вопросы, как защита интеллектуальной собственности. Мы привлекаем новые знания, новые навыки. Университет 3.0 – в первую очередь открытый университет, который активно сотрудничает с промышленными компаниями и зарубежными коллегами. Взаимодействие с промышленностью положительно влияет на процесс образования: студенты понимают, какие дисциплины им нужны для успешной работы, и в соответствии с этим выстраивают свое обучение. Студенты должны сами нести ответственность за свое образование – иметь возможность выбирать те курсы, которые считают необходимыми. Когда студенты имеют доступ к разным компаниям, они получают представление о том, какие дисциплины им нужны. Они сами несут ответственность за образование. Когда ответственность переложена на студентов, тогда это мотивирует их к развитию. Роль университетов будущего развивать учащихся. Цель университета – научить студента решать проблемы и капитализировать знания.

7. Интеграция университета в региональную среду формированием партнерства с бизнесом и промышленностью. Вузы должны становиться трендом изменений в регионе и поддерживать кадрами технологическое и промышленное развитие интенсивным взаимодействием и участием с агентами региональной среды, согласно дорожной карте регионального развития.

С бурным развитием технологий возникает потребность в образовании длиною в жизнь (life-long education), возможности которого определены новейшими средствами телекоммуникации (e-learning) и многообразием выбора, не ограниченного, в известной мере, даже государственными границами. Необходимость осваивать и организовывать огромные потоки информации требует умения учиться. Умение учится, становится гарантией социальной включенности в жизнедеятельность региона, и быть востребованным. В противном случае человек рискует оказаться в состоянии систематического отставания.

Обращение к цифровым стратегиям образования во многом продиктовано необходимостью интенсификацией экономического развития. Необходимость адекватно реагировать на растущий объем информации, развитие высоких технологий и новый формат взаимоотношений человека и окружающей среды определяет направленность образования на цифровую модель. Перед современной образовательной системой стоят задачи преодоления фрагментарности узко дисциплинарного восприятия реальности, однобокой прагматической нацеленности на результат и ориентации на единство. Требуется целостная теоретико-

прагматическая система образования. Транс дисциплинарная парадигма, выступая основанием синтеза познания человека, природы, общества и производства, дополняет научную рациональность. Она позволяет создавать цифровые двойники производственного процесса изготовления продукции и технологического процесса работы оборудования. Создавать цифровые двойники путем обучения нейросетевых систем на основе накопленных больших данных, относящихся к производству для интеллектуального управления технологическими процессами и оборудованием. Осуществлять управление цифровым двойником либо в режиме консультации, либо автоматически, либо регулированием параметров. Интеллектуальное управление производством цифровыми двойниками оптимизирует его работу, повышает производительность труда и конкурентоспособность продукции по качеству и цене [6-7].

Развитие человеческого капитала как главного ресурса страны и ключевого фактора развития современной экономики имеет тенденцию к росту продолжительности жизни и здоровой жизнедеятельности. Сейчас речь идет о продлении здоровой жизнедеятельности на 30–40 лет, и новой планкой, станет 80+ лет. Перевод населения на здоровую жизнедеятельность решит эту проблему [8]. Для этого университету нужно обеспечить:

– приобретение знаний и навыков по здоровому образу жизни;

– формирование общественной культуры здоровой жизнедеятельности.

В условиях пандемии отслеживать заражения коронавирусом может помочь международная телемедицинская сеть с оперативной регистрацией коронавируса резонансной технологией [9].

Бурное технологическое развитие приводит к созданию цифровых биржи компетенций и биржи целевого образования. В основе цифровой платформы биржи компетенций лежит система оперативного поиска, подготовки и отбора кандидатов на вакантные позиции для развития экономики и промышленности региона. Система объединяет запросы и предложения широкого круга работодателей, соискателей, а также ресурсы образовательных организаций.

Цифровая платформа биржи дает возможность соискателям развить свои профессиональные и soft-компетенции до требований работодателей по специально сконструированным образовательным программам. Целевой прием в вуз и обучение осуществляется за счет и по направлению от государственного ведомства или от предприятия. Использование целевого направления для обучения требует взаимного исполнения обязательств между участниками заключаемого договора. Такие обязательства возникают на основании функционирования определенных норм права.

8. Платформенные решения по интеграции вуза с внешней средой. Университеты могут быть мобильными и трансформироваться, чтобы принять активное участие в разработке и создании платформенных решений для отраслей экономики и социальной сферы регионов [10]. Такие как развитие человеческого капитала, технологическое предпринимательство, инфраструктуру для развития предпринимательства, цифровые технологии в градостроительной деятельности, цифровая экономика университета, транспортные системы, экологическое благоустройство, телекоммуникации города будущего, цифровая платформа взаимодействия университета с внешней средой умного города", умный студенческий кампус и другие.

Коммуникация университетов, власти и индустрии становится все более интеллектуальной, цифровой и гибкой. Такие инициативы, как четвертая промышленная в Германии, промышленный Интернет в США и промышленное производство в Китае показывают, как цифровая промышленность трансформирует университетское образование и подготовку кадров. На текущем этапе, важно создать открытую международную технологическую платформу для формирования широкой коалиции университетов различных стран в подготовке кадров и развитии транс дисциплинарных исследований.

Литература

1. Брындин Е.Г. Стратегия высокотехнологичного опережающего образования // Сборник Международной конференции «Управление талантами и трансформация корпоративной культуры». Томск : Издательский дом ТГУ, 2016. С. 221–224.

2. Брындин Е.Г. Креативное инновационное высшее образование // Ежегодник: Россия: тенденции и перспективы развития. Вып. 13, ч. 2. М. : ИНИОН РАН, 2018. С. 797–802.
3. Bryndin Evgeniy. Creative Innovative Higher Education of Researchers with Flexible Skills and Synergy of Cooperation // Scientific Journal of Research and Review. 2018. Vol. 1, is. 2. P. 1–5.
4. Брындин Е Г. Синергия университетов, высокотехнологичного бизнеса и институтов управления цифровой экономикой и инновационным развитием // Ежегодник: Россия: тенденции и перспективы развития. Вып. 14, ч. 1. М. : ИНИОН РАН, 2019. С. 467–472.
5. Bryndin Evgeniy. Digital technologies of the industry 4.0 // Chepter 10 of Book: Computer Science Advances: Research and Applications. USA: Nova Science Publisher, 2019. 252 p.
6. Брындин Е.Г. Технологическое развитие промышленной индустрии цифровыми двойниками с искусственным интеллектом // Вестник цифровой экономики. 2020. № 2. С. 74–80.
7. Bryndin Evgeniy. Formation and Management of Industry 5.0 by Systems with Artificial Intelligence and Technological Singularity // American Journal of Mechanical and Industrial Engineering. 2020. Vol. 5, is. 2. P. 24–30.
8. Брындин Е.Г., Брындина И.Е. Естественная технология качественного перехода к здоровой жизнедеятельности // Ежегодник: Россия: тенденции и перспективы развития. Вып. 14, ч. 1. М .: ИНИОН РАН, 2019. С. 570–575.
9. Bryndin Evgeniy. Implementation of International Telemedicine network with Rapid Coronavirus Registration by Resonant Technology to Neutralize the Pandemic // Computational Biology and Bioinformatics. 2020. Vol. 8, is. 2. P. 29–35.
10. Bryndin Evgeniy. Development of Artificial Intelligence by Ensembles of Virtual Agents on Technological Platforms // COJ Technical & Scientific Research. 2020. № 2 (4). P. 1–8.

MISSION OF UNIVERSITIES IN THE ERA OF RAPID TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT

Evgeniy G. Bryndin, Natural Informatics Research Centre (Novosibirsk, Russia). E-mail: bryndin15@yandex.ru

DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-6

Abstract. In the era of rapid technological development, universities must provide continuous learning, improve the learning ecosystem to train competent personnel with financial, legal, digital, entrepreneurial and professional literacy and systemic, interdisciplinary, innovative and strategic thinking. Transformational mobility of universities serves as a tool to increase the efficiency of university management, increase the quality of education and ensure its maximum individualization for the needs of a specific study and employer. The principle of learning mobility is implemented by filling and changing the educational process in accordance with the requests of the students themselves. The principle of learning mobility makes it possible to respond flexibly to changes in the needs of individual companies and subjects of the federation. This principle is manifested through the constant transformation of the functional and organizational structure, allowing universities to adapt to training personnel on rapidly changing technologies of the innovative industry. The principle of mobility manifests itself in the variety of means, methods, organizational forms of the system of all levels of education, their flexibility and readiness for rapid transformation in accordance with the changing needs of the individual, the labor market, and society. It allows the use of various productive methodological systems and technologies, and consists in the creation of information networks, knowledge bases and data banks for distance education. As a result, the student can adjust or supplement his educational program in the desired direction. To effectively ensure the principle of mobility, various information and communication technologies are used, which provide flexible and fast interaction between all participants in the educational process. Rapid technological development will lead to the replacement of the labor exchange with an exchange of competencies and the creation of an exchange of targeted education. The competence exchange will be formed by representatives of the technological sector of various enterprises of industry and services. The exchange of targeted education will be formed by universities together with the technological sector of industry and services. In the era of rapid technological development, universities should provide an individual trajectory of targeted competencies in terms of time, knowledge and skills of a researcher and performer based on the technology sector.

Key words: multidisciplinary learning, individual learning, university transformation, mobility of knowledge management

УДК 378.4 : 004.738 : 005 (082)
DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-7

ПРОБЛЕМА КАЧЕСТВА В ЦЕЛЕВЫХ КОМПОНЕНТАХ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ

П.И. Вермишова, аспирант, Российская открытая академия транспорта Российского университета транспорта, Москва, Россия, vermi.poli@gmail.com

Аннотация. Предметом исследования является комплекс основных нормативно-правовых актов в сфере российского высшего образования в постсоветский период. Основное внимание в работе уделено вопросам содержания и изменения целей, поставленных перед высшей школой, а также их преемственности. Автор прослеживает трансформацию целевой компоненты «качество образования» в ключевых нормативных документах, принятых на федеральном уровне с 2000 г. по настоящее время. В работе используется количественный контент-анализ, сравнительный метод, системный подход, изучение нормативно-правовой литературы. В совокупность анализируемых источников входят федеральные и национальные проекты, доктрины, концепции, программы, направленные на решение проблемных ситуаций в высшем образовании. Всего исследовано 23 источника. Новизна исследования заключается в фокусировке на целевой составляющей высшего образования в последовательности нормативных документов Российской Федерации. В исследовании сделан вывод, что принимаемые инициативы в части целеполагания: а) избыточны по количеству выпущенных актов; б) не содержат стандартизированной и законодательно закрепленной терминологии; в) новые правовые акты вносятся и утверждаются без серьёзного и публичного подведения итогов выполнения предшествующих программ. Автор считает, что данные факты свидетельствуют о расширяющемся разрыве между теорией реформирования и модернизации высшей школы России и ее практической реализацией.
Ключевые слова: высшее образование, Университет, правовой акт, образовательные цели, качество образования, глобальная конкурентоспособность

Нормативно-правовые акты в сфере высшего образования. Российское высшее образование находится в поле интересов исследователей различных гуманитарных и социальных наук. Пристальное внимание к нему обусловлено как характером влияния высшей школы на воспроизводство социальных норм, традиций, культурных кодов, так и возросшей динамикой изменений в данной сфере. Период становления университетов в России охватывает около 300 лет. Среди субъектов, формирующих систему высшего образования, традиционно главным для отечественных реалий является государство. Именно оно определяет цели, приоритеты и направление политики развития образования в нашей стране и одновременно важнейший заказчик и потребитель образовательных услуг. В связи с этим представляет несомненный интерес изучение изменений заявленных целей, которые государство посредством утверждённых документов транслирует на уровень управляемых субъектов. Интерес к целевой составляющей представляется обоснованным по двум причинам. Во-первых, цель декомпозируется в средства ее достижения, определяет показатели результативности либо пути достижения требуемых результатов, во-вторых, цель как главное предназначение, т.е. функция, оказывает содержательное воздействие на структуру конкретных образовательных учреждений, вынуждая их реконструировать свое «здание» для выполнения поставленных перед ними задач. Несоответствие между целевым (идеальным) и наличным состоянием называется проблемной ситуацией, которую законодатели считают необходимой исправить.

Регламентация деятельности российских вузов осуществляется на нескольких уровнях: федеральном, региональном, муниципальном и локальном (в самой образовательной организации). Кроме того, комплекс регламентирующих документов имеет разноплановый характер: в основополагающих документах речь идет о самой возможности функционирования вузов, в остальных – о его развитии в зависимости от содержания нормативных актов. В нашем исследовании преимущественно рассматривается уровень федеральных правовых актов, хотя и не в полной мере.

Обращает на себя внимание само количество законодательных актов (доктрин, стратегий, законов, концепций, постановлений и т.п.) за прошедший после распада СССР период. Известно, что в 2003 г. Российская Федерация присоединилась к Болонскому процессу, что означало для нее попытку модернизации высшего образования в духе соответствия глобальным тенденциям. В 2008 г. в России начался процесс постепенной адаптации содержания и формы федеральных государственных образовательных стандартов к компетентностному подходу. С учетом данных событий и необходимо рассматривать существующие нормативные акты в системе высшего образования. В таблице ниже приведены основные из них (таблица).

Нормативные акты Российской Федерации, регламентирующие функционирование системы высшего образования

Годы реализации	Наименование	Заявленные цели
2000–2025	Национальная доктрина образования	Воспитание и всестороннее развитие молодежи. Качество и доступность образования. Индивидуализация образования. Непрерывное образование. Подготовка кадров
2002–2010	Концепция модернизации российского образования	Качество образования с сохранением его фундаментальности и соответствия потребностям личности, общества и государства
2006–2008	**Приоритетный национальный проект «Образование».** ПНПО определил условия конкурса инновационных образовательных программ вузов	Качество образования и подготовка квалифицированных кадров
		Реализация инновационной образовательной программы
2012 – наст. время	Федеральный закон № 273 «Об образовании в Российской Федерации» 2012 г.	Установление правового поля, адекватного современным практикам и стратегиям развития национальной системы образования
2012–2020	Указ Президента РФ № 599 от 7 мая 2012 г. «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки»	Подготовка специалистов для экономики инновационного типа
2009–2013	Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» от 28 июля 2008 г. № 568	Подготовка кадров высшей научной квалификации
2014–2020	Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» от 21 мая 2013 г. N 424	Воспроизводство кадров высшей научной квалификации и их конкурентоспособность на мировом уровне
2006–2010	Федеральная целевая программа развития образования от 23 декабря 2005 г. N 803	Качество образования, непрерывное образования
2013–2020	**Государственная программа развития образования от 15 апреля 2014 г. N 295 (утратила силу в 2018 г.).** В рамках программы приняты: Федеральная целевая программа развития образования от 7 февраля 2011 г. № 61; Федеральная целевая программа развития образования от 23 мая 2015 г. № 497; Федеральный проект «Цифровая образовательная среда»; Приоритетный проект «Вузы как центры пространства развития инноваций» от 25 октября 2016 г. № 9	Качество образования. Конкурентоспособность на мировом рынке. Развитие потенциала молодежи
2011–2015		Доступность и качество образования
2016–2020		Доступность и качество образования
2016–2021		Качество образования. Непрерывное образование
2016–2025		Глобальная конкурентоспособность. Развитие регионов через университеты
2018–2025	**Государственная программа развития образования от 26 декабря 2017 г. N 1642.** В рамках программы принят: Федеральный проект «Цифровая образовательная среда»	Качество образования, глобальная конкурентоспособность российского образования, воспитание личности
2018–2024		Безопасная цифровая образовательная среда. Ценность саморазвития и самообразования.
2019–2024	**Национальный проект «Образование» от 24.12.2018 № 16.** В рамках проекта принят: Федеральный проект «Социальная активность»	Глобальная конкурентоспособность. Воспитание.
		Наставничество, поддержка общественных инициатив и добровольчества
2017–2025	Приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» от 30 мая 2017 г. № 6	Повышение привлекательности российского образования на глобальном образовательном рынке
2019-2030	Подпрограмма «Обеспечение глобальной конкурентоспособности российского высшего образования» от 29 марта 2019 г. № 377	Воспроизводство кадров для экономики
2020–2030	Указ Президента РФ «О национальных целях развития российской федерации на период до 2030 года» 21 июля 2020 года № 474	Возможности для самореализации и развития талантов. Конкурентоспособность на мировом рынке. Развитие волонтерства. Воспитание личности

Отметим ряд наблюдений общего характера в принятых документах. Во-первых, поле правовых актов, определяющих функционирование и развитие высшего образования, носит разнородный характер и представлено значительным количеством законов, доктрин, концепций, приоритетных национальных проектов (ПНП), национальных проектов (НП), федеральных проектов (ФП), федеральных целевых программ (ФЦП), государственных программ (ГП), подпрограмм. Очевидно, что государство не оставляет сферу образования без внимания и прикладывает значительные усилия для ее модернизации и совершенствования.

Во-вторых, считаем важным указать на частоту сменяемости нормативных актов. По нашим подсчетам, с момента присоединения России к Болонской декларации в 2003 г. принято более 20 нормативно-правовых актов, изменивших ландшафт образовательного пространства высшей школы. Возросший показатель ротации актов позволяет сделать допущение о недостаточной подготовительной работе, предваряющей выход очередного документа. Есть проекты, досрочно прекратившие свое действие в середине своего срока, такие как ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2014–2020 гг., ФЦП развития образования на 2016–2020 гг., ФП «Цифровая образовательная среда» на 2016–2021 гг., ГП развития образования на 2013–2020 гг. Каждый документ – это не только большое количество человеко-часов интеллектуальной деятельности, необходимых на стадиях разработки, согласования, утверждения, но и значительные усилия по внедрению, исполнению и контролю в дальнейшем. Думается, что подобные факты смены нормативных актов провоцируют нарастание усталости, пассивности и снижения доверия к разработчикам со стороны исполнителей, т.е. вузовской администрации и профессорско-преподавательского состава. Безусловно, с течением времени ситуация в обществе и экономике меняется, что требует от государства оперативных ответов на новые вызовы и приводит к потребности в корректировках планов. В то же время подчеркнем, что основополагающие документы, которые рассчитаны на 5–10 лет, не должны меняться каждые 2 года. В противном случае горизонт планирования, которым оперирует основной субъект высшего образования, находится в краткосрочном диапазоне, хотя предусматриваемые реформы носят более длительный характер. В этих условиях невозможны ни глубокий анализ эффективности принимаемых решений, ни разработка на его основе долгосрочного стратегического видения. На наш взгляд, регуляторам сферы высшего образования целесообразно в большей степени опираться на экспертное мнение профессионального сообщества и учитывать специфику отечественного менталитета. В принципе, Болонский процесс как раз и предполагает усиление роли институтов гражданской активности в публичном обсуждении ключевых вопросов.

В-третьих, изучение выбранных документов показывает, что участниками и соисполнителями нередко назначены разнородные по полномочиям и функциям крупные ведомства, что никоим образом не способствуют эффективному внедрению планов в практическую деятельность. Существование целого ряда федеральных программ в сфере высшего образования, курируемых разными исполнителями (от Министерства науки и высшего образования до Министерства культуры, обороны, Росмолодежи и т.д.), приводит к мысли о неизбежных потерях на согласование целей и координацию участников, а также неизбежному увеличению объемов отчетности со стороны вузов в различные ведомства.

Целевая составляющая нормативной документации в высшем образовании

Анализ выбранных документов позволяет сделать вывод о наличии 6-х групп целей на протяжении 20 лет, в составе которых: «качество образования», «доступность», «подготовка специалистов», «воспитание личности», «непрерывное образование», «глобальная конкурентоспособность». С нашей точки зрения, список целей распадается по своему предназначению на те, которые обслуживают интересы государства (подготовка специалистов, воспитание личности, глобальная конкурентоспособность), и те, которые направлены прежде всего на удовлетворение потребностей граждан (доступность, качество образования, непрерывное об-

разование как инструмент повышения квалификации). Очевидно изменение целевой компоненты высшего образования в принимаемых документах на протяжении последних лет.

Одна из системных проблем, стоявших перед российским образованием, – это качество. Понимание качества как существенной определенности предмета подчеркивает, что изменение качества означает превращение объекта в нечто иное, вплоть до возможности его исчезновения. Что же предлагается в качестве «качества» законодателем? В 2000 г. под качеством образования в национальной доктрине понималась, скорее, индивидуализация образовательной траектории и конкурентоспособность, обеспечиваемая многообразием форм образовательных учреждений и программ [3]. В 2006 г. в приоритетном нацпроекте «Образование» качество как планируемая цель упоминается многократно, но законодатель ни разу не поясняет, что же собственно он имеет виду под этим понятием. Некоторое представление о желаемом образе качества образования можно получить на основании упоминания «новых финансовых механизмов» и увеличения доли «общественного участия в управлении образованием» в пункте «Цели» данного нормативного акта [7, с. 8–9]. В ФЦП развития образования на 2006-2010 гг. цель «качество» также заявлена, однако по-прежнему не содержится прямого указания на расшифровку понятия, но указано, что совершенствование качества фундировано модернизацией «его структуры, содержания и технологий обучения», расширением круга «квалифицированных специалистов», повышением инновационного потенциала и привлекательности [4, с. 5]. Т.е. данный документ апеллирует к средствам, а не результатам.

Рассматривая документы, принятые в последующие годы, можно заметить, что аналогичным образом обстоит дело с качеством как целью и в государственной программе развития образования, утвержденной в 2014 г., т.е. она по-прежнему не артикулирована [5]. Наконец, в ГП развития образования в 2017 г. впервые цель «качество» смыкается с целью «конкурентоспособность» и определяется через нее: «качество образования, которое характеризуется: обеспечением глобальной конкурентоспособности российского образования…» [6, с. 4].

Нами обнаружено, что цель «качество» вообще исключена из национального проекта «Образование» 2018 г. Тому возможны различные объяснения, например появление в документе амбициозных целей, связанных с вхождением страны в рейтинговые позиции на рынке образовательных услуг [2, с. 2–3]. Либо само понятие «качество» показало свою несостоятельность, став фактически locus communis, поскольку содержательно оно не определено на протяжении десятилетий в программных документах. Введение федеральных государственных образовательных стандартов, обязательной аккредитации и лицензирования вузов должны были обеспечить решение проблемы качества высшего образования, и, в известной степени, это значимый шаг вперед на пути обеспечения качества. Вместе с тем, отметим, стандарты содержат перечень требований к реализации образовательных программ по отдельным направлениям подготовки и специальностям, что придает им узконаправленный характер. Несмотря на наличие во ФГОС внешней и внутренней оценки качества образовательной деятельности, критерии не определены, сама оценка осуществляется часто на формальной основе. Фактически только перечень компетенций и их содержание могут выступать ориентиром оценки качества подготовки обучающихся. Однако с компетенциями связана другая проблема, которая раскрыта в исследовании автора [1].

Еще одной причиной исчезновения качества как цели может служить и мнение, что с качеством как раз проблем нет, поэтому нужно переключиться на иные цели, такие как «глобальная конкурентоспособность» и «безопасная цифровая среда». Не исключаем, что новые цели, появившиеся в нормативных документах, являются не более чем словами-симулякрами, понятиями с выхолощенным содержанием. С помощью введения подобных целей не только устанавливается повестка дня, но и заявляется в качестве реальности инновационная и напряженная работа властных сообществ. Фактически таким образом происходит управление социальным пространством с позиций сил и ресурсов. Власть демонстрирует заботу о потенциальном *будущем* социума, аккуратно обходя при этом тему *настоящего* и не обсуждая с обществом достигнутые результаты в *прошлом*. Показательным свидетельством

снижения в обществе веры в свои возможности влияния на процессы трансформации выглядит пассивная позиция большей части вузов. Так, в ответ на запрос Министерства науки и высшего образования касательно содержания проекта закона о регуляторной гильотине 400 вузов из 666 не предоставили своих предложений [8].

Тактика непрерывных реформ и трансформаций позволяет влиять на картину мира, перекраивая ее как угодно и отвлекая внимание общественности от содержания проблем. Тем самым власть решает и задачу своей репутации, вводя актуальные цели в образовательное пространство и присваивая себе право их легитимной номинации. Полагаем оправданным в данной ситуации обратиться за поддержкой к европейским практикам, тем более что данные механизмы оценки качества высшего образования прошли многовековую апробацию во многих университетских странах [18].

Таким образом, общесистемное понимание качества высшего образования до сих пор не выработано ни на государственном уровне, ни на уровне профессионального сообщества. В нашем понимании это ключевой вопрос о сути и миссии университета. Без ответа на него длящиеся реформы рискуют остаться не более чем «разгромом» традиционного образования или «имитацией управления развитием», как считает В.М. Розин [9].

Проекты реформирования вузов

Рассуждая о проблеме качества, нельзя не упомянуть о нескольких проектах реформирования высшей школы:

1. *Концепция федеральных университетов* (годы реализации 2006–2016 гг.). Данный проект предполагал оптимизацию (слияние, укрупнение) региональных вузов, укрепление связей с экономикой и социальной сферой федеральных округов. Создано 10 вузов.

2. *Концепция сети национальных исследовательских университетов* (начало с 2008 г.). В основе – интеграция образования с исследовательской деятельностью. В сети – 32 вуза.

3. *Проект 5-100* (годы реализации 2012–2020 гг.). Министерством отобран 21 вуз.

4. *Программа опорных университетов* (начало в 2016 г.). На конец 2020 г. насчитывается 33 вуза. Реализация проекта направлена на развитие региональных университетов с целью выполнения задачи подготовки кадров в субъектах России. Предполагалось снижение оттока молодежи из регионов.

5. *Формирование научно-образовательных центров мирового уровня* в рамках нацпроекта «Наука» (начало в 2019 г.). Создан Совет, выделены первые гранты для 5 пилотных НОЦ.

6. *Программа стратегического академического лидерства* (проект на смену «5-100»).

7. *Национальный проект «Наука и университеты»*.

Последние 2 проекта в настоящее время не утверждены. Остается дискуссионным вопрос, в какой мере реализация вышеуказанных проектов приблизит вузы к целям повышения качества высшего образования. Одним из факторов риска остается существующая структура вузов в виде институтов, факультетов, кафедр, не обладающая достаточной гибкостью в современных условиях и не способная удовлетворять новым целям и задачам в полной мере.

Данные реформы свидетельствуют о попытках внедрения в практическое русло идей, заложенных в нормативных актах. Однако при этом не преодолены недостатки, отмеченные в начале статьи: отсутствие преемственности целей и задач, недостаточное вовлечение академического сообщества в экспертизу принимаемых документов, расплывчатость понятийного аппарата, постановка во главу угла цели «глобальная конкурентоспособность». Все это ставит отечественную систему высшего образования в позицию догоняющего игрока на рынке международных образовательных услуг, при которой неизбежны непроизводительные потери временных, материальных и кадровых ресурсов.

Литература

1. Вермишова П.И. Компетенции и коммуникация в фокусе образовательных стандартов высшей школы // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2020. № 5. С. 83–88. URL: http://www.cegr.ru/downloads/journal_5_2020.pdf (дата обращения: 30.11.2020).

2. Паспорт национального проекта «Образование» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16)) // СПС «Консультант Плюс».
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 4 октября 2000 г. N 751 г. Москва «О национальной доктрине образования в Российской Федерации» // «Российская газета». № 196. 11.10.2000.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2005 года N 803 «О Федеральной целевой программе развития образования на 2006-2010 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 09.01.2006. № 2, ст. 186.
5. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 295 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие образования” на 2013–2020 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 28.04.2014. № 17, ст. 2058.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 года № 1642 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие образования”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 01.01.2018. № 1 (ч. II), ст. 375.
7. Приоритетный национальный проект «Образование». Сборник материалов и нормативных правовых актов // Официальный сайт Общероссийского профсоюза образования. URL: https://www.eseur.ru/documents/ (дата обращения: 25.11.2020).
8. «Регуляторная гильотина» в сфере высшего образования. URL: https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:coT8tr9DN4YJ:https://www.minobrnauki.gov.ru/common/upload/library/2020/05/main/Prezentatsiya__gilotina_18.02.20.pdf+&cd=7&hl=ru&ct=clnk&gl=ru (дата обращения: 29.11.2020).
9. Розин В.М. Самоопределение и противостояние как способ жизни в современном мире // Философская мысль. 2013. № 10. С. 142–182. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.10.382 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=382
10. Стандарты и рекомендации для гарантии качества в Европейском пространстве высшего образования (ESG). Переработанное издание. 2015. URL: https://enqa.eu/indirme/esg/ESG%20in%20Russian_by%20NCPA.pdf (дата обращения: 27.01.2021).

THE PROBLEM OF QUALITY IN THE TARGET COMPONENTS OF UNIVERSITY DEVELOPMENT PROGRAMS

Polina I. Vermishova, Postgraduate Student, Russian Transport Academy, Russian University of Transport (MIIT) (Moscow, Russia). E-mail: vermi.poli@gmail.com

DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-8

Abstract. The subject of the research is the set of the basic regulatory legal acts in the Russian higher education in the post-Soviet period. The main attention is given to the content, change and continuity of higher education goals. The author traces the transformation of the goal of "quality of education" in the key regulatory documents. The work uses quantitative content analysis, comparative method, system approach, and study of legal literature. The totality of the analyzed sources includes federal and national projects, doctrines, concepts, and programs of higher education. A total of 23 sources were investigated. The study concluded that the adopted initiatives in terms of goal are: a) redundant; b) do not contain standardized and legally fixed terminology; c) new initiatives are introduced and approved without serious and public summing up the results of previous programs.
Keywords: higher education, University, legal act, educational goals, quality of education, global competitiveness

UDC 378.4 : 004.738 : 005 (082)
DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-8

DISTANCE LEARNING: HOW ONLINE LEARNING CHANGED STUDENTS' LIFE

Ekaterina N. Vinokurova, Assitsant Lecturer, Tomsk State University, Tomsk, Russia, c.vinockurova@yandex.ru

Ekaterina V. Polyanskaya, MA in Linguistics, Senior Lecturer, Tomsk State University, Tomsk, Russia, polyanskayaev77@mail.ru

Abstract. This report is based on the content analysis of the online communities of Tomsk State University (TSU) on social networks VKontakte [5, 9], Facebook [10] and Instagram [6, 11] made at the beginning of the pandemic (May 2020), and an online survey of TSU students conducted almost a year later (in March 2021). The report presents the advantages and disadvantages of online learning as a forced response to the coronavirus pandemic and a sign of transformation of the educational system in the time of the Fourth Industrial Revolution. The report provides the authors' reflections on what the ideal proportion of online and off-line education should be in the post-pandemic time.
Keywords: online learning, digitalization of education, digital technologies, universities, coronavirus (COVID-19)

Introduction

The 2019 coronavirus outbreak (COVID-19) has become an international concern since the first case of the coronavirus disease occurred in Wuhan, China, at the end of December 2019. It was like a "Black Swan" [8] that broke the established system of relationships and the usual way of life in one day and caused panic, fear and crisis.

Did the "Black Swan" bring only negative changes into our lives? Or is it just a turning point on the way to building the better society in the future? Could it happen that the "Black Swan" accelerated and propelled the society into the new stage of the Fourth Industrial Revolution? [7]

All these questions have still to be answered by the humanity. The answers are not likely to be available until some time passes after the pandemic is over. For now, one thing is certain – the pandemic has changed the society, including higher education, which had to be moved online entirely at the beginning of the coronavirus pandemic.

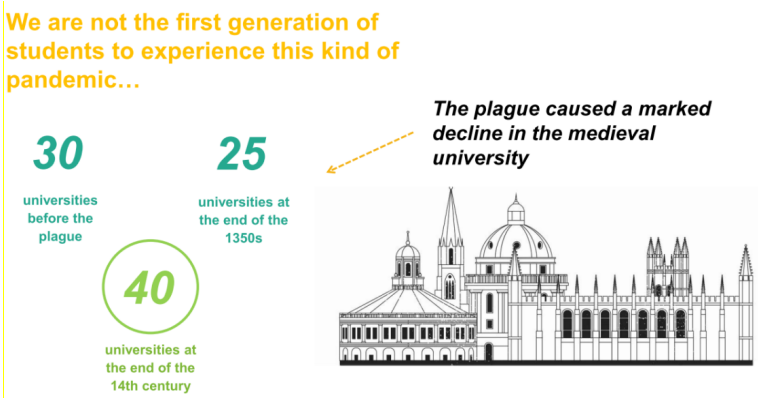
The full digitalization of education in the last few months has radically transformed the way of life of students, the types and ways of interaction with the professors and groupmates, and many other issues. This showed the weak points of education and outlined the possible "growth points" for universities.

Historical Background

The current generation of students is not the first generation to experience such kind of pandemic. History knows some other similar cases. For example, the plague caused a marked decline in the medieval university. The first and immediate impact of the pandemic was depopulation: professors and students fled for safety, leaving empty campuses behind them [7].

The depopulation and desolation of university campuses during the Middle Ages triggered the crisis in the educational system. As a result, five of the thirty universities that had existed before the plague disappeared by the end of the 1350s.

However, after the pandemic, interest in universities was revitalized and even multiplied. In response to the increased need for universities, at the end of the 14th century, after the pandemic, fifteen new universities were established [1]. Thus, despite its severe impact on the social life, the crisis provoked reforms in higher education, and, as a result, improved the educational system.



Today, students, professors and universities found themselves in better conditions than their predecessors were a few centuries ago. Most universities around the world moved online after the lockdown was announced. Therefore, thanks to the digital technologies, the educational process was not interrupted.

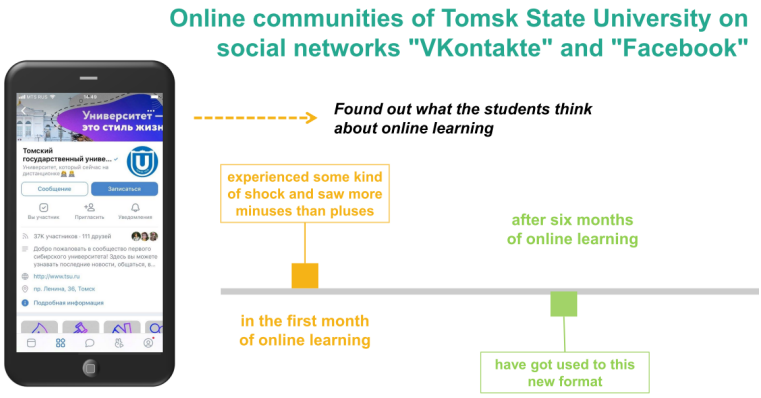
Advantages and disadvantages of online learning: Students' view

The forced format of online learning as the only optimal alternative for universities in the current situation has its advantages and disadvantages. We have conducted the content analysis the discussions and comments in the online communities of Tomsk State University in *VKontakte* [5, 9], *Facebook* [10] and *Instagram* [6, 11] where we found the TSU students' view on the situation.

In the first month of online learning, the students at Tomsk State University experienced some shock and saw more minuses than pluses; there are many emotional comments where students wrote that they missed their groupmates, professors, and the off-line format of learning.

The data found showed that during the first month of the online learning the students experiences different emotions. During the first week, students felt more comfortable with online learning and were happy because they could stay at home and see each other online when meeting in Zoom, Skype, or Moodle.

During the second week, the excitement of online learning began to diminish. Students started to question the effectiveness of online learning. They began to spread memes complaining against online learning; they updated the statuses with a variety of comments, questioning the quality of the Internet connection. Their parents wrote letters demanding lower tuition fees to the university administration.



Let's look at some disadvantages and advantages of online learning seen by TSU students. The most "popular" disadvantage of online learning that students mentioned was that they had more tasks to complete. On one hand, this happened because when they studied offline they had more opportunities to discuss things and complete tasks in class. This was not so easy in an online format. But some students also thought that some professors decided: if students had to stay at home, they had more free time, or they just did not realize that the tasks took too much time to complete.

Another disadvantage mentioned was that with online training, it became more difficult to work in teams. Many tasks became individual; this is a considerable disadvantage because teamwork is very important for a contemporary professional. Moreover, working in teams, everyone was responsible for a certain block of the task, which made the work quicker and more diverse.

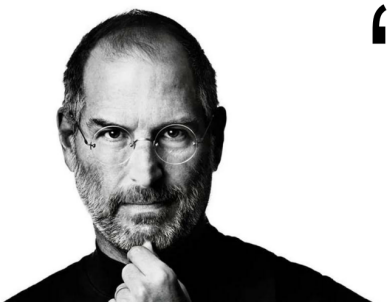
The next disadvantage of online learning is unstable Internet connection that caused problems when communicating with professors. However, this allows universities to improve the platforms they use for online learning, and students and professors can learn how to use the new services and technologies in education.

The biggest problem is that some disciplines cannot be taught online. Medicine and natural sciences suffer most, because you need special equipment and facilities to conduct experiments. There are also a number of problems for students in culture and arts. For example, it is difficult to do oil painting when there are no special conditions for it, and the webcam does not convey all the color shades and tones of the painting to consult with the professor.

Unfortunately, digital devices can never replace real live communication with the professor, even if it is in real time and with 3D holograms. When education goes online, professors lose their charisma, and students don't feel that they are in class. There is a similar situation when communicating with group mates – online communication is limited only to solving such issues as: "When is the class?", "On what platform?", "Who can I asked about this?" and other questions like this.

In addition, in the online mode, many ideas are not destined to be born from the lack of offline interaction with professors and groupmates, because "creativity comes from spontaneous meetings, from random discussions. You run into someone, you ask what they're doing, you say 'Wow,' and soon you're cooking up all sorts of ideas" [4].

Many ideas are not destined to be born



"Creativity comes from spontaneous meetings, from random discussions. You run into someone, you ask what they're doing, you say 'Wow,' and soon you're cooking up all sorts of ideas.

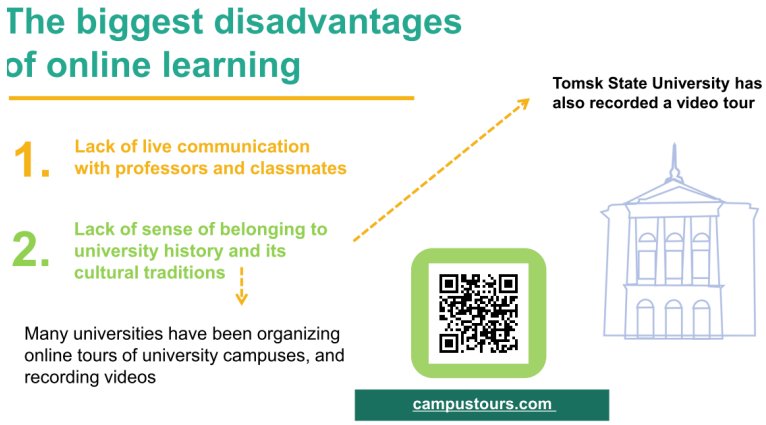
Steve Jobs

It is very important that online learning has blurred students' sense of belonging to a particular university. There is no tangible difference, if you study at Tomsk State University, or Oxford or Cambridge – you still stay at home, in your armchair and do similar tasks. There's no connection to the place, no sense of atmosphere that could create the place identity. There is, at the same time, an advantage – you can get education from anywhere in the world. And this is more simple and affordable.

Another important advantage of online learning is that this format can develop such soft skills as self-organization, responsibility, discipline, adaptation, and time management. These skills are fundamental for the future, which has already come.

As we can see, this list of advantages and disadvantages of online learning that affect students is open-ended and can certainly be expanded. In the students' opinion, the biggest disadvantages of online learning are: lack of live communication with professors and classmates (this cannot be replaced even with the most advanced digital technologies); and lack of sense of belonging to university history and its cultural traditions.

To compensate this, many universities recorded videos and organized online tours of university campuses [2]. For example, Tomsk State University recorded and posted on social networks a video tour of the empty main building and the university grove, where the students walked every day to their offline classes before the pandemic. Unfortunately, such tours will never replace visiting these places.



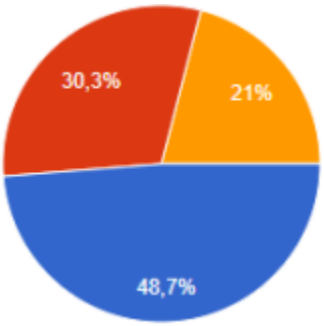
The absolute advantage of online education is its geographical accessibility – the possibility of becoming a student at a university located on another continent without leaving home, and the opportunity to continue education during social upheavals. It has proved to be a "lifeboat" for students, professors and the educational system as a whole during the coronavirus pandemic.

Online and off-line learning at TSU: The pandemic experience (online survey results)

To reveal what TSU students think about online learning a year after it was introduced, we conducted an online survey called "Me and my online and off-line learning at TSU: The pandemic experience". According to the survey, when asked about the transition to online learning in March 2020, a large proportion of students (48.7%) reacted positively to the move to distance learning, 30.3% were neutral and 21% reacted negatively.

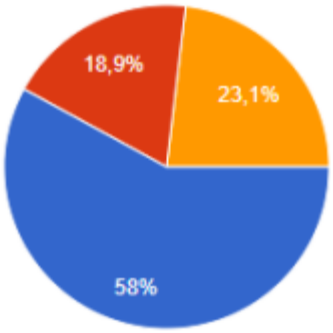
However, only 18.9% of students were completely satisfied with the distance format in the first months of the pandemic, 50% were partially satisfied, and 31.1% were not satisfied at all. The low level of satisfaction with the online format in the first months of the pandemic was mainly related to the feeling of uncertainty and lack of emotions: 56.8 % of students felt tired from being in front of the computer screen for too long, 51.3% felt that the workload increased, 50.3% mentioned the lack of personal contact with professors, 32.2% experienced technical problems and 22.6% had difficulties with using new programs and applications. For a significant proportion of students surveyed, these problems acted as a factor reducing their learning motivation. Thus, the level of motivation decreased for 48.7% of those surveyed and did not change for 29 % of students, and only for 13.9% of the respondents distance learning increased their learning interest.

March 2020

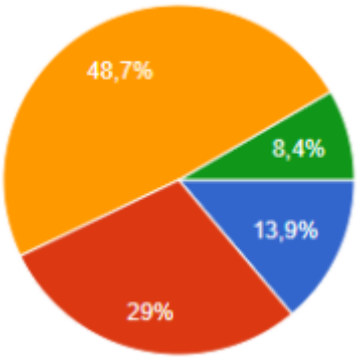


Attitude to online learning:
48.7% positive
21% negative
30.3% neutral

March 2021

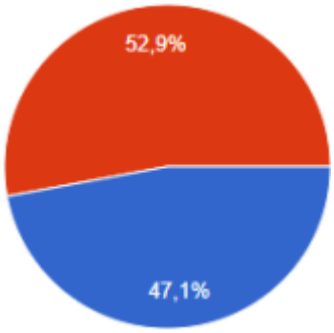


Attitude to online learning:
58% positive
18.9% negative
23/1% neutral



The level of students' motivation during online learning:
48.7% decreased
29% did not change
13.9% increased
8.4% found difficulty in replying

The survey was conducted in March 2021, a year after the beginning of the pandemic. For this time, the attitude of the respondents towards distance learning has changed for the better. For 58% of the respondents it has improved, for 23.1% it has remained unchanged and only the attitude of 18.9% of students has changed for the worse. This change happened not only because the students adapted to the challenges they faced in the early months of the pandemic, but also because they began to see the benefits of online learning, including time saving (79%), flexibility (70.6%), money saving (67.2%), safety (30.3%) and the development of new skills (29.8%). For some students, the distance format is also "an opportunity to live in their hometown", "an opportunity to combine studies and work", and some even mentioned that "it is the future". These advantages probably influenced the fact that than half of the students questioned (52.9%) do not want to return to off-line learning. However, a significant proportion of the respondents (47.1%) would like to continue studying off-line, with the explanation that distance learning lacks live communication with professors and group mates (62.2%).



Do students want to return to off-line learning in March 2021?
52.9% No
47.1% Yes

In sum, after a few months of online learning, many students are already used to this format and see fewer disadvantages. In addition, there is no guarantee that after returning to the university campus, students will not experience the same culture shock as they did when the pandemic brought

all those changes into their lives and they were not able to go to campus anymore and had to attend classes online from their flats or summer cottages.

The ideal proportion of online and off-line learning in the future

The experience, knowledge and skills acquired in the online format will certainly transform the educational system. Many universities will incorporate online education into their practice in the future, but what should be the ideal proportion of online and off-line learning?

The general survey results showed that the ideal proportion of online and off-line learning in the future should be 30% to 70%. At the same time, the students of different branches of learning see the ideal proportion of online and off-line learning differently: those who study natural sciences and technology regard the ideal proportion 70% (online) to 30% (off-line) and those who do the humanities prefer 30% (online) to 70% (off-line). However, most of the students surveyed (80.7%) expect the hybrid format of learning in the future.

Conclusion

As we can see, the forced transition of higher education institutions to online learning due to the appearance of the "Black Swan" in the form of the coronavirus pandemic, has not only transformed the usual way of life of all those involved in the educational process, but also outlined possible ways of development for them in the future, allowed universities, professors and students to become more adaptive and flexible to the challenges of the modern world in the age of the Fourth Industrial Revolution. The acute crises forced to look at the imbalances in our lives and reveal the weaknesses of our management system that will hopefully help avoid fatal disasters in the future.

Indeed, online learning has a number of obvious advantages and can be used for a number of reasons. It provides an opportunity to invite leading theorists and practitioners from particular fields, even if they live in different cities and countries, which can improve the quality of education. Online education programs allow universities to extend their reach geographically, and students will be able to study at any of the world's universities from the comfort of their own homes. Moreover, online learning can become a "dotted" practice if a professor is away on an internship or feels unwell. Finally, the online format should be a backup educational strategy for universities in case of social upheaval.

However, a number of disadvantages still cannot be avoided: live communication with professors and group mates cannot be replaced even with the most advanced digital technologies; students do not have a sense of belonging to a particular university and its cultural traditions and many experience problems with time management and learning motivation. Thus, the question remains: Can online learning completely replace the traditional off-line format or should be used only as a backup plan for universities?

Acknowledgment

We would like to thank Anna Knyazeva, Alina Ishtuganova and Vyacheslav Schmidt for their assistance in collecting and interpreting the data for this research.

References

1. Denifle, H. (1885). Die Universitäten des Mittelalters bis 1400. Berlin: Weidmann, 876 P.
2. Interactive Virtual Tours and Campus Maps, Campus Tours. Available at: https://campustours.com/ (accessed 15.12.2020).
3. Lauren, A. (1999). Arnold Princely Gifts and Papal Treasures: The Franciscan Mission to China and Its Influence on the Art of the West. Desiderata Press, 239 P.
4. Online Learning during the COVID-19 Pandemic: What do we gain and what do we lose when classrooms go virtual?, Scientific Americab, 13.03.2020. Available at: https://blogs.scientificamerican.com/observations/online-learning-during-the-covid-19-pandemic/ (accessed 12.12.2020).

5. Reklama i svyazi s obshhestvennost`yu v Tomskom gosuniversitete [Advertising and PR at Tomsk State University], Stranicza v social`noj seti Vkontakte bakalavriata i magistratury` po napravleniyu reklama i svyazi s obshhestvennost`yu [Social network page (Vkontakte) of the Bachelor's and Master's degree programme in advertising and public relations]. Available at: https://vk.com/prtsu (accessed 04.12.2020).
6. Reklama i svyazi s obshhestvennost`yu v Tomskom gosuniversitete [Advertising and PR at Tomsk State University], Stranicza v social`noj seti Instagram bakalavriata i magistratury` po napravleniyu reklama i svyazi s obshhestvennost`yu [Social network page (Instagram) of the Bachelor's and Master's degree programme in advertising and public relations]. Available at: www.instagram.com/pr_tsu/ (accessed 04.12.2020).
7. Schwab, K. (2017). The Fourth Industrial Revolution, Penguin, 192 P.
8. Taleb, N. (2015). The Black Swan. The Impact of Highly Improbable. Penguin, 446 P.
9. Tomskij gosudarstvenny`j universitet [Tomsk State University], Oficial`naya stranicza Tomskogo gosudarstvennogo universiteta v social`noj seti Vkontakte [Tomsk State University's official page in Vkontakte network]. Available at: vk.com/tomskuniversity (accessed 02.12.2020).
10. Tomskij gosudarstvenny`j universitet [Tomsk State University], Oficial`naya stranicza Tomskogo gosudarstvennogo universiteta v social`noj seti Fejsbuk [Tomsk State University's official page in Facebook network]. Available at: www.facebook.com/TomskUniversity/ (accessed 03.12.2020).
11. Tomskij gosudarstvenny`j universitet [Tomsk State University], Oficial`naya stranicza Tomskogo gosudarstvennogo universiteta v social`noj seti Instagram [Tomsk State University's official page in Instagram network]. Available at: www.instagram.com/tomskuniversity/ (accessed 03.12.2020).

УДК 378.4 : 004.738 : 005 (082))
DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-9

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА «ДОПАНДЕМИЧЕСКИЕ» МОДЕЛИ УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф., ректор, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия, rector@tsu.ru

И.П. Кужелева-Саган, д-р филос. наук, проф., Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия, ipsagan@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена обзорному анализу моделей университета, представленных в работах Роналда Барнетта «Экологический университет» (2018) и Дэвида Стэйли «Альтернативные университеты» (2019).
Ключевые слова: «допандемические» модели университета, экологический университет, альтернативные университеты

Чем Университет отличается от большинства других общественных структур? Прежде всего, своими постоянными саморефлексией и самоописанием. Есть мнение, что благодаря именно этим свойствам, он и существует уже более восьмисот лет [1]. Иными словами, Университет по самой своей природе предназначен не только обучать и производить новое научное знание, но и время от времени *критически переосмысливать* свои ценности, миссию и академические (исследовательские, образовательные, культурные, управленческие) практики, описывая их в тех или иных формах: кодексах, уставах и разного рода публикациях. Деятельность, протекающая в стенах Университета, не имеет явно очерченных границ. При попытке установления таковых возникает угроза для его способности возрождаться в новых условиях. Всё это – саморефлексия, самоописание и отсутствие четкой демаркации в академических процессах – обеспечивает его необыкновенную способность к обновлению и адаптации к самым сложным историческим ситуациям. С этой точки зрения дискурс о существующих и возможных моделях Университета является постоянным. Однако иногда он становится особенно активным и разнообразным по характеру высказываемых мнений. Как правило, это происходит на смене эпох в периоды технологических (или промышленных) революций. Именно в такое время мы сейчас и живём. Свои коррективы в представления о современном Университете и наиболее вероятных сценариях его дальнейшего развития внесла и глобальная пандемия коронавируса. Чтобы выстраивать программы «университетов-фронтиров», находящихся на внешнем крае волны наступающей Четвёртой промышленной революции [2], важно не только пытаться заглядывать в будущее, но и анализировать уже проявившиеся тренды.

Одним из первых, кто вывел дискурс о неизбежной трансформации Университета на новый уровень в преддверии Четвёртой промышленной революции, стал социальный философ и заслуженный профессор Института образования Лондонского университета Рональд Барнетт (Ronald Barnett). Свою знаменитую инаугурационную лекцию 1997 года под названием «Осмысление университета» он начал со слов: «Западный университет умер. В это трудно поверить, но такова реальность» [3]. При этом Барнетт не теряет надежды на чудо возникновения нового Университета в силу его уникальной природы. По мнению философа, логика сверхсложности современного мира и неоднозначность самого понятия «университет» предполагают существование множества его версий, хотя и с учетом определенных условий: «Лозунгом современности становится разнообразие. И если для этого надо допустить долю неожиданности и спонтанности в современный университет, это придется сделать. (…) Тем не менее, трудно принять тезис о том, что университетом может быть все, что угодно. (…) Статус университета не должен стать легкодоступным. Институты, претендующие на этот статус, должны пройти проверку на соответствие целому ряду критериев. (…)

Итак, мы имеем дело с настоящей головоломкой. С одной стороны, мы отвергаем мысль о существовании некой общей идеи университета, с другой стороны, мы предполагаем, что должны существовать какие-то границы, определяющие университет» [3].

Поскольку в век сверхсложности цели университета постоянно усложняются и дополняются новыми, миссия Университета начинает пониматься по-новому. Она заключается в том, чтобы порождать сверхсложность и учить с ней жить. В новую эпоху все труднее формулировать хоть сколько-нибудь долгосрочные и постоянные стратегические цели университета. Не работают утверждения о так называемом "главном деле" университета. Оно постоянно подвергается переосмыслению и переинтерпретации. Конечно, не все мысли Барнетта о грядущем Университете бесспорны. Тем не менее, большинство из них не потеряли своей актуальности и до сих пор служат социально-философским основанием для появления моделей Университетов других авторов. Поэтому стоит осветить их чуть подробнее.

Итак, сам Барнетт выделяет несколько принципов, которые должны быть учтены при разработке любой модели современного Университета. Они описываются в следующих тезисах:

– Кроме научного, существует множество других типов знания, оказывающих влияние друг на друга. И выше всего сегодня ценится то знание, которое имеет наибольшее практическое значение. Способность приобретать знание всё чаще сводится к умению обращаться с различными типами данных. Изменчивость и текучесть мира достигли своего апогея, вследствие чего мир становится не просто непознаваемым, а «радикально непознаваемым». *На месте знания теперь стоит незнание*.

– Понятия «истина» и «знание», олицетворяющие собой идеалы Просвещения, не могут использоваться для обоснования современного Университета. Его идеология описывается словосочетанием «реализация своих возможностей». Понятия демократии, справедливости, гражданства и общества должны быть частью осознания современного Университета, но они не могут наполнить содержанием его основные цели. Эти цели репрезентируются с помощью таких понятий, как: *неопределенность, непредсказуемость, спорность, непредвиденность, нестабильность, риск, беспорядок, непостоянство*.

– Несмотря на то, что многие, по-прежнему, верят в развитие личной идентичности (или «Я») как главную задачу высшего образования, само по себе понятие личной идентичности в эпоху постмодерна ставится под сомнение. Более того, современный Университет должен быть построен на осознании того, что *всё в современном мире вызывает сомнение*, включая все существующие структуры и системы ценностей.

– Мир характеризуется *сверхсложностью* – такой степенью сложности, при которой нужны новые способы выживания и, по возможности, даже процветания в условиях, когда все теории постоянно проверяются и подвергаются сомнению.

– Университет — это именно то место, где рождается такая сверхсложность [4] и одновременно происходит обучение выживанию в ней через овладение умением обращаться с многочисленными формами познания, бытия и деятельности.

– Университет должен формироваться в самом себе и намеренно создавать ситуацию, в которой можно мыслить о немыслимом.

– Концепция нового Университета должна опираться на *критическую междисциплинарность* и *коллективный самоанализ*, которые выражаются в постоянных дискуссиях между представителями разных научных дисциплин и направлений, столкновениях мнений и диалоге, в свою очередь, приводящих к свежим идеям, альтернативным перспективам развития, усложнению целей; «созданию ситуации, в которой можно мыслить о немыслимом».

– Обеспеченность *подвижности границ* внутри Университета достигается созданием множества форм академической идентичности как в горизонтальной плоскости (поверх дисциплинарных границ на уровне различных университетских структур), так и в вертикальной (в рамках отдельных кафедр, лабораторий, факультета).

– Неизбежная *ангажированность* Университета обусловлена необходимостью его выживания в обществе, в котором знание существует в различных формах и институтах, проце-

дурах и определениях. Университет *вынужден* вступать в альянс с промышленностью, бизнесом, внешними консультантами для сохранения своего места на рынке производства знаний.

– Коммуникативная толерантность Университета выражается в поддержании им возможности высказываться самым различным голосам, а также в его способности вести внешние дискурсы на «языках», понятных различным аудиториям: СМИ, политическим и бизнес-структурам, государственным чиновникам и другим.

– Ценностная система современного Университета определяется его *коллективной самоиронией*, помогающей ему выживать в мире, где нет ничего определенного, и где приходится иметь дело с конфликтующими дискурсами.

Барнетт обращает внимание и на то, что для освоения процесса продуцирования сверхсложности и управления ею, Университет должен обладать разнообразными профессиональными ресурсами, помогающими расширить палитру его воображаемых возможностей. Парадокс заключается в том, что, занимаясь производством знания, университеты очень мало знают о реальном потенциале своего научно-исследовательского и профессорско-преподавательского состава. Поэтому они должны периодически проводить «детальный эпистемологический и профессиональный аудит» своих сотрудников. В новом Университете большую роль играют и академические менеджеры, задачей которых является *развитие коллективного понимания ситуации неопределенности*. Эта ситуация неопределенности проявляется, среди прочего, в том, что категория «ученый-исследователь» потеряла свою четкость:

«От ученого требуются умения управлять многочисленными рамками не только мысли, но и деятельности, самопознания и коммуникаций. В сверхсложном мире необходимы исследователи со смелым самосознанием; те, кто готов сотрудничать с политиками и государственными чиновниками, кто способен вжиться в их дискурсы и говорить на понятном им языке. Тогда ученые начнут жить в реальном повседневном мире, они станут в нем своего рода коммутаторами. Такое “смирение” со стороны ученых открывает путь ко множеству разных прочтений любой ситуации. Например, должно измениться представление о “решение проблемы” как цели и сути исследования. Не существует жесткого понятия решения проблемы, так как вообще решений у проблем нет. Есть лишь дискурсы осмысления проблем, которые сами по себе спорны. Таким образом, ученые должны научиться искусному обращению с дискурсами, окруженными соперничающими дискурсами и оппозиционными блоками. Ученые должны будут стать своего рода общественными деятелями, даже политиками, но в своей сфере. Им придется заняться искусством вероятностного, но при этом расширить его горизонты, поместить в поле нашего зрения как можно больше объектов внимания» [3].

По Барнетту, необходимо критически отрефлексировать смысл и задачи высшего образования, исходя, минимум, из двух значений самого понятия «высшее образование». Высшее оно потому, что: 1) выявляет спорность рамок *высшего* порядка, с помощью которых человек пытается понять мир; 2) вовлекает в свои образовательные процессы тех, кто призваны развиваться как человеческие существа, способные усвоить неопределенность *высшего* порядка и приспособиться к ней.

По-настоящему качественное обучение в современном университете предполагает формирование соответствующего отношения к неопределенности как со стороны ученых-преподавателей, так и студентов. Оно должно быть организовано таким образом, чтобы первые, осознавая сомнительность всех своих схем, основывались на *неопределенности как форме существования в условиях сверхсложности.* В умах вторых оно должно порождать осознание этой неопределенности и готовить их к комфортной жизни в этом хрупком мире сверхсложности.

Согласно Барнетту, в университете, построенном на принципе неопределенности, нужно отказаться от старого и узкого смысла понятия "обучения" только как процесса передачи знаний и приобретения профессиональных навыков. Необходимо разрабатывать *новые методы обучения, позволяющие студентам научиться формулировать сомнения и получить опыт освоения спорности как таковой*. Лекции должны быть заменены интерактивными ме-

тодами обучения – дебатами и семинарами, дающими студентам возможность работать с противоречивыми идеями и перспективами. Особенно примечательна мысль Барнетта о том, что для успешного развития в студентах соответствующего отношения к неопределенности и способности формулировать свои сомнения, необходимо «вызывать брожение в их умах» и «просто в них поверить».

При этом Барнетт прекрасно понимает, что обучение такого рода требует долгосрочных обязательств по отношению к студентам. Необходимо постоянно общаться с ними, стимулировать их уверенность в себе, помогать в осознании ими собственных достижений. Неудивительно, если при таких требованиях к преподаванию в современном университете многие ученые предпочтут исследовательскую карьеру педагогической. Барнетт задаёт провокационный вопрос: «Нуждается ли университет в студентах вообще?» И сам же отвечает: «Возможно, некоторые университеты двадцать первого века будут просто предлагать свои товары на рынке, в связи с тем, что обучение студентов не на столько выгодно, чтобы оставаться их “главным делом”» [3].

Заканчивается инаугурационная лекция Барнетта примерно так же, как и один из самых известных диалогов Платона, в котором Сократ и другой древнегреческий философ-софист долго рассуждают о том, «что есть прекрасное». В конце концов они приходят к выводу, что «прекрасное – трудно» [5]. Так и Барнетт завершает свою лекцию словами: «Университет – сложная структура. (…) Каким образом университет, с одной стороны, развивает знание, необходимое для власти и контроля над миром, и, с другой стороны, углубляет взаимопонимание между людьми и миром? Как ему удается одновременно нести просвещение и критику, и отвечать требованиям экономического возрождения и роста? Велик соблазн сказать, что это в принципе невозможно. Но это не так. Университет должен все это делать, не взирая на их противоречивость. (…) Университет должен помогать нам жить в условиях неопределенности и даже научить радоваться ей. Эта задача стоит перед нами, и в мире, где царит тотальная неопределенность, она не может быть другой» [3].

После лекции 1997 г. Рональд Барнетт опубликовал целый ряд статей и книг, в которых он продолжал своё «осмысление университета». Одна из последних его работ, также получившая большую известность, – это монография «Экологический университет» [6]. Продолжая настаивать на том, что существующие представления об Университете «безнадёжно обеднены», и что университеты не справляются со своими обязанностями в постоянно меняющейся и сложной среде, в ней он предлагает свою модель Университета – *экологическую* в широком значении этого понятия. По его мнению, несмотря на свою кажущуюся утопичность и абстрактность, она имеет наибольший потенциал с точки зрения дальнейшей эволюции высшего образования. Основная идея состоит в выявлении связей между Университетом и семью основными экосистемами: знаниевой, социальной, человеческой, экономической, образовательной, культурной и природной. Все эти экосистемы сами по себе очень хрупки, и для их продвижения и развития университеты должны взаимодействовать с каждой из них. В отличие от гумбольдтовского университета, который существует «сам по себе» и предпринимательского, который «для себя», экологический университет, вовлеченный во все экосистемы мира, функционирует «для других».

Вот некоторые из аргументов Барнетта в обоснование того, что Университет 21 века должен и может проявлять *активную* озабоченность состоянием всей Земли, и даже Вселенной.

– Само понятие «университет» (от лат. universitas – совокупность, общность) изначально несёт в себе значение универсальности и Вселенной.

– Университет, благодаря своей ориентации на знания, приобрел ресурсы и силу, и поэтому имеет возможность проявлять заботу о состоянии экосистем, в которые он вовлечен.

– В XXI веке эти экосистемы не находятся за пределами университета, а скорее, они и университет втекают друг в друга. Благодаря такой взаимосвязи эти экосистемы стали «глубинной экологией» университета.

– Разные университеты по-разному вовлечены в семь экосистем, поэтому возникают уникальные экологические возможности для каждого университета.

– Экологический университет полностью проявится тогда, когда университет – любой университет – не просто будет взаимодействовать со своей экологической периферией, но, когда это взаимодействие станет *неотрывным* и обретет *экологическую сущность*.

– Экологический университет является этическим университетом, несущим ответственность за развитие *собственных* возможностей для содействия благополучию семи экосистем.

– Процессу развития экологических возможностей каждого университета, требующего воображения и институционального бесстрашия, нет конца, ни во времени, ни в пространстве. Экологический университет находится в состоянии постоянного *возникновения,* так как он развивает свой *экологический профиль* во всех семи экосистемах, «распределяет» себя через эти экосистемы и беспрестанно изменяется.

– Идея экологического университета является одновременно реалистической и идеалистической, критической и радикальной.

– Возможно, идея экологического университета никогда не будет *полностью* реализована. Однако есть веские основания полагать, что она в значительной мере *вполне может* материализоваться. У мира ещё есть шанс осознать, ЧТО может предложить ему университет и каково его истинное место в мире.

–Зачаточные признаки экологического университета уже существуют. Да, экологический университет утопичен, но это *осуществимая* утопия.

Итак, Рональд Барнетт один из первых, кто поставил вопрос о необходимости радикального преобразования Университета на рубеже XX–XXI вв. Однако экологический университет – это лишь один из вариантов такой трансформации, предложенных в допандемическую эпоху. Безусловно, он заслуживает большого внимания. И, прежде всего, в виду своих высоких ценностных и этических оснований. Но академическому миру и широкой общественности предлагались и другие сценарии эволюции Университета.

Сразу несколько таких сценариев были предложены директором Института гуманитарных наук Университета Огайо, историком и футурологом Дэвидом Стэйли (David Staley) в его нашумевшей книге «Альтернативные университеты», вышедшей в свет в 2019 г. [7]. Она стала поводом для самых восторженных и, одновременно, самых негативных откликов, и уже поэтому заслуживает отдельного внимания. Так же, как и Рональд Барнетт, Дэвид Стэйли считает, что Университет по своей природе всегда находится в состоянии *становления*, но современные университеты страдают от недостатка воображения относительно того, как заново изобрести себя. Однако в отличие от Барнетта, выступающего за идею экологического университета как «золотого стандарта» для всех институтов, Стэйли предлагает *альтернативные* сценарии эволюции Университета. По его мнению, каждому, кто жаждет инноваций в высшем образовании, нужно, с одной стороны, сосредоточиться на уже существующем трансформационном опыте университетов; с другой, не бояться чисто умозрительных рассуждений, расширяющих представления о будущем Университета, его возможных форматах и масштабах.

Результатом синтеза этих двух принципов стали десять моделей инноваций в высшем образовании (по сути, десять альтернативных моделей Университета). Их автор и предлагает на суд читателей, проводя соответствующие исторические параллели. Справедливости ради нужно отметить, что «прототипы» большинства из этих моделей были известны задолго до выхода книги Стэйли и обсуждались во многих публикациях. В том числе и таких известных авторов, например, как Ноам Хомский (Noam Chomsky) [8] и Джон Моравец [9]. Согласно Стэйли, общие контуры описанных им инноваций в высшем образовании выглядят следующим образом.

Университет-платформа опирается на метафорическую идею «супермаркета», открытого 24 часа в сутки для любого желающего туда войти, чтобы получить то, что ему нужно, и уйти тогда, когда ему удобно. И это относится не только к студентам, но и к про-

фессорам. Здесь нет штатных преподавателей и администраторов, формальных процедур приёма, определенного расписания, обязательных программ и тому подобного. Обучающихся и обучающих объединяют общие интересы к тому или иному предмету или исследовательской проблеме. Учебные курсы постоянно обновляются и существуют до тех пор, пока они востребованы. Университет-платформа – это самоорганизующаяся структура, реализующаяся в таких физических пространствах, как библиотеки, коворкинги, музеи, офисы, производственные помещения и даже церковные пространства.

Система микроколледжей может включать неограниченное количество микроструктур, рассредоточенных в самых разных пространствах: от научных лабораторий до частных домов. Каждая из них – это группа из нескольких студентов, обучаемых одним профессором, обладающим высокой профессиональной репутацией в той или иной научной сфере. Характер исследуемых проблем, содержание учебного плана и методы обучения здесь обусловлены опытом и личностью профессора – центрального «элемента» микроколледжа. Все вместе эти микросистемы представляют собой образовательную экосистему с минимальным административным регулированием. Единственным, но обязательным условием аккредитации каждого микроколледжа, осуществляемой соответствующими региональными органами, является признание авторитета профессора со стороны академического сообщества – научного и педагогического. Координировать и персонализировать работу со студентами профессору помогают устройства по захвату и анализу их разговорной речи в процессе обучения. Микроколледжи ориентированы, в первую очередь, на людей с высокой способностью к самоорганизации.

Гуманитарный аналитический центр (Humanities Think Tank, HTT), дающий новый статус представителям социогуманитарных наук. Такой Центр может существовать как в рамках более крупной структуры, так и автономно. Это коллектив людей, представляющих самые разные направления социально-гуманитарной научной сферы, основная функция которых – читать, думать, обсуждать и составлять аналитические отчеты и прогностические материалы, необходимые для разработки правительственных, социальных, экономических и военных стратегий, формирования альтернативных политик и принятия жизненно важных решений для отдельных субъектов и общества в целом.

Университет номадов/кочевников (Nomad University), существующий везде, но не имеющий конкретной локализации, выпускающий специалистов для работы в космополитическом мире. Они могут заниматься профессиональной деятельностью и самостоятельно (фриланс), и объединяясь во временные коллективы под конкретные проекты. Соответственно, университет постоянно меняет своё местоположение в зависимости от того, конкретные проблемы какого региона мира он собирается решать. Его основные принципы: постоянная мобильность, каждый раз дающая новый образовательный опыт; концепция города как кампуса, проектное обучение.

Колледж свободных искусств (Liberal Arts College), радикально реализующий идеи liberal arts, не структурированный на факультеты и отдельные образовательные направления. Он ориентирован на формирование семи основных навыков, необходимых в 21 веке: решение сложных задач; способность порождать смыслы; производительную деятельность; воображение; мультимодальную (вербальную и невербальную) коммуникацию; межкультурную компетентность и лидерство. Все эти навыки, развитие которых является основной целью, а не побочным результатом, отрабатываются, прежде всего, на практических занятиях и в процессе различных стажировок под руководством наставников. Колледж располагает кампусом, но большая часть образовательного процесса реализуется на предприятиях и в организациях, инвестирующих в студентов, которые в перспективе могут стать их сотрудниками.

Интерфейсный университет (Interface University) является воплощением идеи объединения/синтеза человеческого и искусственного интеллектов (ИИ), в результате чего ИИ становится «третьим полушарием» человеческого мозга. Искусственный интеллект берёт на себя часть функционала левого полушария, что даёт возможность студентам сосредоточить-

ся больше на развитии правого полушария, атрибуты которого машины пока имитировать не способны. К ним относятся любопытство, креативность, воображение, удивление и осмысление. Студенты находятся в постоянном диалоге со своим «третьим полушарием», решая или иные образовательные задачи. Основным (стержневым) навыком в интерфейсном университете является программирование.

Университет тела (University of the Body) обучает своих студентов воспринимать и интерпретировать внешние данные, содержащиеся в визуальных, тактильных, оральных, кинестетических и обонятельных объектах, с помощью всех органов чувств; а также транслировать свою информацию посредством различных «каналов» своего тела. Для этого студенты изучают язык мимики и жестов.

Институт продвинутой игры (Institute for Advanced Play), развивающий воображение, а также способности к генерированию идей и построению альтернативных миров через игру. Институт основан на концепции понимания игры как наиболее эффективной формы познания. В некотором смысле он напоминает игровой клуб, поскольку здесь нет ни преподавателей, ни студентов как таковых. Есть только игроки-стипендиаты, отбираемые в процессе конкурсных заданий.

Университет полиматов (Polymath University), осуществляющий подготовку одновременно по трём разным предметным направлениям (например, по литературе, маркетингу и химии) и формирующий разные типа мышления. Студенты, изучающие «тройные» специальности по широко расходящимся предметным направлениям, развивают гибкий и сложный ум. Образовательная концепция этого университета опирается на идею холистичности окружающего мира.

Наконец, **У*ниверситет будущего*** (Future University), непосредственно обучающий чистой и прикладной футурологии через изучение систем различных типов.

В интервью корреспонденту платформы Inside Higher ED Дэвид Стэйли объясняет, каким образом он пришёл к разработке именно этих альтернативных инноваций в высшем образовании, и на какие принципы и концепции он при этом опирался [10]. По его мнению, «радикально новый» университет, как правило, строится с нуля. Например, как Университет Джона Хопкинса или Чикагский университет. Исключения есть, но их совсем немного (Гарвард и Йель, превратившиеся из традиционных академических в исследовательские вузы). Учреждения высшего образования, которые действительно трансформируются, как правило, имеют тенденцию трансформироваться в уже существующие формы университета. Например, когда пригородный кампус становится исследовательским университетом с футбольной программой первого дивизиона. Но это не столько инновация, сколько изменение. Одна из основных причин редкого появления настоящих инноваций заключается в нежелании большинства вузов рисковать, поэтому они так похожи друг на друга в своих целях и миссиях и могут конкурировать только по цене за обучение.

Стэйли принял вызов Барнетта расширить свое воображение и предложить радикально новые модели университета. Для этого он изучил не только широкий спектр идей о будущем высшего образования и науки, но и наследие отцов-основателей инновационных университетов. Из предложенных им моделей наиболее актуальными ему представляются Интерфейсный университет и Университет полиматов. Понимая, что многим читателям его идеи покажутся чистой спекуляцией, т.е. абсолютно отвлеченными от реальной практики умозрительными рассуждениями (тем более, что и сама книга имеет соответствующее название), Стэйли считает вполне возможным их хотя бы первичную частичную реализацию. Иными словами, уже существующие университеты могут организовать *внутри себя* меньшие версии альтернативных – инновационных – «университетов», а точнее, колледжей, с относительно небольшим количеством студентов и преподавателей. Если модель окажется успешной, экспериментальный колледж может вырасти в размерах. Возможно, он даже достигнет стадии, когда, как стартап, выделится в отдельную сущность. Таким образом, уже существующие университеты могут создавать инкубаторы для будущих инновационных университетов.

При этом нужно быть готовыми к тому, что эти новые «сущности» априори не будут соответствовать уже существующим образовательным стандартам и требованиям к уровню взаимодействия между преподавателями и студентами, что может осложнить их аккредитацию или сделать даже невозможной на первых порах. Отсюда воплощение в реальности альтернативных моделей университета должно с первых шагов сопровождаться работой по их легитимации.

Книга Дэвида Стэйли, как уже было сказано выше, вызвала крайне противоречивые суждения (https://www.goodreads.com/book/show/42453188-alternative-universities) со стороны не только «рядовых» читателей, но и академического и экспертного международного сообщества. Одним она показалась слишком «сумасшедшей», другим – «не такой уж и новаторской», а третьим – «радикально революционной».

Вот некоторые выдержки из отзывов:

– «Я прочитала книгу и не знаю, как этот сон наяву мог получить от кого-то оценку "пять звёзд", кроме вузовского администратора, желающего урезать зарплату преподавателям. Я не нашла в ней ничего полезного. Это серия размышлений о различных образовательных моделях, которые объединяет одна общая черта: корпорации – это «короли», которых обслуживают студенты и преподаватели. И при этом у преподавателей нет гарантии занятости, специализации и т. д. А также нет каких-либо причин, по которым кто-либо будет продолжать обучение на настоящем университетском уровне» (Энн Кэмпбелл).

– «Я не могу передать, насколько ужасна, наивна, жалка и скучна эта книга. Я возлагала на неё большие надежды. Ревизия университета - важный проект. (...) Но предлагаемые в этой книге "умозрительные" конструкции просто смешны. Они либо полностью отключены от политической экономии, либо создают «микроуниверситет», обслуживающий гиг-экономику. (...) Наши существующие университеты были и остаются выдающимися учреждениями. Они "заблудились", но создание учебной аудитории в церкви – это недальновидная стратегия» (Тара Брабазон, декан аспирантуры и профессор культурологии Университета Флиндерса, Австралия).

– «Эта книга не обязательно означает, что каждая нетрадиционная концепция образования – это возможный источник инноваций, если нет анализа контекста, в котором это может работать. Другой вопрос, который носит более прикладной характер, – это обсуждение фактических специальностей, на которые могут быть нацелены некоторые из этих университетских проектов. Это не подходит для всех из них, но (...) если вы ищете какие-то идеи, которые не были представлены ни одним из ваших нынешних университетских комитетов, возможно, это стоит изучить. В противном случае я не совсем уверен, что с этим делать. (...) У меня нет понимания того, как это может быть приемлемым (...) в мире после COVID» (Дэн Грасер).

– «Книга Дэвида Стэйли - интересный сборник мысленных экспериментов о том, как могло бы выглядеть высшее образование. Её ключевой посыл: вузы должны начать более тщательно дифференцироваться, чтобы найти свою рыночную нишу в области, которая будет становиться все более конкурентоспособной. (...) Однако многие её идеи в той или иной степени уже реализованы, в то время как по другим автор не привел или не смог привести примеры. Но это стоит прочитать, если вам интересно размышлять о будущем высшего образования» (Инкогнито).

– «Для меня, как представителя руководства университета, находившегося на карантине из-за COVID-19, эта книга была увлекательным чтением. В ней описано множество моделей, в которых можно представить мою работу. Определенно, здесь есть некоторые возможные варианты (Университет номадов, Университет полиматов). Есть и некоторые фавориты (Микроколледжи, Университет будущего). Но я думаю, что вместо этого полезнее было бы представить возможное будущее вузов, взяв самые лучшие элементы из описанных в книге альтернативных моделей: отбор студентов (Университет-платформа), практику путешествий (Университет номадов), влияние на политику (Гуманитарный аналитический центр), развитие мышления (Колледж свободных искусств), предметные нишевые среды (микроколледжи), кросс-специализацию (Университет полиматов), эволюцию киборгов (Интерфейсный университет) и проектирование будущего (Университет будущего). (...) После COVID у нас не будет другого выбора, кроме как по-настоящему развиваться» (Ли Макви).

– «Это новаторская и вдохновляющая работа. Она предлагает провокационное видение новых высших учебных заведений, которые радикально отличаются от того, что есть у нас сейчас. Я восхищаюсь смелостью Дэвида Стэйли» (Брайан Александер, автор книги «Подготовка к обучению за пределами К–12: подготовка студентов и школ к современному высшему образованию»).

– «Слишком часто наши дебаты о будущем высшего образования либо не могут представить что-то отличное от сегодняшнего, либо заканчиваются мрачными прогнозами о неминуемой кончине университета. В своей книге Стэйли предлагает нам другой способ (...) думать больше и творчески по теме трансформации вузов» (Джошуа Ким, Дартмутский центр содействия обучению).

– «(...) Книга обещает вдохновить на инновации, выходящие за рамки большинства текущих усилий, (...) и общество отчаянно нуждается в этом во время глубоких перемен» (Кэтрин Принс, старший директор по стратегическому прогнозированию, Knowledge Works).

– «Эта книга дает нам пищу, необходимую для открытия нашего разума навстречу возможному университету; тому, что ждет нас, если мы доверимся себе и выйдем за рамки принятия решений, основанных на данных, и дадим волю нашему воображению в настоящем» (Мари Конвей, основатель, Thinking Futures)

– «Будучи искушенным футуристом, хорошо понимающим драматические и многослойные тенденции, влияющие на все социальные институты, Стэйли также является историком и человеком, который напоминает нам, что настоящая ценность университета заключается в его постоянном состоянии становления» (Кристиан Лонг, основатель The WONDER Project) [11].

Конечно, не нужно ждать от книги Дэвида Стэйли точных рецептов, которые могут быть воплощены здесь и сейчас. Об этом автор честно предупреждает своих читателей самим названием книги, введя в него понятие «спекулятивный дизайн». Но также очевидно, что её нужно прочитать хотя бы для того, чтобы понять, насколько наше собственное воображение относительно будущего Университета консервативно или открыто новациям, насколько мы сами готовы радикально трансформировать университетскую реальность и себя самих в этой реальности.

Литература

1. Lenartowicz M. The nature of the university // Higher Education. 2015. № 69. P. 947–961.
2. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Cologny/Geneva : World Economic Forum, 2016.
3. Барнетт Р. Осмысление Университета. 1997. URL: http://charko.narod.ru/tekst/alm1/barnet.htm
4. Barnett R. The University in an Age of Supercomplexity: challenges and possibilities. 2014. URL: https://www.ronaldbarnett.co.uk/assets/docs/The%20University%20in%20an%20Age%20of%20Supercomplexity%20-%20Sao%20Paulo.pdf
5. Платон. Гиппий Больший/Диалоги. URL: http://psylib.org.ua/books/plato01/14gippb.htm
6. Barnet R. The Ecological University: A Feasible Utopia. London : Routledge, 2018.
7. Staley D. Alternative Universities: Speculative Design for Innovation in Higher Education. Johns Hopkins University Press, 2019.
8. Chomsky N. On Academic Labor. 2014. URL: https://www.counterpunch.org/2014/02/28/on-academic-labor/
9. Общество Знаниевых кочевников / под ред. Дж. Моравеца. томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. URL: URL: https://www.educationfutures.com/storage/app/media/documents/Knowmad_Society_RU.pdf
10. Jaschik S. “Alternative Universities”: Author discusses his new book on "speculative" alternatives for higher education // Inside Higher Ed. March 12, 2019. URL: https://www.insidehighered.com/news/2019/03/12/author-discusses-his-new-book-speculating-alternative-models-higher-education
11. URL: https://www.goodreads.com/book/show/42453188-alternative-universities

A COMMON VIEW OF THE "PRE-PANDEMIC" MODELS OF THE UNIVERSITY

Eduard V. Galazhinsky, PhD, Professor, Doctor of Psychology, Rector of National Research Tomsk State University (TSU), Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: rector@tsu.ru

Irina P. Kuzheleva-Sagan, PhD, Professor, Doctor of Philosophy, Head of Department of Social Communication, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: ipsagan@mail.ru

DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-9

Abstract. The purpose of the article is to provide an overview of the university models presented in the works by Ronald Barnett “The Ecological University: A Feasible Utopia” (2018) and David Staley "Alternative Universities: Speculative Design for Innovation in Higher Education" (2019).

Key words: “pre-pandemic” university models, ecological university, alternative universities

УДК **378.4 : 004.738 : 005 (082)**
DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-10

«ПОСТПАНДЕМИЧЕСКИЕ» МОДЕЛИ ВУЗОВ: ВЗГЛЯД ИЗ ЛОКДАУНА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф., ректор, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, rector@tsu.ru

И.П. Кужелева-Саган, д-р филос. наук, проф., Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, ipsagan@mail.ru

Аннотация. Целью статьи является аналитический обзор «постпандемических» моделей университета, представленных в публикациях Джамала Э. Бенхайоуна и Скотта Галлоуэя.
Ключевые слова: «постдопандемические» модели университета, локдаун (англ. Lockdown – блокировка, изоляция), новый глобальный университет, университеты-киборги

Повсеместный локдаун, вызванный глобальной пандемией COVID-19, стал мощнейшим драйвером многих процессов, включая дискурс о радикальной трансформации Университета. Обогатившись информацией о происходящем в мире высшего образования с начала 2020г., он стал с ещё большей скоростью, чем прежде, генерировать новые модели Университета. Их принципиальное отличие в том, что они опираются на тенденции в высшем образовании, которые начали ярко проявляться именно в контексте глобальной пандемии. Среди целого ряда моделей «нового Университета», представленных в публикациях на различных платформах, посвященных научно-образовательной тематике, особое внимание привлекают две. Условно их можно было бы обозначить как «утопическую» и «антиутопическую».

Прежде чем остановиться подробнее на первой модели, которую её автор – Джамал Эддин Бенхайоун (Jamal Eddine Benhayoun), заместитель декана по исследованиям и профессор сравнительной культурологии марокканского Университета Абдельмалек Эссаади – назвал Новым глобальным университетом [1] , надо отметить, что само по себе название «глобальный университет», конечно, не ново. Вузов, именующих себя глобальными, существует множество. Чаще всего, главными аргументами для такого названия является их ориентация на достижение международной конкурентоспособности и открытость для абитуриентов из самых разных стран. Такие вузы могут объединяться в Ассоциации глобальных университетов. Членом одной из них является и ТГУ[1]. Среди «глобальных» есть очень интересные и по-настоящему инновационные вузы. Например, глобальный Университет Mindvalley (Долина Разума)[2], на сайте которого написано следующее: «Mindvalley – всемирный университет инновационного образования для людей всех возрастов и происхождения. Вне территориальных границ. С удовольствием от процесса». Из дальнейших описаний университета становится понятно, что он представляет собой своеобразный синтез платформы Coursera[3] и Университета номадов Дэвида Стэйли [2].

Но вернемся к Новому глобальному университету по версии Джамала Бенхайоуна. По его мнению, COVID-19 предлагает наилучшее время для осмысления идеи трансформации университета, переместив её в контекст глобализации с опорой на принцип преемственности. Будущий Университет, который автор называет Новым глобальным университетом (New Global University, NGU), должен сохранить традицию академического превосходства, но при этом также двигаться к тому, чтобы форсировать текущие традиции и применять новые подходы к образованию в соответствии с происходящими изменениями. В отличие от большинства престижных вузов, рекламирующих на сайтах великолепие своих кампусов и жесткие требования к абитуриентам, Новый глобальный университет должен заявить о себе через *фактическое разнообразие своего академического сообщества* (сотрудников и студен-

[1] URL: http://www.globaluni.ru/ru/
[2] URL: https://ru.mindvalley.com
[3] URL: https://www.coursera.org

тов), благодаря способности объединяться в сети и влиять на мировую систему высшего образования, независимо от разницы во времени, географического положения и культурного происхождения тех, кто составляет это сообщество. Новый глобальный университет – это учреждение открытого доступа, которое развивается и обогащается посредством культурного и интеллектуального капитала его академического сообщества, рассредоточенного по всему миру. Это структура, не ограниченная какими-либо предписаниями и законами правительств и региональных администраций. Любой факультет любого существующего сегодня вуза может подать заявку на вступление в NGU из любой точки планеты. Но он должен быть готов поделиться лучшими своими достижениями в образовании (ресурсами и методами) для расширения возможностей студентов и ученых по всему миру.

Создание альтернативных, но технически и этически передовых, академических структур, заменяющих традиционные вузы, не является идеалистическим проектом. За последние несколько месяцев сообществам ученых и студентов удалось разработать беспрецедентные способы общения и взаимодействия друг с другом на разных уровнях со скоростью, которая ещё в начале этого года казалась почти невозможной. Знания должны быть универсальными и являться предметом переговоров, чтобы передаваться в пространствах, свободных от географических границ и культурных запретов. Однако создание NGU никогда не должно происходить при полном разрушении уже существующих структур высшего образования. NGU станет в большей степени *альянсом* мировых университетов, поскольку они дополняют и расширяют возможности друг друга, чтобы всегда и везде служить студентам и ученым, а также отвечать на возникающие глобальные вызовы в одно и то же время, с общих позиций и высокопрофессионально. Все основные мировые организации, фонды, правительства, консорциумы специалистов в области высшего образования и поставщики высоких технологий должны собраться вместе и внести свой вклад в проект создания этого альянса мировых университетов, чтобы создать NGU как авангард нового тысячелетия.

Профессор Бенхайоун убежден, что виртуальное присутствие университетов по всему миру будет продолжать развиваться, оказывая влияние на процесс преподавания, изучения и проведения исследований уже в ближайшие месяцы и годы. Расширение и распределение высшего образования в рамках Нового глобального университета подразумевает обращение к ницшеанской концепции «воли к знаниям как воли к власти» как идее, способной привести к миру, всеобщему богатству и солидарности между народами. Она должна изменить доктрину, в соответствии с которой после Второй мировой войны главной функцией большинства университетов стало расширение национальных военных программ, призванных обеспечить родине непобедимую силу, необходимую для победы над противниками.

Согласно классической модели, установленной фон Гумбольдтом в начале 19-го века, современный (т.е. исследовательский) университет должен быть описан как учреждение с национальным государством и национальной культурой в качестве основного ориентира. За 200 лет социально-политические контексты изменились. Благодаря пандемии COVID-19 стала очевидной необходимость производства и распространения знаний на планетарном уровне вместо сугубо «национального» подхода к организации высшего образования. Несомненно, это приведет к крупным геополитическим преобразованиям. Идея «нового глобального университета» способствует установлению всеобщего мира и формированию общности людей на планетарном уровне. Пост-пандемический контекст обеспечивает наиболее подходящую среду для пересмотра прошлых практик академических сообществ, которые оказались не способны защитить человечество от глобального потепления, масштабной нищеты и пандемии. С этой точки зрения, NGU несёт в себе огромный потенциал решения этих проблем. Статья-памфлет Джамала Бенхайоуна завершается словами: «Мир должен использовать этот исторический момент, чтобы рассмотреть вопрос о создании того, что я предпочитаю называть “Новым глобальным университетом”!» [1].

Без сомнений, такая оптимистичная и высоконравственная позиция марокканского профессора вызывает уважение. Кроме того, она основывается на ряде уже реально заявив-

ших о себе тенденций в сфере высшего образования, обусловленных пандемией. В частности, это почти повсеместная самоорганизация сетевых профессиональных сообществ разных стран, обменивающихся между собой информацией, знаниями и методами, помогающими в организации учебно-образовательных процессов в условиях изоляции и закрытости вузов; а также создание банков данных для бесплатного совместного их использования преподавателями и студентами. Еще одной тенденцией стала безвозмездная помощь высшему образованию со стороны высокотехнологичных компаний в наиболее критические для вузов периоды, связанные с пандемией. Всё это свидетельствует о том, что профессиональные и иные сообщества, в принципе, способны к проявлению солидарности в решении наиболее важных для себя проблем, каковой является обеспечение бесперебойного функционирования системы высшего образования. Однако до солидарности на уровне правительств государств ещё далеко. Национальные интересы пока, по-прежнему, превалируют над глобальными. В целом модель Нового глобального университета в интерпретации Бенхайоуна сегодня выглядит, скорее, утопической, нежели реалистической. Но будет ли она казаться таковой завтра? Вопрос, по какому пути пойдет дальше трансформация традиционного Университета остаётся пока открытым.

«Антиутопическая» поспандемическая модель университета представлена в прогнозах Скотта Галлоуэя (Scott Galloway) – американского исследователя, профессора маркетинга в Школе бизнеса Стерна Нью-Йоркского университета, консультанта, визионера, оратора, писателя и серийного предпринимателя, основавшего около десятка успешных стартапов в Силиконовой долине. Галлоуэй был признан одним из «50 лучших профессоров бизнес-школ мира», избран Советом Всемирного экономического форума в список «Глобальные лидеры завтрашнего дня» в числе 100 человек, чьи достижения оказали влияние на мировом уровне. Он основал глобальный рейтинг люксовых брендов (Digital IQ Index), оценивающий 2500 самых известных брендов по многим аспектам, включая электронную коммерцию, социальные сети и цифровой маркетинг. К его мнению и советам прислушиваются не только члены университетского сообщества, но и «сильные мира сего», поскольку его прогнозы, основанные на глубоких профессиональных знаниях, суперосведомленности в текущих событиях и сверхинтуиции, как правило, оказываются очень точными.

И всё же наибольшую известность Скотт Галлоуэй получил как видеоблогер Youtube-сериала «Победители и побежденные» (“Winners and Losers”) в стиле TED-конференций и автор одной из самых продаваемых книг в мире «Четвёрка: скрытая ДНК Amazon, Apple, Facebook и Google» или просто «Четвёрка» [3] (“The Four: The Hidden DNA of Amazon, Apple, Facebook, and Google”), вышедшей в свет в 2017 г. Эту книгу называют «стремительной верховой ездой без страховки на четырёх конях экономического Апокалипсиса – Amazon, Apple, Facebook и Google»; «глубинным анализом стратегий четырех самых влиятельных компаний, манипулирующих базовыми психологическими потребностями людей и их чувствами»[1].

Это исследование сильных сторон и стратегий четырех технологических гигантов, их новых экономических моделей, а также присущей им жадности, амбиций и радикальных последствий их подъёма, с которыми люди сталкиваются как в социальном, так и в индивидуальном плане. Многие писали об этой «четвёрке», но «никто не сумел уловить их силу и ошеломляющий успех так проницательно, как это сделал Скотт Галлоуэй»[2]. Одни критики считают Галлоуэя честным и остроумным, другие – грубым, самоуверенным, возмутительным и провокационным технократом. Но все признают его необыкновенный аналитический ум и дар заглядывать в будущее.

Как уже было отмечено выше, прогнозы Галлоуэя всегда в большой степени основаны на выявлении и оценке основных трендов текущей ситуации в США и мире. Какими они видятся ему в настоящее время в высшем образовании? Галлоуэй неоднократно отмечал, что с

[1] URL: https://www.amazon.com/Four-Hidden-Amazon-Facebook-Google/dp/0525501223
[2] URL: https://www.amazon.com/Four-Hidden-Amazon-Facebook-Google/dp/0735213658?tag=teco06-20

каждым годом все элитные американские университеты всё больше и больше усложняют процедуру приёма, сознательно ограничивая количество поступающих. Тем самым они создают эффект недоступности своих брендов для простых смертных. Эти эксклюзивные бренды, в свою очередь, позволяют устанавливать супер-высокие цены на обучение и формируют университетские бюджеты, превышающие ВВП отдельных стран.

Как специалист-маркетолог, Скотт Галлоуэй приводит понятный пример-аналогию: сумка Birkin стоит 12 000$ и выше не потому, что она действительно того стоит, а потому, чтобы быть недоступной для обычного потребителя и поддерживать имидж «роскошного бренда». Эксперт с сожалением констатирует, что роскошные бренды элитных университетов тоже поддерживаются не столько качеством предлагаемого образования, которое «дорого, но достаточно посредственно», сколько искусственно приёмными комиссиями. Они, по его словам, «проделывают фантастическую работу, создавая самый тщательный и трудоемкий процесс собеседования в современной истории» на основе предварительной проверки биографических данных абитуриентов и их страниц в социальных сетях, чтобы выяснить, совершали ли те какие-либо преступления; есть ли у них психические отклонения; злоупотребляли ли они алкоголем или выступали с расистскими или какими-либо иными фанатичными заявлениями. От имени ответственных за американское высшее образование Галлоуэй недвусмысленно признаёт: «Мы стремимся к кастовой системе, ранжируя молодых людей по доходам» [4].

Он приводит убедительные аргументы о том, что самые сильные бренды — это не Apple, Mercedes-Benz или Coca-Cola, а MIT, Oxford и Stanford. Но академики и администраторы ведущих вузов мира за последние 30 лет, по мнению Галлоуэя, решили, что иметь университетское образование – это больше не право человека, обеспечиваемое государством, а предмет роскоши. Они получают удовольствие каждый раз, когда выступают на внутренних собраниях и под громкие аплодисменты говорят: «В этом году мы отклонили не 85% абитуриентов, а 87%!» [4]. Это равносильно тому, как если бы глава приюта для бездомных хвастался, что накануне отвернулся от 9 из 10 человек, обратившихся к нему за помощью. Американская система высшего образования, за редким исключением, «потеряла свой первоначальный сценарий». Правда в том, что любое образовательное учреждение с десятками миллиардов на балансе, не увеличивающее количество первокурсников, является не общественным благом, а частным предприятием, «опьянённым роскошью».

Галлоуэй, опираясь на конкретные цифры, доказывает, что в его годы обучения в бакалавриате Калифорнийского университета Лос-Анжелеса и магистратуры в Университете Беркли «обычному», «ничем не примечательному» (т. е. со средними баллами) молодому человеку поступить в эти вузы было, минимум, в три раза легче, чем сегодня [4]. Себя Галлоуэй считает таким «обычным» студентом и выпускником, поскольку всегда имел средние баллы. Но сегодня он вряд ли смог бы поступить в названные университеты и окончить их; а также начать свой бизнес и купить дом, имея огромную задолженность по студенческим кредитам. (Здесь важно отметить, что Галлоуэй признаёт важность обучения в хорошем университете, но всё же определяющими факторами успешности человека ему видятся талант, удача, выдержка и терпимость к риску).

Итак, ещё до пандемии западная, в частности американская, система высшего образования, с точки зрения качества обучения и доступности, находилась в серьёзном кризисе. COVID-19 окончательно ввёл её в состояние жёсткой турбулентности. Тем не менее, некоторым, как правило, самым благополучным и богатым, университетам она даёт ещё больше доходов от передачи технологий, многомиллиардных пожертвований и дополнительного государственного финансирования. Большинству же вузов – огромные проблемы экономического характера, которые могут иметь серьезные долгосрочные последствия для их способности выполнять свои миссии.

Согласно Галлоуэю, общепризнано, что в связи с пандемией высшее образование (его стоимость, цена, продукт) существенно изменилось в худшую сторону. Практическое

(офлайн) обучение сводится к нулю, образовательные программы заметно сокращены. Быть выпускником гуманитарного иди медицинского колледжа 2020 – 2021гг. – не то же самое, что было раньше, если вы не посещали кампус. Степени бакалавра или магистра, полученные в эти годы, со временем будут стоить меньше. Несмотря на это, сам Галлоуэй категорически против открытия кампусов университетов в 2020-21 учебном году (по крайней мере, в США) и выступает за полный переход на онлайн-обучение, осознавая все его недостатки и риски. Он убеждён, что меры по противодействию пандемии, принимаемые на территории кампуса, будут эффективны только при соблюдении таких же мер и за пределами кампуса.

Поколение Z является той возрастной группой, которая, скорее всего переносит коронавирус бессимптомно. Поэтому зумеры будут чувствовать себя «бессмертными» и игнорировать рекомендации здравоохранения. Галлоуэй пишет: «Мы все истощены этим кризисом, и потребность в возвращении к нормальной жизни огромна. Но нам нужно сдержать свой оптимизм и проявить сочувствие и ответственность. Мы должны обеспечить, чтобы здоровые 19-летние не передавали вирус более уязвимым слоям населения» [5].

При этом эксперт предупреждает, что переход на полное онлайн-обучение для самых слабых в экономическом отношении вузов будет разрушительным. Именно поэтому университеты второго эшелона с низкой дотацией и высокой зависимостью от иностранных студентов и вынуждены открывать свои кампусы, чтобы не разориться. Не открываться могут себе позволить только университеты первого эшелона: Гарвард, Йель и Ассоциация Калифорнийских университетов, объявившие, что они будут проводить большинство или все занятия онлайн. Эндаумент-фонды и «листы ожидания» со списками желающих поступить в элитные американские вузы делают их пуленепробиваемыми и более устойчивыми к экономическим потрясениям, чем университеты в большинстве других стран. (Для справки: эндаумент Гарварда превышает ВВП Латвии). Отсюда для университетов разного уровня в ближайшем будущем, обусловленном последствиями пандемии, просматриваются совершенно разные перспективы:

- ***Процветание*** – для элитных университетов, становящихся ещё более эксклюзивными, а также для тех вузов, которые за счет больших и малых технологий повысят ценность и доступность высшего образования за счет снижения затрат в расчете на одного студента. И те, и другие будут становиться сильнее и консолидировать мировой рынок образования.
- ***Выживание*** – для высших школ, которые почувствуют падение спроса и снижение доходов, но будут, в целом, в порядке, поскольку у них есть капитал бренда, и затраты не превышают доходов.
- ***Борьба за жизнь*** – для вузов второго эшелона с одной или парой сопутствующих пандемии проблем. Среди последних – неоправданно сложная процедура приёма и завышенные проходные баллы, высокая плата за обучение, слабая материально-техническая база.
- ***Смерть*** – для всех тех, у кого высокие показатели приема, высокая плата за обучение, низкий уровень ресурсной обеспеченности, зависимость от иностранных студентов и слабый капитал бренда.

Галлоуэй не испытывает особой жалости к слабым: университеты, которые после выкачивания 1,5 триллиона долларов[1] кредитов у молодых людей не могут выдержать семестр из-за сокращенных бюджетов, не заслуживают выживания. При этом он уточняет, что заметное падение почувствуют даже первые 50 университетов мирового рейтинга, доходы которых в краткосрочной перспективе сократятся. Но за счет новой стратегии – масштабного использования современных технологий и увеличения набора учащихся – они скоро окрепнут. Здесь Галлоуэй не стесняется резких выражений: «Аргумент о том, что дополнительные места подрывают капитал бренда учреждения, - чушь собачья!» [5]. Далее он говорит о том, что первая «двадцатка» мирового рейтинга станет ещё сильнее, чем раньше. Следующие 30 университетов, соответственно, будут тоже достаточно благополучны. Но вузы, занимающие места от 50-го до 100-го, уйдут из серьёзного образовательного бизнеса или станут слабой

[1] URL: https://www.forbes.com/sites/zackfriedman/2019/02/25/student-loan-debt-statistics-2019/?sh=615f969133fb

«тенью» себя прежних. Что касается государственных университетов, в которых сегодня обучается почти две трети студентов, то при условии масштабного использования современных технологий, они смогут добиться значительного увеличения рентабельности государственных инвестиций. Нельзя сказать, что высшее образование будет заново изобретено, но оно станет кардинально другим. Каким?

По словам эксперта, «пандемия смазала колеса для вхождения крупных технологий в высшее образование», которые, в свою очередь, «могут сломать колесо зарождающейся кастовой системы», подпитываемой изжившей себя философией поддержания бренда университета за счет ограничения его доступности. Пост-пандемическое будущее повлечет за собой тесные партнерские отношения между элитными университетами и крупнейшими технологическими компаниями мира. В результате возникнут *университеты-киборги*: 1) MIT @ Google; 2) iStanford; 3) Harvard x Facebook; 4) Berkeley & Microsoft [5].

Эти партнерские отношения позволят вузам значительно расширить набор студентов, предлагая им легитимизованные онлайн степени бакалавров и магистров, а также различные сертификаты, доступность и ценность которых будут сейсмически изменять ландшафт высшего образования. Значительно больше людей, чем когда-либо, получат доступ к надежному образованию, хотя оно и будет предоставляться, в основном, через интернет. Это облегчит жизнь сотням миллионов людей, лишив, однако, человечество индивидуальной системы обучения, которая развивалась веками. Кроме того, это также сделает горстку людей сверхбогатыми, т. к. *элитные университеты-киборги, станут, фактически монополистами на мировом рынке высшего образования*.

Если правительства не могут обеспечить развитие тех или иных сфер жизни общества, то в них неизбежно вмешиваются миллиардеры. И это всегда имеет свою цену. Они становятся почти неприкасаемыми, и их нельзя отстранить от должности. Уже сейчас в США ракеты в космос отправляет не NASA, а Илон Маск; проверку на наличие антител в крови осуществляют не государственные центры по контролю и профилактике заболеваний (CDC), а Джефф Безос (глава интернет-компании Amazon.com). Именно они и будут решать, кто получит выгоду от космических технологий и самые точные тесты на COVID.

На чем строятся прогнозы Галлоуэя относительно появления университетов-киборгов? По его мнению, компании-техногиганты войдут в сферу образования не потому, что захотят, а потому, что должны. У них просто нет другого выбора, так как в мире нет другого продукта, кроме высшего образования, который смог бы выдержать более 90 пунктов маржи в течение максимально долгого времени при максимуме цены. Ни Ferrari, ни Hermès, ни даже Apple (в одиночку) не может этого сделать. Валовая прибыль Apple составляет «всего» 38 пунктов. Hermès и другие предметы роскоши находятся где-то между 50 и 60 пунктами. *Никогда не было и нет предмета роскоши, который давал бы такую же прибыль, как современное университетское образование.* Именно за этой прибылью и пойдут технологические компании-гиганты в эту сферу (аналогичные процессы будут происходить и в сфере здравоохранения, где маржа несколько ниже, чем в образовании, но всё же достаточно высокая). И пойдут они в объятия именно тех элитных университетов, которые смогут удвоить или утроить количество учащихся, не жертвуя ничем с точки зрения своих брендов.

Компании будут отвечать за масштаб и качество применяемых технологий, а университеты – за сертификацию и качество гибридных образовательных программ, включающих онлайн- и офлайн-обучение с учетом индивидуальных образовательных траекторий. Диплом Массачусетского технологического института и та ценность образования, которую он сможет синтезировать, используя свои ресурсы, свой бренд и технологии такой компании, как Google, – всё еще будет стоить больших денег. «Трудно представить себе, – пишет эксперт, – какими были бы зачисления сегодня, если бы Apple сотрудничала с высшей школой, предлагая вместе с ней программы в области дизайна и творчества. Или какими были бы зачисления в Вашингтонский университет, если бы он сотрудничал с Microsoft в области технологий или инжиниринга. Это были бы огромные зачисления!» [5]. Конечно, такие слияния вызовут

хаос в рядах вузов второго и третьего эшелонов, несущий для большинства из них гибель. Но это неизбежный естественный процесс.

Что будет в будущем с кампусами? Галлоуэй честен и в этом вопросе: да, они будут существовать, но, скорее всего, будут заполнены самыми состоятельными людьми. Четырехлетний опыт в области гуманитарных наук станет тем, что в значительной степени смогут себе позволить только дети богатых родителей. Но *в целом будет гораздо больше хорошего образования, рассредоточенного с помощью современных онлайн-технологий по миллионам и десяткам миллионов людей,* которые иначе не имели бы доступа к программе по информатике Стэнфорда или гуманитарным программам Йельского университета. Зная об этом заранее, необходимо задуматься о социализации огромного количества молодых людей, которая раньше происходила в кампусе. Что может заменить этот бесценный опыт? По мнению Галлоуэя, это может быть, например, обязательный призыв или добровольное участие молодёжи в организациях по оказанию социальной помощи инвалидам, одиноким людям преклонного возраста, детям; работа по розыску пропавших; уход за животными и так далее. В любом случае это прекрасная возможность создать поколение, способное на сотрудничество и дружелюбие, несмотря на риски своего «домашнего» образования.

Прогнозы Скотта Галлоуэя относительно возникновения нового типа вузов (университетов-киборгов), безусловно, очень правдоподобны, поскольку опираются на уже проявившиеся тенденции. Технологические компании-гиганты стабильно выражают глубокую заинтересованность в сфере онлайн образования. Но если раньше их интерес к образованию ограничивался подготовкой специалистов, в основном, для нужд собственных корпораций, то теперь они выходят на мировые просторы. Так, например, в середине июля 2020 г., GOOGLE объявил о выделении 100 000 стипендий на получение онлайн-сертификатов в области анализа данных, управления проектами и пользовательского интерфейса[1]. Однако, несмотря на свою глубину и логику, прогнозы Галлоуэя не лишены противоречия. С одной стороны, эксперт видит в масштабировании современных технологий силу, способную разрушить кастовость высшего образования, обеспечив к нему доступ всех желающих. С другой стороны, он констатирует, что эти же технологии, «прикуют» к домашним компьютерам сотни миллионов молодых людей, и тем самым окончательно разделят мир на очень богатых и относительно бедных. Первые будут обучаться в кампусах, вторые – только дома. И далее: Галлоуэй мечтает об огромных зачислениях, которые смогут обеспечить университеты-киборги; но признаёт, что основные дивиденды от деятельности университетов и право распоряжаться технологиями останется у «кучки миллиардеров». Но есть и бесспорные тезисы. Например, о том, что для значительного увеличения рентабельности государственных инвестиций в государственные университеты, последним необходимо масштабное использование самых современных технологий.

Рассуждения Галлоуэя невольно приводят к вопросу: какими могут быть перспективы российской системы высшего образования в контексте появления в недалёком будущем глобальных университетов-киборгов, способных полностью монополизировать мировой рынок образования? Ответ явно не терпит слишком долгой отсрочки. В определенном смысле он просматривается в амбициях такого гиганта отечественного финансового рынка и цифровой компании, как Сбербанк. О своей новой стратегии участия в цифровой трансформации более десятка экономических и социальных сфер жизни общества, включая здравоохранение и образование, Сбер (новое название банка) заявил в своей главной презентации года 24 сентября[2].

Есть и ещё один аспект: если попробовать развить прогнозы Галлоуэя и современные тренды в образовании, науке и технологиях за горизонты ближайших столетий, то они удивительным образом могут совпасть с образом отдаленного будущего, нарисованного выдающимся американским фантастом Айзеком Азимовым в повести «Профессия» [6]. В центра-

[1] URL: https://www.cnbc.com/2020/07/13/google-announces-certificates-in-data-project-management-and-ux.html?fbclid=IwAR2RpW5QCvnH5GGUxhgq_83EHOt5s6jJmlgH5W417PnygRyYwmi5Bp49nCU

[2] URL: https://www.youtube.com/watch?v=J2KyJg1WJks

лизованном земном обществе 66 века только незначительное меньшинство самых талантливых людей будут обучаться по книгам и в живом общении со своими наставниками. Основная же масса молодёжи будет получать образование посредством одноразовой инъекции своеобразной «вакцины знаний». И если вспомнить о последовательных экспериментах Илона Маска по чипизации головного мозга[1] и деятельности Глобального альянса по вакцинам и иммунизации, поддерживаемого Фондом Билла и Мелинды Гейтс[2], то и здесь есть о чем задуматься. Будущее действительно создается на наших глазах.

Литература

1. Benhayoun J.E. The new global university in the post-COVID-19 world // University World News. 04 July 2020. URL: https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200704092348232
2. Staley D. Alternative Universities: Speculative Design for Innovation in Higher Education. Johns Hopkins University Press, 2019.
3. Galloway S. The Four: The Hidden DNA of Amazon, Apple, Facebook, and Google. New York : Penguin Random House LLC, 2017.
4. Galloway S. No Mercy/No Malice // Insider. Jan 04, 2020. URL: https://www.insider.com/nyu-professor-scott-galloway-how-to-fix-income-inequality-kids-2020-1
5. Walsh J.D. The Coming Disruption: Scott Galloway predicts a handful of elite cyborg universities will soon monopolize higher education // Higher Education. 11 May 2020. URL: https://nymag.com/intelligencer/2020/05/scott-galloway-future-of-college.html
6. Азимов А. (). Профессия / Американская фантастическая проза // Библиотека фантастики : в 24 т. М. : Радуга, 1989. Т. 18/1.

POST-PANDEMIC MODELS OF UNIVERSITIES: A VIEW FROM THE LOCKDOWN

Eduard V. Galazhinsky, PhD, Professor, Doctor of Psychology, Rector of National Research Tomsk State University (TSU), Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: rector@tsu.ru

Irina P. Kuzheleva-Sagan, PhD, Professor, Doctor of Philosophy, Head of Department of Social Communication, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: ipsagan@mail.ru

DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-10

Abstract. The aim of the article is to provide an analytical review of the post-pandemic university models presented in the publications by Jamal E. Benhayoun and Scott Galloway.

Key words: post-pandemic university models, lockdown, new global university, cyborg universities

[1] URL: https://www.gazeta.ru/tech/2020/08/29/13218337/gertrude.shtml

[2] URL: https://www.gatesfoundation.org

УДК 378.4 : 004.738 : 005 (082)
DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-11

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ 21 ВЕКА

С.В. Кувшинов, канд. техн. наук, доц., Международный институт новых образовательных технологий РГГУ, Москва, Россия, kuvshinov@rggu.ru

Е.И. Ярославцева, канд. филос. наук, доц., с.н.с., Институт философии РАН, Москва, Россия, yarela15@mail.ru

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы глобализации современного общества, связанные с тотальным внедрением информационных, коммуникационных, аудиовизуальных цифровых технологий во все сферы жизни общества. Особое внимание уделено вопросам трансформации образования в условиях цивилизационного кризиса, вызванного пандемией коронавирусной инфекции. Отмечаются характерные черты новых типов сетевых коммуникаций и их последствий для организации культурно-образовательных процессов. Цифровые сети, вовлекающие в общение все большее число людей, стремительно расширяют круг взаимосвязей, показывают, насколько все зависят друг от друга, ярко проявляют этическую составляющую. Образование становится общенациональным видом деятельности, в который вовлекаются ранее не включенные, дистанцированные от общества, люди с особенностями восприятия мира – они включаются в социальное пространство через усиление открытости, социальной доступности объектов и сред образования и культуры. Кризис, несмотря на разрыв прежних связей, и шок, вызванный этими событиями, дает новые смыслы. Развитие системы образования получило неожиданный импульс, который может привести к становлению принципиально нового уровня образования. Можно понимать эту ситуацию расширительно, в качестве культурно-цивилизационной, но одновременно необходимо рассматривать и технологическую составляющую, которая требует очень важного труда по настройке всех элементов взаимодействия, всех систем коммуникаций. Наши представления относительно цифровых технологий были слишком романтичны, в расчете на то, что мы сможем ими владеть и управлять с той же легкостью, как можем в воображении. Однако сетевые коммуникации — это вполне конкретное явление, требующее не только ресурсов для их работы, но и знания закономерностей их существования. И если образованию предстоит войти в сеть, надо понимать, что это требует предварительно значительных инвестиций, устройства учащихся с той степенью комфорта, которое необходимо, чтобы все силы они могли вложить в собственно обучение, т.е. интеллектуальную работу.
Ключевые слова: сетевые коммукации, система образования, цифровые технологии.

Живя в современном мире и ощущая глобальность изменений, которые происходят сегодня на наших глазах, мы стремимся их осознать, понимаем их цивилизационную размерность. Они относятся не только к каждому из нас, но и как охватывающие основные тенденции развития мира, являются все более ресурсоемкими, требующие решения оптимально настроенными действиями. Важно найти такое направление, которое помогло бы сохранить продуктивные тенденции и убрало избыточные инерционные формы движения, а также рискованные и необдуманные шаги.

Уже можно отметить, что к таким тенденциям относится проблема роста информации, которая стала нерегулируемым потоком. Если ранее был её недостаток, или ощущался определенный дефицит из-за допуска к источникам информации, то теперь выявляется обратная сторона медали – желания сбылись и многие рады заплатить, чтобы не иметь дела с лишней информацией. Трудность управления потоками информации порождается возрастающей скоростью её появления, несоизмеримой с каким-либо другим процессом появления феноменов в жизнедеятельности человека. Само понятие сформировано не так давно, но кажется, что оно было всегда – мы начали видеть некоторые общие свойства, живущие независимо от биологической природы. Точно так же в наше представление вошло понимание коммуникации – все пронизано ей, все друг с другом связано и этим раскрывается глобальность современной цивилизации.

Мы хорошо помним, что повсеместной была ситуация ограничения допуска к любой информации, поскольку она вдруг стала особой ценностью, превратившись в товар. Затем

мы радовались тому, когда она стала доступной и бесплатной, а теперь все ощущают, что надо доплачивать, чтобы информация тебя не захлестнула. Отношение к информации выразилось в разных типах коммуникации. Машина, через которую она поступала в таком количестве, был компьютер, дававший выход в интернет пространство, где возникали особые сообщества. Он воспринимался как железное окно в волшебный сетевой мир общения всех со всеми, в котором профессиональные сети коммуникации были вытеснены непонятными Социальными сетями, некоторое время даже привлекали к себе Социальные сети 2.0. А потом они вдруг стали стремительно множиться, называясь как стремительные торнадо разными именами, втягивая в воронку коммуникаций огромное количество людей, желающих погрузиться в виртуальное пространство. И никому не приходило в голову, что самим выходом в сеть, коммуникативным актом, каждый уже создавал новую информацию, а выходя из сети, он её умножал. По существу, коммуникация в сети показала, что такое чистое, абстрактное наращивание информационного ресурса из ничего.

Присутствие в сети, как вход в зоосад – оплачивался для осуществления трафика, который тоже что-то стоил. Удовольствие было не из дешевых, но зато элитным, отправляемые письма прилетали мгновенно! Правда надо было войти в специальную программу, в почтовый сервис и отправить заранее заготовленные письма, а также получить с адреса что-то для себя! Это ли не счастье! В памяти уже исчезает то время, когда с уверенностью можно было сказать, каков был тот промежуток лет, когда стало возможным уже завести свой адрес (аккаунт) прямо в сети Интернет, а также одновременно с почтой просматривать и другие веб адреса, вступая в непосредственную переписку, обмениваясь «аськами» – короткими записками через соответствующую программу! И это уже тоже стало прошлым! Сегодня присутствие в сетевом пространстве уже не регулируется стоимостью трафика. Сеть стала вездесущей и уже не столь ценимой. Можно сидеть сутками, создавая свои коммуникации, подсоединяясь ко всем сетям сразу или по очереди. Свобода на стуле! Время перестало что-то значить, выгода перешла в плоскость объёма информации, количества ГБ! Начались игры, которые стали превращаться в игрища! Стали изобретаться и включаться в процесс коммуникации все возможные механизмы удержания человека в сети! Он становился единственным мотором движения всей этой глобальной системы – железного древа, который постоянно проходил апгрейд, и обильной кроны, которая порождала ветвящуюся сетевую среду, net-паутину. В ней родилось уже несколько поколений!

Из современного 21 года 21 века минувший Миллениум – год перехода, гребень тысячелетий воспринимается очень милым спокойным периодом. В то время самой главной страшилкой был всего лишь навсего страх, что в 2000 г. компьютер не включится. Об этом уже мало кто помнит, но все владельцы были наполнены страхами, что компьютеры настроены только до 2000 г., а потом все лишатся свободы и информации и никто не знал, как будет дальше. Эта игрушечная таинственность воспринималась действительно как риск, а сегодня мы уже понимаем, что это был первый маркетинговый ход, показывающий власть неизвестного настройщика, первую тотальную зависимость простых владельцев, юзеров от творцов цифрового чуда. Хотя при этом адаптированность к электронным счетно-вычислительным машинам (ЭВМ), кибертехнологиям у знающих людей была достаточно высокая, но никто не брался опровергать невозможность зависеть от часов. Интрига состояла в том, что мало вычислительная машина стремительно уменьшилась и персональный компьютер был уже привычным, но еще не понятным прибором и аргумент с концом времени вполне вписывался в мифологический образ будущего. Встреча миллениума была веселой – все включилось! Но оставались настороже еще целый год, поскольку в новогоднюю ночь встречи 2000 года трудно было понять, второе тысячелетие уже закончилось и началось третье тысячелетие, или переход будет происходить в конце 2000 года? Глубокая проблема начала числового ряда, жизненная драма с нулем и единицей была вполне знаковой в период освоения цифрового оборудования. Уже все активно мечтали о том, чтобы обзавестись таким устройством, на котором можно написать программу управления техникой, а заветная меч-

та – создать программируемого робота. Волшебство! Но такое простое! Магический ореол у железного окна остался до сих пор.

В этом кратком сравнительном анализе «до» миллениума и «после» выявляется, насколько горизонт ожиданий в отношении цифровой техники, отрицающей аналоговые устройства, был далек и одновременно слишком приземлен. Но владельцы компьютеров готовы были обучаться и адаптироваться к новым условиям. Как видим, техника всегда была местом приложения человеком собственной активности. Все дружно стремились к управленческой деятельности и хотели попробовать свои силы на искусственных моделях, вживаясь в роль творцов армии безмолвных исполнителей. С этой целью они устремились в виртуальное пространство, где возможность для такой деятельности была безгранична, а точнее говоря, не ограничена какими-либо представлениями о пределах своих собственных ресурсов. Невозможно было даже представить, насколько могут оказаться высокими нагрузки на человека, покоренного тягой к власти над машиной, которой можно управлять предельно легко – силой информации, а не мышечной силой! Мог ли думать человек, что с этой силой произойдет, догадывался ли, что эта мышечная сила не накопится и усилится, а будет таять? Что он сам, подобно герою древней легенды, вложит свои силы в искусственное творение – машину, а сам останется только с памятью о потерянных природных возможностях. Эта тема для человека, достаточно хорошо усвоившего тайны жизни цифрового агрегата, самого ставшего суперкодером, остается до сих пор, тайной за семью печатями, предметом, который трудно исчислить. На этом цифровом ринге машина сражается с природой, хотя кажется, что она бескорыстно предоставляет свои машинные силы в распоряжение своего повелителя – человека. Остается вопрос, на каком этапе этого коммуникативного процесса человек обратит внимание на себя больше, чем на машину и начнет осознавать себя. Осознавать не через призму цифрового устройства, мысленно кодируя свои действия, а воспринимать собственную природную сложность, которую ни одна машина восполнить не сможет, обогащая своё сознание одновременно двумя образами разных форматов существования.

Вполне возможно, что новая информационная среда и развивающиеся виртуальные коммуникации, становясь формой взаимосвязи для всех создает также и вызов для каждого, и подобные проблемы существуют уже для всех, обращающихся к гаджетам за информацией, независимо от возраста. Цифровые технологии оказались вызовом: вперед можно двигаться только при сценарии, когда человек осознает, что он – не машина. По существу, все современники оказываются перед необходимостью справляться с лавиной информации, которая возникает не только от свободных действий самих участников сетей. Человеку приходится откликаться на заинтересованных и планирующих свои акции рекламодателей, желающих получить контакты для адресной работы с потенциальным покупателем, быть грамотным потребителем, обеспечивая своей активностью движение ресурсов, денежных знаков как реальных, так и виртуальных. И надо заметить, что эта информационная сеть активно растет во все стороны, формируя новые стандарты поведения и взаимоотношений.

Компьютер вполне успешно работает в опережающем режиме, находясь в программном обеспечении каждого пользователя цифрового аппарата, и, как правило, потребителя, исчисляет его предпочтения и способен сам подбирать на выбор какие-либо товары. При этом первая скрипка сейчас за маркетологами с интеллектуальными предложениями: обычную раскладную распялку для сушки белья они продают как «умную» вешалку, вступая в соревнование с умным теплым бельем, при этом не рискуя еще продавать электрочипированное бельё. Здесь применяются технологии машинного обучения, что аналогично длительному наблюдению за потребителем и последующей выдаче результата. Правда здесь оказывается непонятным, что в этой коммуникации машин с человеком понимается под обучением? Машины как тренажер часто выполняют функцию обучения. Можно ли ожидать, что клиент, покупатель-потребитель, одним словом, человек в трех функциях обучится алгоритму потребления от машин – это программное-подсознательное каждого робота, тем более, что он бестелесный, воплощен просто в программном решении и умеет продавать.

Настойчив и очень эффективен! Кто сможет решить, на чьей стороне свобода выбора? По большому счету, здесь в чистом виде практика обучения грамотному шопингу, где система прогноза настроена на выработку установки и поддержку потребности человека, после которой в любой упаковке готова будет продать, что хочет производитель. Или, иными словами, обменять деньги на «умные» вещи. И вполне закономерно, что «ум» становится характеристикой не человека, а окружающих его предметов, которыми он может и не воспользоваться по незнанию, лени, инерции. Через какое-то время неэффективный потребитель может оказаться неинтересным для системы продаж и тогда человек рискует остаться при своих деградировавших функциях, невостребованных им в свое время, освободившимся для реализации весьма ослабленных природных ресурсов. По существу, испытание цифровой машиной надо изучать как возможную перспективу и понижать эти цивилизационные риски.

Весьма активным до недавнего времени был интерес к организации дистанционного образования, где в процессе коммуникации человека наблюдалась весьма сильная составляющая тесная связанность с информацией, получаемой не в непосредственном общении во время путешествия, а посредством компьютера. В данном случае продолжает работать формат железного окна и нередко он оказывается предпочтительным, даже если пользователь гаджета сидит, например, в поезде у окна. Все дело в наличии естественных для человеческого развития систем ориентирования, которые в программной среде, безусловно, не изменятся, а в природной среде будут требовать постоянно новых усилий для усвоения. Даже само путешествие может обернуться для человека осознанием собственной беспомощности в естественной природе, в общении с людьми.

Система образования в современных коммуникативно-когнитивных процессах

Стоит присмотреться к тому, какова же в условиях расширения цифровых технологий ситуация в системе образования человека. то принципиальный вопрос. Прежде чем определять технологии, необходимо дать себе ответ, каковы особенности современного человека и перспективы его развития.

Надо иметь ввиду, что на онтологическом уровне каждый человек может понимать своё, у него формируется «личностное знание», актуальное для обеспечения конкретных задач. И многие, даже пользуясь цифровыми технологиями, не особенно углубляются в вопросы онтологического свойства, в проблемы цели бытия. В частности, дети, для которых бытие сфера родительской ответственности, а сами они – играют и существовать в этом творческом состоянии – их потребность, а нередко, и цель.

Глобальная цель, соразмерная философскому понятию онтология, всегда будет требовать от человека специальной подготовки. Это люди, профессионально решающие масштабные социально-экологические и технологические задачи, политические, международные проблемы сосуществования. И не обязательно в их коммуникациях будет понимание онтологии, но они, по существу, будут заниматься устройством бытия. И скорее всего они будут рассматривать диапазон смыслов «цифровых технологий», которые являются инструментом в их деятельности и не несут какого-то отдельного смысла вне потребностей использующих их людей. У этого инструмента есть своеобразная этическая «инертность», он не злой и не добрый, он просто способен задавать масштабы достигаемого результата, как «плохого», так и «хорошего». Но и ответственность тогда возникает соразмерная масштабу вмешательства.

С определенной точки зрения технологии могут себя проявлять и как оружие, и как орудие, выявляя диапазон мотивации действующего, строящего свои коммуникации человека. Цифровые сети, вовлекающие в общение все большее число людей, стремительно расширяют круг взаимосвязей, показывают, насколько все зависят друг от друга, ярко проявляют этическую составляющую. Наличие благородной цели мало что решает, она не реализуется автоматически. Наоборот, владея таким инструментом, каждый оказывается перед необходимостью быть очень аккуратным и предусмотрительным, чтобы не попасть в зону риска, не

нанести кому-либо вред в отдалённых последствиях. Причем эта отдаленность определяется не временем, а количеством операциональных шагов, после которых могут наступить уже непоправимые последствия. И по существу, сама цель уже должна включать коммуникативно – операциональную составляющую. В этом случае сразу ярче становится проблема знания – у каждого носителя источника информации возникает потребность по-своему определиться в социальном сетевом пространстве, заявить о себе, предлагая как источник знания и моделирования поведения окружающих. И все это включается в этику поведения. Сегодня уже следует рассматривать модель не «человека с ружьем», а «человека с компьютером».

Возможно, что наши представления относительно цифровых технологий были слишком романтичны, в расчете на то, что мы сможем ими владеть и управлять с той же легкостью, как можем в воображении. Однако сетевые коммуникации – это вполне конкретное явление, требующее не только ресурсов для их работы, но и знания закономерностей их существования. И если образованию предстоит войти в сеть, надо понимать, что это требует предварительно значительных инвестиций, устройства учащихся с той степенью комфорта, которое необходимо, чтобы все силы они могли вложить в собственно обучение, т.е. интеллектуальную работу. И чем младше ученики, тем важнее это обстоятельство, защищающее их право на здоровье и образование. Тем более, что всякое вносимое изменение не должно приводить к ухудшению положения ребенка, которым является, заметим, каждый ученик. А во время пандемии все в срочном порядке буквально эвакуировались в свои домашние помещения, где с точки зрения образовательных условий, условия были ухудшены. То есть, уже ясно, что несколько учеников в семье создают избыточные перегрузки, которые не преодолеть какой-нибудь реорганизацией домашнего пространства. При этом каждый из учащихся нуждался в персональном наборе электронной системы коммуникации с учителем, которых, конечно, в нужной форме не было в семьях. Одновременно, на домашнюю работу перешли родители, у которых вид деятельности на порядок сложнее и ответственнее. Из зоны нашего внимания выпадает другой круг семейных родственников, но для этого уже никакой логистики не изобрести, поскольку одно из условий – находиться на дистанции, чтобы не передавать друг другу вирус.

В принципе, надо понимать, что эта первый круг реальности, который показывает, что дело не в цифровых технологиях, а в том, что идея отказа от сидения в школе не переносит ситуацию в более продуктивное, незамеченное ранее, пространство. А обеспечение гаджетами индивидуального пользования каждого не автоматический процесс – они форма дохода корпораций, их также нельзя примыслить и иметь высокий эффект.

При этом цель всего образования – передать знания и создать условия по их усвоению для каждого ученика, что учитель делал в стандартной школе. Включение в образовательный процесс цифровых технологий возможен, поскольку в них есть потенциал использования знания, накопленного культурой быстро, по мере необходимости, актуальности, владея цифровым оборудованием как инструментом доступа к этой информации. Школы становятся, в отличие от индивидуального владения такими инструментами, своеобразными коллективными пользователями цифрового контента, потоков информации, обучая на уроках учащихся, студентов, а также самих педагогов, формирующих новый контент знаний по всем предметам оптимальному использованию больших данных.

В определенном смысле это может быть элементом управления информацией, а точнее, её потребления. Если к ней относиться как к компоненту современной среды, а сегодня можно полагать, что она обретает свойства экосистемы, как пытаются позиционировать себя, например, банки, то определяется и критерий. По существу, здесь проявляется тенденция, которая отражается и в истории науки, и с необходимостью проявляется в современных практиках деятельности с цифровыми системами, в которые включен человек. Однако, все новое еще не успело показать полноту своих возможностей, не соразмерилось с общественными потенциями, а также с индивидуальными возможностями всех участников образования. На сегодняшний день сюда входят не просто учащиеся школ, вузов, но и включаются

ранние возраста, с момента получения в руки гаджетов, а также люди почтенного возраста, поскольку в России еще в XX веке принята концепция постоянного образовательного стандарта [1][2], что, надо заметить, не характерно для западных стран.

В этом случае надо постоянно иметь ввиду, что человек не может вдохнуть всего воздуха, не может выпить всю воду, а также съесть всю еду. Он не может потребить всю информацию, поскольку просто органически не нуждается в этом. Всякое восприятие ресурса происходит в той мере, которая не уничтожает, а сохраняет и даже гарантирует биологической системе развитие. Знание вырабатывается не всем употребленным информационным потоком, а коллективно освоенным и взаимно резонирующим содержанием, что порождает единство в понимании, позволяет выработать важное и вдохновляющее действие, наполненное как перспективой, так и личной целеустремленностью. Это становится ключевым элементом получения образования, когда у учащегося возникает способность саморазвития и самостоятельных действий в отношении приходящей информации. Он начинает осознавать свои ценности и приходит к решению, что ему необходимо их защищать, высказываться в пользу того, чтобы они становились основой для развития каждого другого человека в обретении собственной самостоятельности. Здесь ценности творческого развития становятся ключевыми, поскольку несут в себе, как компоненты, свободу и ответственность человека за способы её реализации.

В каком-то смысле, образование становится сегодня общенациональным видом деятельности, в который вовлекаются ранее не включенные, дистанцированные от общества, люди с особенностями восприятия мира – они включаются в социальное пространство через усиление открытости, социальной доступности объектов и сред образования и культуры. Это создает в обществе новые системы коммуникаций, которая раскрывает, возможно далеко не сразу, а в потенциале, творческие возможности каждого, важные даже тогда, когда они носят исключительно индивидуальный характер [6–8].

Самостоятельность будет основой противостояния деградации, когда бессильный человек выгорает от неспособности усвоить все, но зато спокойно отдает приоритет решения и выбора поведения, который будет указан внешним источником информации. Он экономит ресурсы на знакомстве с новыми знаниями, откладывает свою ответственность за оценку тенденций развития, перепоручает свои права случайности или попросту другим людям, а значит, становится сам полностью их ресурсом. Вопрос в конечном счете решается на этом этапе, когда забытым остается не просто культурный контекст, но и сам человек, который является почкой роста нового потенциала культуры, и которого надо специально образовывать, чтобы он пустился в самостоятельное плавание по океану информации. По существу, необходимо воспитать критерий отбора, систему восприятия ментального уровня, которая позволит, увидев и услышав, проанализировав и проверив, оценить имеющиеся сообщения, отправить в работу лишь некоторые, поскольку они продуктивны для роста. Тогда возникшие по некоторой причине потоки отрицательной, деконструктивной информации, перестанут порождаться, поскольку вкладываемые ресурсы не будут оправдываться.

На первом плане в этом случае опять оказываются этические нормативы, которые не позволяют отделить знания человека о мире от знаний о себе. Невозможно развиваться, не ощущая прочной связи с окружающей родной средой, с которой каждый согласовывается еще на морфологическом уровне и сохраняет свою идентичность в пространстве своего существования наиболее устойчиво, преодолевая многие кризисы. Множество этических норм учит человека оперировать предельно различными понятиями, парой, о которой уже говорили раньше Свобода – ответственность, добро-зло; совесть, честь и др. Поэтому человек, воспринимающий эти понятия, умел понимать наличие этого пространства этических норм, которые мог применять к самому себе и не дожидался, пока ему сообщат это через систему наказания. Самоорганизация своих познавательных действий у человека в отношении потоков информации тоже будет более успешна, если он использует этические ориентиры и нормы самооценки.

На плечах пандемии COVID-19

Кризис, несмотря на разрыв прежних связей, и шок, вызванный этими событиями, дает новые смыслы. Происходящее преодолимо, если неизбежные изменения рассмотреть в новом свете, через представления, которые были скрытыми и неявными, но теперь могут стать точкой опоры [3–5]. Потенции обновлений были, и они даже не являлись секретом, но все это играло роль скорее развлечения, игру в перегонки, когда важно было везде успеть и все повидать. Но теперь возникает необходимость выбора: обращаясь к возможностям уже существующих технологий, надо всерьез заняться решением тех задач, которые только еще располагались в горизонте планирования, требовали дополнительного рассмотрения. И именно кризис, как бы одев на всех увеличительные очки, резко придвинул будущее к настоящему. Для всех стало неизбежным использовать, хотя бы в качестве временной меры, те новшества, которые были рядом, но не были обязательными для жизни обывателей: веб-камеры, микрофоны и динамики, видеозаписи – набор современного аудио оборудования для систематической коммуникации не в личных, но в социально-культурных целях.

Востребованной на сегодняшний день является ситуация, которая для общества является одной из важнейших и формообразующих – развитие системы образования. Она получила неожиданный импульс, который может привести к становлению принципиально нового уровня образования. Можно понимать эту ситуацию расширительно, в качестве культурно-цивилизационной, но одновременно необходимо рассматривать и технологическую составляющую, которая требует очень важного труда по настройке всех элементов взаимодействия, всех систем коммуникаций. Без высокого качества в этой работе, без практики, опыта таких действий отдельные неверно осуществленные контакты, могут разрушить всю сеть, дав на выходе отрицательный результат, обесценив старания всех участников. Здесь речь может идти не только об учениках, где такие неудачи вполне естественны, и даже не об их технически подготовленной коммуникации с учителями, в которую включены уже специальные службы, но и еще одной составляющей. В сеть коммуникаций включается робототехника, которая являет собой систему, ориентированную на техническое решение функций образования, но управление ей также требует специальных знаний и опыта. И при этом каждая точка коммуникации во всей этой сложной системе, становится своеобразным узлом связей, хабом не только электросигналов, потоков разной мощности, но и реализацией усилий каждого из участников, перенесенных из среды непосредственного общения в опосредованную коммуникацию.

Этот образовательный контур коммуникаций, представляя сложно разветвленную сеть с большим количеством участников, требует не только соответствующего поведения, как обычно это бывает в больших образовательных аудиториях. Находясь в распределенном состоянии, аудитория должна быстро складываться из действий отдельных участников, успешно владеющих возможностями своего рабочего места для встречи в удаленном режиме и поддержании своей активности в решении коллективных задач. Как известно, учащемуся, особенно на первых этапах обучения, трудно самоорганизоваться и не отвлекаться от общения с педагогом, если он не погружен в среду общей коллективной деятельности, где пример деятельности других становится заразительным и помогает многим действовать правильно. То, что обычно оценивается достаточно критически, коллективное, а не индивидуальное обучение, в этих условиях весьма ослабляется и не проявляет своей организующей силы. Человеку, ребенку приходится прикладывать специальные усилия, чтобы заставить себя сосредоточиться и выполнять задания учителя.

Особенности дистанционной коммуникации – исчезновение ведущей роли учителя, и проявление многообразных тенденций местной среды (обитания) становится ослабляющим фактором получения методологически закладываемого результата. В принципе, данный формат обучения требует особого внимания со стороны организаторов образовательного общения, выделяя это как отдельный методологический вопрос обучающего эффекта дистанткоммуникаций индивидуального и коллективного типа. Кроме того, особый характер

приобретают оценки результатов деятельности. Без этого компонента завершения деятельности, складывающего системное мышление учащегося, урок теряет свою силу, делая его как бы ни к чему не обязывающей встречей. А оценка создает вполне понятную, психологическую посильную порцию (меру) знания, позволяя мотивировать ученика к стремлению движения к новым успехам, возможностям, горизонтам. В целом, здесь открывается новое поле образовательных проблем, которые нужно решать на ходу, непосредственно в образовательном общении, делая выводы из текущей практики.

Самому человеку всегда предстоит изменяться вместе со своим творчески используемым инструментом: современный период развития требует сбалансированного включения его как системного фактора во все сферы цифровых технологий, чтобы получать эффективные социально продуктивные решения. Субъекту необходимо развивать как профессиональные навыки, так и творческие формы деятельности, учитывать индивидуальные психологические способности при использования новых технологий, чтобы обрести не только когнитивные навыки, знания, но и выработать устойчивость для ситуаций частых изменений и трансформаций. Можно сказать, что в условиях использования новых технологий возникает достаточно ценное для социума ситуация роста разнообразия, многомерности развития.

Но как видно и ранее рассмотренных примеров, все ситуации противоречивы. Зависимости человека от новых технологий весьма сильны, если он не будет научен использовать системы программного обеспечения в меру необходимости. Необходимо развивать чувство баланса. Человек должен уметь использовать оборудование, но не переносить на себя все командные решения робота. В этом случае можно заметить, насколько откроется положительная сторона этой нормы, станет понятной не прямая, но косвенная полезность цифровых «генераторов» решений.

По существу, продуктивность робота может выявляться в том, что человек изобретает программируемый механизм, который не утомляется, может без остановки выполнять тяжелые, а также рутинные функции, как бы освобождая себя для выполнения собственно интеллектуальных, творческих задач – поиска решений в мире усложняющихся коммуникаций, создания новых сред взаимодействий. Само создание робота достаточно эффективное свидетельство интеллектуального потенциала человека, а программную начинку едва ли можно считать интеллектом, тем более, что её сейчас создают коллективы кодеров, которые не способны создать целостный нейроорганизм.

Но, играя в «искусственный интеллект», человек, все же использует робота для своего собственного развития, выстраивая с ним, как с искусственной системой, коммуникацию. Он конкурирует с некоторым образом вынесенного во вне интеллекта. Ставить его над собой – игровая провокация, своеобразная конфликтная среда, попытка увидеть себя извне самосотворенного. В каком-то смысле мы сами себя сейчас наблюдаем в состоянии гиперболизации, киберпереживания и некого катарсиса, забывая, что сердце этой технологи – электричество. В этом смысле она стопроцентно предсказуема. Если программная система выходит за пределы степеней своей свободы, позволяющей ей продуктивно решать задачи, она считается опасной и тогда применяется рубильник. В конечном счете стоит придерживаться факта, что именно человек инвестирует свои творческие ресурсы в робота, отчуждает свой потенциал, превращая техническое изделие в механизм с прогнозируемыми задачами, в отличие от мира природы, имеющего принципиально иной порядок сложности и уровень разнообразия. И, стоит здесь заметить, развивающийся человек для мира и для себя, особенно в творческом деле, порой более непредсказуем, чем робот.

Литература

1. Андреев В.П., Воронков Ю.С., Кувшинов С.В. и др. История науки, техники и технологий: Образовательная междисциплинарная программа и учебно-методический комплекс дополнительного образования: Для профильных инженерных классов общеобразовательных организаций г. Москвы / под общ. ред. Ю.С. Воронкова, С.В. Кувшинова. М. : РГГУ, 2017.

2. Концепция центра технологической поддержки образования. М. : РГГУ, 2013.
3. Кувшинов С.В. Проблема наступающего века – Homo Sapiens против Homo Digital // Социальные и цифровые исследования науки / науч. ред. и сост. А.А. Аргамаковой, Е.В. Масланова, В.В. Слюсарева, Т.М. Хусяинова. М. : Русское общество истории и философии наук, 2019. С. 221–230. (Библиотека журнала «Epistemology & Philosophy of Science»).
4. Кувшинов С.В., Харин К.В. Иммерсивные образовательные технологии в проектной деятельности учащихся на базе виртуальной и дополненной реальности: проблемы и перспективы // Запись и воспроизведение объёмных изображений в кинематографе, науке, образовании и в других областях : XII Международная научно-практическая конференция : материалы и доклады. М., 2020. С. 175–186.
5. Кувшинов С.В., Ярославцева Е.И. Сопряжения Hi-tech эстетики как возможность реабилитации творчеством // Философия творчества. Ежегодник. Вып. 6: Философско-методологический анализ творческих процессов. М. : Голос, 2020. С. 250–280. (Сер.: Философия творчества).
6. Ярославцева Е.И. Проблема познавательного творчества в современном визуальном 3D стереообразовании // Инновационные технологии в кинематографе и образовании : VI Международная научно-практическая конференция : материалы и доклады / под общ.й ред. О.Н. Раева. М., 2019. С. 140–152.
7. Ярославцева Е.И. Потенциал цифровых технологий и проблемы творчества человека // Вопросы философии. 2020. № 11. С. 58–66. DOI: 10.21146/0042–8744–2020–11-58-66

CIVILIZATIONAL PROBLEMS OF THE 21st CENTURY

Sergey V. Kuvshinov, Ph. D., Director of International Institute of New Educational Technologies, RSUH (Moscow, Russia). E-mail: kuvshinov@rggu.ru
Elena I. Yaroslavtseva, Ph. D., Senior Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: yarela15@mail.ru

DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-11

Abstract. The article discusses the problems of globalization of the contemporary society associated with the introduction of information, communication, and audiovisual digital technologies. Particular attention is paid to the transformation of education connected with the civilizational crisis caused by the coronavirus pandemic. New types of network communications influence cultural and educational processes. Digital networks, involving more and more people in communication, are rapidly widening the circle of interconnection, showing that everyone is dependent on one another, and vividly demonstrating the importance of the ethics. Education is becoming a national activity; it involves those previously excluded and distanced from the society. People with specific world perception are now included in the social space through the increasing openness, social accessibility of education, culture and media. The crisis, despite the rupture of previous ties, and the shock caused by these events, gives new meanings. The representations that were hidden and implicit can now become a point of reference. Developing the educational system is very important for the society today. It has received an unexpected impetus, which can lead to the emergence of the fundamentally new level of education. It is possible to interpret this situation both as cultural and civilizational, but at the same time the technological component requires very important work in adjusting all elements of interaction, and systems of communication. Network communications require not only resources to operate but also knowledge of the patterns of their existence. Thus, if education is to enter the digital network, we must realize that this requires a considerable investment to make it comfortable for students.
Keywords: network communications, educational system, digital technologies

UDC 378.4 : 004.738 : 005 (082)
DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-12

TRADITIONAL MISSION, ROLE, AND FUNCTION OF THE UNIVERSITY—APPRECIATING, RESPECTING, SUPPORTING, MAINTAINING, AND SAFEGUARDING THE UNIVERSITY AS AN ESSENTIAL SOCIETAL INSTITUTIO

Dean Kruckeberg, Ph.D., APR, Fellow PRSA[1]
Professor, The University of North Carolina at Charlotte, dkruckeb@uncc.edu

Abstract. The university must be recognized, appreciated, and supported as an essential post-pandemic societal institution during the "Fourth Industrial Revolution" (Schwab, 2016) within this "Third Wave" of civilization (Toffler & Toffler, 1995) in an era that Debeljak (2011) identifies as the third globalization. The traditional mission of this institution must be maintained, as well as safeguarded, for the benefit to its primary stakeholder, that is, society-at-large. The university's traditional role and function must remain, that is, to prepare its students for careers that benefit society as well as to educate them to fulfill their roles as responsible global citizens and engaged leaders. However, the university's mission must be expanded to serve the increasingly complex needs and demands of multiple stakeholders.
Keywords: traditional university, post-pandemic university, the university's mission

> I can just hear them laughing at us three hundred years from now! What strange lives, they'll say, these trifling folks lived. Running around with something called money, passports—registering so-called acts of social status, measuring out living space in square meters….
> And will it really be that wondrous, this future life? That's another question. For the sake of his own peace of mind, the author chooses to believe that this future life will be just as full of nonsense and rubbish as the one we're living.
>
> *1926 (Zoshchenko, 2018, p. 107)*

Introduction

Considerable evidence exists to suggest that global society is in the midst of a revolution that is fundamentally changing us as humans—changes that are being caused by advances in communication technology. These changes are evident in at least four dimensions (Vujnovic & Kruckeberg, 2015):

- Socially, in which electronic channels of communication are replacing face-to-face communication;
- Politically, in which power differentials are being flattened and sometimes juxtaposed, with unpredictable power emanating quickly from unrecognized and unseen sources;
- Economically, in which information that may appear inexpensive to send and to receive results in a greed for this information that, ironically, can enslave consumers both financially and through inordinate demands on their time;
- Culturally, in which a global culture is emerging, not only in consumer tastes for products and services, but also in a melding of traditions and values.

Vujnovic & Kruckeberg (2015) argue that one indicator of a revolution is an individual's inability to ignore it. Save for the person who wishes to withdraw into total isolation from all of society, such would be difficult during the "Fourth Industrial Revolution" (Schwab, 2016) within this "Third Wave" of civilization (Toffler & Toffler, 1995) in an era that Debeljak (2012) identifies as the third globalization. For anyone wanting or needing to meaningfully participate in civil society, constantly evolving communication technology not only ostensibly facilitates such participation, but is made requisite by those who assume that everyone wants and has (or at least can be forced to

[1] Special thanks to graduate research assistant Taylor Glover.

obtain) access to this technology. The global pandemic, albeit tragic and devastating, has only accelerated and compressed the timeframe of this revolution, which was inevitable with or without the impact of COVID-19.

Schwab (2016) declares this fourth revolution to be the successor to previous industrial revolutions, the first from about 1760 to 1840, which had introduced mechanical production; the second beginning in the late 19th century into the early 20th century, which had made possible mass production; and the third beginning in the 1960s, which was the computer or digital revolution. Schwab (2016) argues that this most recent revolution began at the turn of the 21st century, building upon the afore-mentioned digital revolution, but now with a more ubiquitous and mobile internet; smaller, more powerful, and less-expensive sensors; and artificial intelligence and machine learning. He acknowledges:

Digital technologies that have computer hardware, software and networks at their core are not new, but in a break with the third industrial revolution, they are becoming more sophisticated and integrated and are, as a result, transforming societies and the global economy. (p. 7)

Schwab (2016) notes that the fusion of these technologies and their interaction across the physical, digital, and biological domains makes this fourth industrial revolution fundamentally different from previous ones. He warns that a consistent, positive, and common narrative outlining the opportunities and challenges of this revolution is essential to empower a diverse set of individuals and communities as well as to avoid a popular backlash against fundamental changes. Schwab (2016) concludes, "Simply put, major technological innovations are on the brink of fueling momentous change throughout the world—inevitably so" (p. 9). Using a different typology than does Schwab (2016), Toffler and Toffler (1995) had predicted a world society that constitutes a "Third Wave" civilization (preceded by agriculture and the Industrial Revolution), in which power and productivity would be based on the development and distribution of information. Debeljak (2012) identifies today's corporate 21st Century as the third globalization, which was preceded by the second globalization of the colonial 19th Century and the first globalization of the imperial 16th Century. Tsetsura and Kruckeberg (2019, July) recognize:

…, short of cataclysmic change, attempted regress to a de-globalized pastoral and isolationist existence can be likened to a Canutian attempt to hold back the tides. Nor is such regression desired by those who readily embrace the advantages and conveniences of contemporary communication technology. However, we are sailing in uncharted waters that likely will have unpredicted and unintended consequences, ranging from social anomie to the unknown power of artificial intelligence.

Communication technology is the primary intervening variable

Unquestionably, today's rapidly and chaotically evolving communication technology is the primary intervening variable that is creating globalism, as well as its obverse, multiculturalism—together with the latter's accompanying tensions and conflicts within a global environment that is replete with a host of critically important issues that beg resolution (for example, see Valentini, Kruckeberg, & Starck, 2012; Valentini & Kruckeberg, 2011, Spring; Kruckeberg & Tsetsura, 2008, March; Kruckeberg & Vujnovic, 2007). These immense changes have societal implications that are inadequately understood, let alone sufficiently pondered, and they are having a profound impact on individuals, with outcomes that remain insufficiently recognized and measured.

Certainly, what a century ago had become national through communication technology is now inextricably global. What a century ago had become a re-segmentation of citizens into occupational and professional communities on a national scale (largely replacing physical communities) has now become a global fragmentation that represents seemingly infinite perspectives and accompanying contentions on multiple issues. What a century ago had become an inversion of what is public and what is private has now become a confusing, threatening, and undoubtedly highly dangerous re-inversion. A concoction of what is private can become globally public with an inadvertent keystroke or through the malign intent of a skilled hacker; conversely, what arguably should be public,

that is, transparent, can remain hidden—if not invisible (for example, see Vujnovic & Kruckeberg, 2010).

If we can assume that—within an increasingly compressed timeframe—globalization will continue its upward trajectory through the creation of unpredictable and highly disruptive innovations in communication technology, we must ask:

- What will tomorrow's globalization look like, that is, how will indigenous societies that presently have different cultural and ideological traditions as well as unique histories adapt to this globalization that Kruckeberg and Tsetsura (2008, March) had cautioned could create a global tribalism of the disenfranchised?

Existing Paradigms Must Be Re-Examined

Tsetsura and Kruckeberg (2019, July) argue that existing paradigms of society must be re-examined. Kuhn (1970, p. viii) defined a paradigm as "universally recognized scientific achievements that for a time provide model problems and solutions to a community of practitioners." He observed that seldom, if ever, does a new theory build on what is already known; furthermore, rarely can two paradigms coexist peacefully. Rather, development of a new paradigm is a revolutionary process that reconstructs previous theory and that re-evaluates prior facts. Kuhn (1970) said that new paradigms gain prominence by being more successful than are their competitors in solving acute problems. Nevertheless, Tsetsura and Kruckeberg (2019, July) emphasize that paradigmatic re-examination should not imply that new paradigms necessarily will be ethically and morally superior to those that they have replaced; rather, these paradigms will reflect the reality of a 21st Century information age. Certainly, such re-examination begs this corollary—but highly significant—question:

- What must become the mission, role, and function of the university during the post-pandemic "Fourth Industrial Revolution" (Schwab, 2016) within this "Third Wave" of civilization (Toffler & Toffler, 1995) in an era that Debeljak (2011) identifies as the third globalization, that is, the corporate 21st Century?

The Importance of the University's Traditional and Historical Mission, Role, and Function

The university's traditional and historical mission, role, and function as an essential societal institution must be protected and safeguarded for the benefit of society-at-large. Certainly, the university's primary role and function must remain to prepare students to become responsible and productive global citizens and engaged leaders as well as to prepare them for their career choices.

Nevertheless, a broader question must be pondered: Are students the product or the consumer of such education (Kruckeberg, 2007, Spring)? Indeed, Barnett (2018) asks whether the university even needs students. "Perhaps some twenty-first-century universities will simply offer their products on the market due to the fact that teaching students is not profitable enough to make it their 'core business'" (p. 19). The university's primary mission must be to serve the needs of its primary stakeholder, that is, society-at-large, of which the university is an institutional part. Kruckeberg (2007, Spring) had argued that:

> … (S)ociety historically has depended on colleges and universities, not only to be repositories of the collected knowledge of civilization with a mission to add to that knowledge, but also to be institutions of higher learning that educate those who will become–even within a society having strong democratic traditions–an intellectual elite who can contribute substantively to the welfare of that society, often through their leadership as citizens.

Critical concepts in the university's mission, role, and function

Kruckeberg's (2007, Spring) contention begs constitutive definitions of several concepts, which are essential to recognize, to understand, and to consider in an examination of the mission, role, and function of the university. These include: society/global society/society-at-large; community; stakeholders; institution; ideology/value/value system; culture/cultural analysis; theory of society/organic theory; and university.

Society/Global Society/Society-At-Large

Valentini and Kruckeberg (2011, Spring) define *society* as a group of people who are related to one another through continuing relationships, such as social status, roles, societal networks, culture, and institutions. They accept sociologists' description of society as a large complex of human relationships, "or to put it in more technical language, as referring to a system of interaction" (Berger, 1963, p. 26), while nevertheless appreciating Berger's (1963) acknowledgement that "large" is difficult to quantify.

Because societies, to greater or lesser extents, remain discrete—if not unique—the concept of *society* does not necessarily extend to a *global society* or to *society-at-large*, which Valentini and Kruckeberg (2015, August) note are terms commonly used to refer to the world's collective human population. They define society-at-large as the inclusive population of a like species, which allows us to conceptualize a global society that encompasses all of the world's peoples. Hobbes and Blank (1975), who restrict this label to humans, further add the criteria of a common societal culture and a comprehensive social system: "A large-scale human grouping that shares a common culture and that possesses a comprehensive social system including all of those social institutions required to meet basic human needs" (p. 506).

Valentini and Kruckeberg (2015, August) acknowledge that these definitions appear to preclude an existing global society, certainly one having a common culture and a comprehensive social system. Nevertheless, they argue that, at an abstract level, global society may be conceptualized, that is, society-at-large is the inclusive global population of the homo sapiens species:

We maintain that a global society does not exist, certainly not in its social, political, economic and cultural dimensions, even though—at a macro level—the world's population may share some core values that make us human; nevertheless, we refer to the world's collective population of humans as society-at-large, recognizing that not all societies share common values, worldviews or a comprehensive social system. Rather, society-at-large is simply a collective term of many societies that—to greater or lesser extents—are discrete, if not unique. (Valentini & Kruckeberg, 2015, August)

They further note:

Within each of these societies is a complex network of communities, which might be likened to Russian dolls that are nested within one another or that may include competing communities that are in conflict with one another. Certainly, any society comprises many communities, which may be in competition, conflict and tension with one another. (Valentini & Kruckeberg, 2015, August)

Community

Critically important to an examination of the mission, role, and function of a university is the concept of *community*. The Communitarian Etzioni (2000) uses this definition:

Community is a combination of two elements: a) A web of affect-laden relationships among a group of individuals, relationships that often crisscross and reinforce one another (rather than merely one-on-one or chainlike individual relationships); and b) A measure of commitment to a set of shared values, norms, and meanings, and a shared history and identity—in short, to a particular culture. (pp. 222-223)

Etzioni (1995) noted that a "community" possesses a shared set of social bonds, that is, a social web that is distinct from one-to-one bonds; thus, this morally neutral concept does represent a set of shared moral and social values. Importantly, communal values cannot be imposed by an outside group or by an internal elite or minority; rather, these values are generated by community members, themselves, through dialogue. Furthermore, communal values must not be in tension with the core values of the community. Dewey (1916) said that a community is not possible unless individuals are primarily interested in entering into the activities of others within that community, participating in conjoint and cooperative activities.

Park and Miller (1969) added that people within a community also would have a body of *common memories* that were sufficient to enable them to understand one another. Park, Burgess, and McKenzie (1925) said that a community is where an individual maintains his or her life as a

person. Etzioni (1995) said “new communities” are part of a pluralistic web of communities, noting that people today can be members of several communities. Hallahan (2005) likewise acknowledged that today’s communities are no longer bound by geography and may extend to purely symbolic communities, the latter in which shared beliefs and values, as well as cultural artifacts, may extend worldwide.

Stakeholders

Goodstein, Nolan, and Pfeiffer (1993) define *stakeholders* as: “…(T)hose individuals, groups, and organizations who will be impacted by or who are likely to be interested in the organization's strategic plan and the planning process. Included are all who believe, rightly or wrongly, that they have a stake in the organization's future and not merely those whom the planning team believes have a reasonable or legitimate right to such a stake” (pp. 162-163). Ehling and Dozier (1992) observe: “People involved or affected by an organization may be regarded as stakeholder (sic)–a collection of people (the size of which varies over time) who have a stake in the policies and operations of an organization. Such stakeholders may arise when they believe and feel (accurately or inaccurately, rightly or wrongly) that they will gain something from or lose something to the organization” (p. 274).

Institution

Kashirskikh and Zverev (2021) expand on the traditional definition of *institution*, noting: “We do not see the term ‘institution’ as a system that is organized formally, such as a national legislature or courts. Rather, we use it in a more general sense as a certain kind of social organization (for example, media, markets family) identities or roles” (p. 31). In their examination of communication as a social institution, they note that institutionalization implies, not only representation, but also cooperation. Institutions must be recognized by most people and acted upon with corresponding behavior.

Ideology/Value/Value System

Bell (1988) said "ideology" has come to mean a creed held with the will to believe, that is, with dogmatism and stridency. Dicken-Garcia (1989, p. 15) described *values* as the broad dominant social attributes, behaviors, and larger goals that are advocated, promoted, and defended by a society. Goodstein, Nolan, and Pfeiffer (1993) adopted the Rokeach definition of values and value systems, that is, "'a *value* is an enduring belief that a specific mode of conduct or end-state of existence is personally or socially preferable to an opposite or converse mode of conduct or end-state of existence. A *value system* is an enduring organization of beliefs concerning preferable models of conduct or end-states of existence along a continuum of relative importance'" (p. 147).

Culture/Cultural Analysis

Goodstein, Nolan, and Pfeiffer (1993, p. 58) define *culture* as a social system based on a central set of beliefs and values. Vujnovic and Kruckeberg (2018) recommend cultural analysis as a multidimensional approach to studying cultural phenomena, which analysis is concerned with material and immaterial aspects of culture and the circulation, production, and consumption of cultural forms. They note that communication technology can result in anomie as people who have disparate ideologies, beliefs, and values—but who have little or no understanding of one another—are being forced into relationships with one another through ubiquitous communication technology. Vujnovic and Kruckeberg (2018) further note that values that are antithetical can have no other trajectory than to meet head-on, resulting in contention and conflict, or—at best—in an imperfect melding that may be grudgingly accepted only after resistance has been deemed futile.

Theory of Society/Organic Theory

Hardt (1979) emphasized that a theory of society is requisite to define the position of that society’s individual members, noting that this examination must address freedom and control of ex-

pression, of private and public spheres of communication, and whether a democratic system of mass communication exists.

Particularly useful in the examination of the mission, role, and function of the university in society is an "organic theory", as proposed by Vujnovic and Kruckeberg (2005) and as has been developed and refined throughout the years by these and by other authors (for example, Kruckeberg, Starck, & Vujnovic, 2006; Kruckeberg & Vujnovic, 2006, March; Kruckeberg, 2007; Vujnovic, Kumar, & Kruckeberg, 2007, March; Galloway & Lynn, 2007/2008; Vujnovic & Kruckeberg, 2016; Kruckeberg & Vujnovic, 2017, May; Vujnovic & Kruckeberg, 2019). Such a model does not place an organization at the hub of its universe, that is, in which the organization is primarily concerned about its relationships with its stakeholders; rather, the organization is only one component of a three-dimensional model of a community in which the organization must be equally concerned about stakeholders' relationships with one another.

University

Constitutive and operational definitions of what is a university are complex and have not been entirely linear in their evolution; thus, a common and agreed-upon conceptual definition should not be assumed and perhaps cannot be reconciled. Furthermore, some say that a "third mission" in today's knowledge-intensive economy, that is, to contribute to industry, the economy, the local region, and to society, has changed the "social contract" between universities and scientific research as well as between the state and society—with universities' "Mode 1" basic research (Martin, 2012, April, p. 556-557) extending to "Mode 2" industrial, economic, and societal knowledge production (p. 544). In this "Triple Helix" relationship of universities, government, and industry (Martin, 2012, p 543), universities contribute to industry, the economy, the local region, and to society (Martin (2012, April, p. 544).

Martin (2012, April) observed that this third mission is viewed as new, intrusive, and potentially threatening by those who believe that the university's mission is to provide a liberal education under conditions of academic autonomy. To provide context, Martin (2012, April, p. 544) traces the history of the university. Describing "species" of this institution, he traces its history from the medieval university beginning in the latter twelfth century, from which both teaching and scholarship had evolved. Two types of teaching were the training of professionals and, in the late eighteenth century, the development of the full humanistic potential of individuals. However, Martin (2012, April) also notes an historically strong emphasis on the third mission by technical higher education institutions as early as in the late eighteenth century. As well, he observes that U.S. land-grant universities were designed to provide low-cost higher education as well as to meet local technical needs, especially those relating to agriculture and to mechanical arts. Land-grant universities would later become a model for higher education institutions in other countries. Although the birth of the modern university was at the beginning of the eighteenth century, Barnett (2018) said today's universities owe much to those institutions that were formed in medieval Europe, which, themselves, had predecessors in ancient Egypt, Persia, India, and China.

The university as an essential post-pandemic societal institution

Arguments supporting the traditional mission of the university must center on the benefit to its primary stakeholder, that is, to society-at-large; furthermore, the university's primary role and function should remain the preparation of students for careers that benefit society as well as to fulfill their roles as responsible global citizens and engaged leaders. This mission, role, and function must not change, even though the sustainability of the university will be challenged and questions of access will continue, that is, whether university education should be restricted to an elite (for example, of meritocracy or of privilege), be extended equitably to the masses, or perhaps be universally required. The question of access is of paramount importance; Tsetsura and Kruckeberg (2019, July) note that today's global population includes immense numbers of those who are quite young,

who have been given little or no education, and for whom there is little promise of personal sustainability; however, these young people have technological proficiency as well as access to this communication technology that they value with the highest priority. Furthermore, massive immigration and global instability will continue in the foreseeable future. Scholars such as Sklair (2010) argue that the transnational aspects of globalization, of which technology is a chief driving force, and the neo-liberal economic aspect of globalization have produced a global crisis of class polarization and ecological unsustainability. Together with a continuance of its traditional mission, role, and function, the university's mission must be expanded to serve the increasingly complex needs and demands of multiple stakeholders during the "Fourth Industrial Revolution" within a "Third Wave" of civilization in this era of the third globalization.

The Traditional University

As had been noted, a common and agreed-upon conceptual definition of the university should not be assumed and perhaps cannot be reconciled. Furthermore, in many countries, the use of the term cannot be protected or regulated; therefore, "university" is often used generically and casually. Thus, it may appear both presumptuous and simplistic to advocate for the mission, role, and function of a "traditional" university when the definition of such institution is both complex and somewhat non-linear. Tremendous variance exists today in what is considered to be a university, and that label has had imprecise meaning historically. The point-of-reference in this article is of state universities in the USA. This Ameri-centric baseline is not intended to imply that these institutions are superior to—or representative of—those universities in other countries; rather, state universities in the USA are easily describable and are widely known, they generally enjoy a good reputation, and these institutions oftentimes are used as benchmarks of excellence. Many of them are "research universities". U.S. state universities can be distinguished from, but in many ways may be highly similar to, private universities in that country, the latter which may be elite or otherwise; from private liberal arts colleges (often of ethnic and religious origin); vocational-technical colleges, both state and private (which oftentimes award associate of arts degrees); and for-profit privately owned universities. State universities award baccalaureate degrees (for example, bachelor of science and bachelor of arts degrees). A graduate college within each university may award master of arts and master of science degrees and, quite often, doctorates, for example doctor of philosophy and doctor of education degrees. These universities' professional schools award degrees such as juris doctorate, doctor of medicine, and doctor of dental surgery.

Institutions within this model of higher education—as exemplified by U.S. state universities—are what this article considers to be "traditional". State universities traditionally have existed in a physical space, that is, a campus, and they are mission-driven, for example, liberal arts; Land-Grant (having an education "extension" mission throughout the state); and normal school (teacher preparation). Some state universities may be regional, that is, located in and primarily intended to serve a region of a state, and others may have historically served a specific population, for example, historically black universities. A state university in its physical space will be divided into multiple colleges that serve inter-related disciplines and professional areas. However, particularly in recent decades, the university's physical space has often been extended through satellite campuses as well as by variations of remote/distance education. As only one example, Arizona State University has five campuses in the Phoenix metropolitan area and four regional learning centers throughout Arizona (www.asu.edu). Of course elsewhere throughout the world, a university's separate colleges commonly are located in different campuses or other loci throughout a city. Nevertheless, a university's identity can be usually defined and framed by its title, for example, "The University of…" or "…State University." Thus, any perception of a university may be imprecise and non-inclusive, even among the seemingly homogeneous state universities in the USA. This imprecision will likely be exacerbated as universities seek their continuing survival in a rapidly changing environment in which they must compete for finite resources which availability cannot be assured. Fortunately, many scholars worldwide are examining the continuing and future mission, role, and function of the

university. Their work has resulted in an immense and geometrically increasing literature, with oftentimes excellent analyses and recommendations. Certainly, COVID-19 has heightened the significance and urgency of their quest.

This article argues that changes in—and re-directions of—the university must be performed with exceeding caution, with due diligence, and in full consideration of the irretrievable losses that could result from such changes and re-directions. The thesis of this article is that the traditional university with its locus in a physical space is—and must remain—an essential societal institution that must be appreciated, respected, supported, maintained, and safeguarded. To support this thesis, the author examines the mission, role, and function of the university in four dimensions within the context of relevant concepts. Of most value, however, is the identification of these dimensions and concepts that the author argues provide necessary contexts and perspectives in future deliberations about possible re-directions in the mission, role, and function of universities.

Social

A university's physical campus represents a continuance of the "embryonic community" that Dewey (Quandt, 1970, pp. 48-49) had recognized for local schools, that is, a physical locale in which personal contact and exchange exist within a setting of cooperative work and inquiry in a social center that unifies the community. A university as an institution that has a physical space is a living laboratory, a microcosm of that institution's society, in which highly educated, but diverse, community members can explore and test ideologies, values, and value systems, as well as social theories. A university community is a marketplace and originator of ideas that can be of immense value to society-at-large. Of course, a university's stakeholders extend beyond the borders of its physical campus, ranging from alumni and potential students, taxpayers, and a host of others that may include sports fans who might not have any other affiliation with the university.

It's difficult to envision such a university as being solely or primarily virtual, that is, without a physical campus. To a considerable extent, the holistic experience of being a student, a professor, or other member of the university community is lost when a university becomes "virtual". Increasingly, students may not be physically present on the university campus—and not always by choice in this pandemic era of COVID-19, in which they are forced to attend "zoom-U".

Political

Certainly for state-sponsored or -subsidized universities, the political dimension remains critically important because the government provides resources, allocates budgets, and often exerts considerable influence and control. Certainly, questions arise regarding university autonomy, faculty academic freedom, student free speech, and government tolerance of—as well as influence over—ideologies, values, and value systems.

Economic

The economic dimension includes the brand equity and value of the degree, both within the indigenous society, but also as global currency in society-at-large. This dimension forces the university to consider its relationships with the private-sector, which can challenge and re-adjust relationships with other stakeholders, can compromise academic values and expectations, and can redirect the university's mission in ways that can be deleterious to that institution's other stakeholders. The university should not rely upon a traditional stakeholder map when examining this economic dimension; rather, within the context of a three-dimensional "organic model" of society, the university is uniquely qualified to enhance stakeholders' relationships with one another as well as to contribute to society in multiple other ways.

Cultural

A university's cultural identity is among its greatest assets, and the university's physical locus is an important component of institutional brand equity. The university should be a home for a society's "high culture". The university must provide a benchmark for excellence in all areas of its society's culture. Th physical space of a university is a repository for a society's cultural artifacts as

well as a venue for its arts—much like libraries, museums, galleries, concert halls, and sports arenas, but in ways that those institutions cannot easily replicate or emulate.

The university should be recognized as such by other centers of culture, not only within that society, but in society-at-large. The university must serve as a repository for a society's intellectual capital, ideally an international currency of culture. This community of "high culture" and the physical space of a university campus, together with the diversity of disciplines and professional areas as well as through varying ideological perspectives, makes the university campus an ideal laboratory to achieve an ideal and highly functioning community.

Conclusion

The university must be recognized, appreciated, and supported as an essential post-pandemic societal institution during the "Fourth Industrial Revolution" (Schwab, 2016) within this "Third Wave" of civilization (Toffler & Toffler, 1995) in an era that Debeljak (2011) identifies as the third globalization.

The thesis of this article is that the traditional university in a physical space is—and must remain—an essential societal institution that must be appreciated, respected, supported, maintained, and safeguarded. The traditional mission of this institution likewise must be maintained, as well as safeguarded, for the benefit to its primary stakeholder, that is, society-at-large. Furthermore, the university's traditional role and function must remain, that is, to prepare its students for careers that benefit society as well as to educate them to fulfill their roles as responsible global citizens and engaged leaders. However, the university's mission must be expanded to serve the increasingly complex needs and demands of multiple stakeholders.

To support this thesis, the author has examined the mission, role, and function of the university in four dimensions within the context of relevant concepts. Of most value, however, is the identification of these dimensions and concepts that the author argues provide necessary contexts and perspectives in future deliberations about possible re-directions in the mission, role, and function of universities.

References

1. Arizona State University. (n.d.). Arizona State University. Retrieved from https://www.asu.edu
2. Barnett, R. (2018). *The ecological university: A feasible utopia.* Abingdon, UK: Routledge.
3. Bell, D. (1988). *The end of ideology*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
4. Berger, P. L. (1963). *Invitation to sociology: A humanistic perspective*. Garden City, NY: Anchor Books.
5. Debeljak, A. (2012). In praise of hybridity. In K. Sriramesh & D. Vercic (Eds.), *Culture and public relations: Links and implications* (pp. 15-32). New York, NY: Routledge.
6. Dewey, J. (1916). *Democracy and education.* New York, NY: The Macmillan Co.
7. Dicken-Garcia, H. (1989). *Journalistic standards in Nineteenth-Century America*. Madison, WI: University of Wisconsin Press.
8. Ehling, W. P., & Dozier, D. M. (1992). Public relations management and operations research. In J. E. Grunig (Ed.), *Excellence in public relations and communication management* (pp. 251-284). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
9. Etzioni, A. (2000). Epilogue. In E. W. Lehman (Ed.), *Autonomy and order: A communitarian anthology* (pp. 219-236). Lanham, MD: Roman & Littlefield.
10. Etzioni, A. (Ed.). (1995). *New communitarian thinking: Persons, virtues, institutions, and communities.* Charlottesville, VA: University Press of Virginia.
11. Galloway, C., & Lynn, M. (2007/2008). Public relations and climate change impacts: Developing a collaborative response. *Prism, 5*(1-2). Retrieved from http://praxis.massey.ac.nz/prism_on-line_journ.html
12. Goodstein, L., Nolan, T., & Pfeiffer, J. W. (1993). *Applied strategic planning: How to develop a plan that really works*. McGraw-Hill, Inc., New York, NY.
13. Hallahan, K. (2005). Community and community building. In R. L. Heath Ed.), *Encyclopedia of public relations* (pp. 171-174). Thousand Oaks, CA: Sage.
14. Hardt, H. (1979). *Social theories of the press*. Beverly Hills, CA: Sage Publications.
15. Hobbes, D. A., & Blank, S. J. (1975). *Sociology and the human experience.* New York, NY: John Wiley & Sons.
16. Kashirskikh, O., & Zverev, S. (2021). Today's communication as a field. In K. Tsetsura & D. Kruckeberg (Eds.), *Strategic communications in Russia: Public relations and advertising* (pp. 29-44). Abingdon, UK: Routledge.
17. Kruckeberg, D. (2007). An "Organic Model" of public relations: The role of public relations for governments, civil society organizations (CSOs) and corporations in developing and guiding social and cultural policy to build and

maintain community in 21st-Century civil society. In Administration of Ulan-Ude Committee of Social Politics (Ed.), *Municipal social politics and the publics: Realities and perspectives: Materials of the International/Scientific Conference* (pp. 17-25). Ulan-Ude, Buryatia, RU: Publishing House of Buryatia Scientific Center of Russian Academy of Science.
18. Kruckeberg, D. (2007, Spring). A clarification of the differences between "Product" and "Consumer" in public relations professional education: A call for the re-assessment and re-ordering of perception of stakeholders. *Teaching Public Relations Monograph, 72*.
19. Kruckeberg, D., Starck, K., & Vujnovic, M. (2006). The role and ethics of community-building for consumer products and services: With some recommendations for new-marketplace economies in emerging democracies. In C. H. Botan & V. Hazleton (Eds.), *Public Relations Theory II* (pp. 485-497). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
20. Kruckeberg, D., & Tsetsura, K. (2008, March). The "Chicago School" in the global community: Concept explication for communication theories and practices. *Asian Communication Research*, *3*, 9-30.
21. Kruckeberg, D., & Vujnovic, M. (2017, May). The future of the global public relations industry in a 21st century era of de-globalization. Paper presented at the Public Relations Division Post-Conference of the International Communication Association, San Diego, CA.
22. Kruckeberg, D., & Vujnovic, M. (2007). Global advertising and public relations. In Y. R. Kamalipour (Ed.), *Global communication* (pp. 271-292). Belmont, CA: Thomson Wadsworth, 2007.
23. Kruckeberg, D., & Vujnovic, M. (2006, March). Toward an "Organic Model" of public relations in public diplomacy. Paper presented at the 9th Annual International Public Relations Research Conference, Miami, FL.
24. Kuhn T. S. (1970). *The structure of scientific revolutions*. Chicago, IL: The University of Chicago Press.
25. Martin, B. R. (2012, April). Are universities and university research under threat? Towards and evolutionary model of university speciation. *Cambridge Journal of Economics, 36,* 543-565.
26. Park, R. E., Burgess, E., & McKenzie, R. (1925). *The city*. Chicago, IL: The University of Chicago Press.
27. Park, R. E., & Miller, H. (1969). *Old world traits transplanted*. New York, NY: Arno Press & *The New York Times*.
28. Quandt, J. B. (1970). *From the small town to the Great Community: The social thought of progressive intellectuals*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
29. Schwab, K. (2016). *The Fourth Industrial Revolution*. New York, NY: Crown Business.
30. Sklair, L. (2010). Capitalist globalization, corporate social responsibility and social policy. *Critical Social Policy*, *30*(4), 472-495.
31. Toffler, A., & Toffler, H. (1995). *Creating a new civilization: The politics of the Third Wave*. Atlanta, GA: Turner Publishing Inc.
32. Tsetsura, K., & Kruckeberg, D. (2019, July). The changing nature of journalism: A sociology of de-professionalization. Paper presented at the 5th World Journalism Education Conference, Paris, FR.
33. Valentini, C., & Kruckeberg, D. (2015, August). Communitas and communitarianism: What's that something that people hold in common? Paper presented at the Public Relations: Critical Perspectives, Edgework and Creative Futures Conference, Queen Margaret University, Edinburgh, SC.
34. Valentini, C., Kruckeberg, D., & Starck, K. (2012). Public relations and community: A persistent covenant. *Public Relations Review*, *38*, 873-879.
35. Valentini, C., & Kruckeberg, D. (2011, Spring). Public relations and trust in contemporary global society: A Luhmannian perspective of the role of public relations enhancing trust among social systems. *Central European Journal of Communication, 4*(1), 91-107.
36. Vujnovic, M., & Kruckeberg, D. (2019). Community. In Brigitta Brunner (Ed.), *Public relations theory. Application and understanding* (pp. 141-158). Hoboken, NJ: Wiley & Sons.
37. Vujnovic, M., & Kruckeberg, D. (2018). Cultural analysis. In R. L. Heath & W. Johansen (Eds.), *The international encyclopedia of strategic communication* (pp. 1-8). West Sussex, UK: John Wiley & Sons.
38. Vujnovic, M., & Kruckeberg, D. (2016). In the bind between theory and practice. In Brigitta R. Brunner (Ed.), *The moral compass of public relations* (pp. 137–148). New York, NY: Routledge.
39. Vujnovic, M., & Kruckeberg, D. (2015). Conceptualization, examination, and recommendations for a normative model of community-building for organizations managing change using new media. In E-J. Ki, J-N. Kim, & J. Ledingham, (Eds.), *Public relations as relationship management: A relational approach to the study and practice of public relations* (2nd Edition). New York, NY: Routledge.
40. Vujnovic, M., & Kruckeberg, D. (2010). Managing global public relations in the new media environment. In M. Deuze (Ed.), *Managing media work* (pp. 217-223.) London, UK: Sage.
41. Vujnovic, M., & Kruckeberg, D. (2005). Imperative for an Arab Model of public relations as a framework for diplomatic, corporate and nongovernmental organization relations. *Public Relations Review, 31*(3), 338–343.
42. Vujnovic, M., Kumar, A., & Kruckeberg, D. (2007, March). An "organic theory" as a social theory of public relations: A case study from India. Paper presented at the 10th Annual International Public Relations Research Conference, Miami, FL.
43. Zoshchenko, M. (2018). What the Nightingale sang. In M. Zoshchenko (Ed.; translated by B. Dralyuk), *Sentimental tales* (pp. 107-133). New York, NY: Columbia University Press.

УДК 378.4 : 004.738 : 005 (082)
DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-13

DIGITAL-КАМПУС: КАК НЕ ПОТЕРЯТЬ СВЯЗЬ С УНИВЕРСИТЕТОМ ПРИ ПЕРЕХОДЕ В ОНЛАЙН

Д.В. Кузнецова, студентка 4-го курса направления «Реклама и связи с общественностью», Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, kjulliav@ya.ru

С.С. Носова, старший преподаватель, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, sagan99@mail.ru

Аннотация. В данной статье предпринята попытка обосновать актуальность создания digital-кампуса как цифровой инфраструктуры университета, существующей наравне с физическим кампусом и состоящей из онлайн-сервисов, способствующих воссозданию социального опыта пользователей. Авторы предлагают использовать принципы плейсмейкинга при организации офлайн-социальных пространств для создания онлайн-социального пространства университетского кампуса. В статье кратко представлены результаты исследования кампуса Томского государственного университета (ТГУ) на предмет его потенциальной трансформации в digital-кампус.
Ключевые слова: digital-кампус, пандемия коронавируса, цифровая трансформация университета, цифровизация университета

Концепция digital-кампуса

Ведущие теоретики социальных коммуникации давно начали говорить о наступлении новой эпохи сверхбыстрой связи, цифровых технологий, глобализации и изменения границ между реальным и физическим [1, 3, 8]. Клаус Шваб, автор концепции Четвёртой промышленной революции [4], описывал наступающую эпоху как время быстрых и непредсказуемых изменений, плохо поддающихся прогнозам. В 2020 г., в связи с пандемией коронавируса, с необходимостью фундаментальных изменений столкнулись представители всех сфер социальной деятельности, а тема гибридности онлайн- и офлайн-пространств, их дополняемости и взаимозаменяемости, стала еще актуальнее, в частности, для университетов [111]. Эксперты утверждают, что с ситуацией, которая стала для человечества уникальным опытом в 2020 г., мир будет оказываться в будущем регулярно [9].

В период пандемии COVID-19 кампусы колледжей и университетов были вынуждены перейти в онлайн. Однако университет и кампус – это не только субъект научно-образовательной деятельности, но и социальное пространство, в котором образуются социальные связи, коммуникации между студентами и преподавателями, представителями научного сообщества, абитуриентами и вузом, партнёрами. Закрытие кампусов и перспектива будущих вызовов поставила перед университетами вопрос: как перенести столь важный для человека социальный опыт в онлайн-пространство?

Архитектор Джей Дешмук в исследовании «The post-pandemic college campus» [6] опросил 50 преподавателей, студентов и сотрудников в более чем 40 кампусах по всему миру, чтобы выяснить, как ситуация пандемии повлияла на университетское сообщество. Среди основных проблем перехода на дистанционное обучение студенты отметили:

– сложность построения взаимоотношений с новыми преподавателями;
– снижение межличностного взаимодействия с однокурсниками;
– приостановление работы студенческих клубов;
– сложности в социализации у первокурсников;
– асинхронность коммуникации у иностранных студентов.

Таким образом, актуальность создания digital-кампуса университета обусловлена тем, что наряду с переводом в онлайн образовательного процесса, необходимо переводить в онлайн и социальное взаимодействие всех субъектов деятельности вуза.

Digital-кампус (электронный кампус) – это цифровая инфраструктура университета, существующая наравне с физическим кампусом и состоящая из онлайн-сервисов, способствующих воссозданию социального опыта пользователей. Если единицами физического кампуса являются здания и сооружения, то единицей digital-кампуса является онлайн-площадка, на которой реализуется социальный опыт и протекают социальные коммуникации.

Актуальным подходом к созданию офлайн-пространств сегодня является плейсмейкинг [7]. Качественные пространства, с точки зрения плейсмейкинга, - это активные и уникальные места, интересные, визуально привлекательные и часто сочетающие в себе искусство и творческую деятельность. Одной из важнейших характеристик пространства является «социальность», то есть способность обеспечить такими условиями, которые будут способствовать формированию социальных связей между находящимися в нём субъектами. В эпоху гибридной реальности социальные пространства являются одним из важнейших факторов обеспечения высокого качества жизни в его социальном и духовном аспектах [2].

Главный подход к созданию пространств в плейсмейкинге – вовлечение в этот процесс не только дизайнеров, архитекторов и управленцев, но и, что очень важно, самих пользователей. Организовывать пространства нужно анализируя запросы тех, кто будет в них работать, отдыхать, общаться.

Университетский кампус – это тоже социальное пространство. Его создателями должны быть студенты, преподаватели, горожане, партнеры вуза, его менеджмент, представители управленческих структур города и региона.

В нашем исследовании мы пробуем применять подходы плейсмейкинга к созданию digital-пространств, в частности, пространства digital-кампуса. В соответствии с принципами плейсмейкинга при организации офлайн-пространств [10], мы пришли к выводу, что для превращения digital-кампуса в социальное онлайн-пространство необходимо обеспечить следующие условия:

– *Доступность digital-кампуса* через онлайн-карты, мобильные приложения, виртуальные туры, свободный доступ ко всем ресурсам;

– *Комфортность использования* через дизайн, интерфейс и цифровую безопасность присутствия на онлайн-площадках;

– *Многофункциональность.* Она относится к организациии различных мероприятий, разнообразию предоставляемых цифровых услуг, контентному наполнению ресурсов;

– *Организация ккоммуникаций* внутри электронного кампуса через формы обратной связи, интерактивные элементы, платформы для установления деловых и неформальных коммуникаций.

Digital-кампус не тождественен совокупности онлайн-ресурсов университета. Его функционал не ограничивается получением информации об образовательном процессе, исследовательской деятельности и мероприятиях, в которых можно поучаствовать на территории кампуса (в офлайн-пространствах). Главная функция электронного кампуса – создать у пользователей (посетителей digital-кампуса) эффект «присутствия», обеспечить их социальным опытом, главной частью которого является взаимодействие с пространством кампуса и выстраивание коммуникаций с другими людьми/пользователями пространства, то есть, формирование столь важного для участников всех университетских процессов социального опыта.

Пример трансформации структурного подразделения университета в элемент digital-кампуса

Опираясь на представленные выше условия, необходимые для создания digital-кампуса, можно представить посещение Ботанического сада как структурного подразделения университета в электронном кампусе следующим образом. На электронной карте кампуса пользователь заходит в Ботанический сад. Далее он может выбрать формы активности:

– тур по саду в сопровождении экскурсовода-бота (в любое время);

– тур с живым экскурсоводом в определенные часы (предлагается расписание и в назначенное время к туру подключается работник ботсада и вживую общается с «посетителями»);

– пользователь может зайти в сообщество-коммьюнити на странице Ботанического сада в социальной сети, стать его частью и получать предложения подключаться к стримам (живым трансляциям) в период цветения тех или иных редких растений;

– пользователь может пригласить своих друзей из социальных сетей или одногруппников составить ему компанию и провести в ботсаду время вместе онлайн; при этом, во время экскурсии участники могут общаться друг с другом, обсуждать увиденное;

– пользователь может поучаствовать в субботнике через пожертвование в эндаумент-фонд университета. При этом организуется онлайн-встреча (стрим) во время проведения офлайн-субботника сотрудниками Ботанического сада. В соответствии с суммой пожертвования, пользователь может выбрать, что именно он «сделал» во время субботника «руками» сотрудников. Описание его вклада в субботник размещается онлайн. Получается своеобразный тендер или аукцион;

– можно пытаться соединять реальное место и виртуального пользователя через создание персональных артефактов в офлайн-пространстве. Например, студент-отличник имеет право назвать своим именем какое-то растение (на растение повязывается ленточка с именем студента, фотография выкладывается онлайн).

Цель таких мероприятий – обеспечение пользователей/гостей/ посетителей онлайн-кампуса неким социальным опытом, опытом общения, чувством связи с реальным местом.

Опыт создания digital-кампуса в зарубежных вузах

На сегодняшний день примеров digital-кампусов не так много. Университеты еще не успели серьёзно подойти к этому вопросу, так как до сих пор озабочены переводом в онлайн образовательного процесса. В качестве самых удачных и интересных идей можно привести следующие кейсы:

В Йельском университете существуют 3D-туры по кампусу с сопровождением гида, который рассказывает о достопримечательностях Туры сопровождаются субтитрами на иностранных языках. В тур включено более 50 видеороликов, в которых реальные студенты рассказывают о жизни Йельского университета. Туры позволяют посещать кампус в разное время года, дни недели и даже часы дня. Все это помогает абитуриентам получить представление о кампусе, а студентам – не потерять «чувство места» [5].

Университет штата Пенсильвании разработал «Penn State World Campus» – полностью виртуальный университет. Студенты посещают лекции и семинары онлайн и могут общаться с преподавателем и сокурсниками через чат, видеоконференции, внутреннюю электронную почту, социальные сети, доски обсуждений. Студенты получают онлайн-консультации по вопросам карьеры, технической поддержки или другим возникающим проблемам и поддерживают коммуникацию с вузом.

Центр вовлечения студентов и лидерства *Техасского университета* разработал систему «Miners on Monitors», в которой еженедельно студенты получают электронное письмо об интерактивных программах, таких как живые демонстрации, виртуальная йога, семинары по развитию лидерства и конкурсы в социальных сетях. Только за первую неделю в программе приняли участие 730 человек, что можно считать эффективным способом вовлечения студентов в онлайн-жизнь кампуса.

В Университете Фурмана предлагают программы и мероприятия для обогащения студенческого опыта. Сайт «Virtual Activities and Programming» разработан специально для того, чтобы студенты поддерживали связи во время дистанционного обучения. Например, действует программа связей между выпускниками, вступив в которую, студенты и выпускники могут обмениваться профессиональным опытом.

Появились и новые форматы взаимодействия студентов. Например, *университет Линкольна*, использует платформу «NetflixParty», на которой студенты смотрят вместе фильмы и обсуждают их в онлайн-чате.

Еще один инструмент «Virtual Escape Rooms» – это виртуальные квесты на базе Zoom или других платформ. Например, *Корнельский университет* разработал серию «Virtual Escape Room» для своих студентов в период социального дистанцирования во время пандемии Covid-19.

Исследование кампуса Томского государственного университета

На сегодняшний день кампус ТГУ представлен в онлайн-пространстве как электронно-образовательная среда, образовательная структура. Однако с 2019 года ТГУ реализует большой проект «Цифровой университет», результатом которого, среди прочего, может стать создание полноценного digital-кампуса.

Авторы статьи в рамках работы над выпускным квалификационным исследованием, посвящённом теме создания digital-кампусов, провели ряд экспертных интервью с целью выяснить основные направления цифровизации кампуса, в частности: персонализацию контента, создание базы микроконтента, развитие цифровой культуры, организацию пространств синхронизации физического и виртуального кампусов, работу над цифровой дидактикой и педагогическим дизайном. В ходе интервью выяснилось, что слабыми сторонами цифровизации кампуса ТГУ являются организация досуговой деятельности студентов, цифровизация отдельных процессов и развитие неформальных связей.

Также студенты 20 факультетов оценили кампус университета ТГУ по критериям дизайна и интерфейса его онлайн-ресурсов, доступности и безопасности посещения, разнообразия услуг и мероприятий, возможности коммуникаций и обратной связи.

Респонденты считают, что digital-кампус университета должен развиваться в части улучшения дизайна и интерфейса, а также возможностей для коммуникации и обратной связи. Респонденты отметили необходимость улучшения интерактивных платформ, 3D-туров и мобильных приложений, а также создание платформ для группового и межличностного общения.

Организация digital-кампуса – сложная задача, так как кампус ТГУ, как и кампус любого университета, состоит из множества пространств и структур: библиотеки, Ботанического сад, жилых корпусов, музеев и кафе, и каждое из них нуждается в оцифровке и связности с другими структурами организации. Кроме того, digital-кампус должен синхронизироваться с физическим кампусом, видоизменять и дополнять его.

Конечными результатами данного исследования станет образ digital-кампуса ТГУ, а также практические рекомендации по улучшению социальных коммуникаций в онлайн-пространстве университета.

Литература

1. Гарфинкель С. Все под контролем: Кто и как следит за тобой : пер. с англ. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
2. Кужелева-Саган И.П. Организация социальных пространств 4.0 как условие высокого качества жизни человека цифровой эры // Цифровой бренд-менеджмент территорий: глобальный и локальный аспекты: материалы IV Международной трансдисциплинарной научно-практической Web-конференции «Connect-Universum-2018», 29–30 ноября 2018 года. Томск, 2019. С. 122–125.
3. Митчелл У. Я++: Человек, Город, Сети. М. : Strelka Press, 2012.
4. Шваб К. Четвертая промышленная революция / пер. с англ. ; отв. ред. А. Меркурьева. М. : Эксмо, 2016. 202 с.
5. Gunila Jive´n, Peter J. Larkham. Sense of Place, Authenticity and Character: A Commentary // Journal of Urban Design. 2003. № 8:1. P. 67–81.
6. Haleem A., Javaid M., Vaishya M.R., Deshmukh S.G. Areas of academic research with the impact of COVID-19 // American Journal of Emergency Medicine. 2020. № 38. P. 1524–1526. https://doi.org/10.1016/j.ajem.2020.04.022
7. Placemaking. In: International Encyclopedia of Human Geography / ed. by D. Horgan, A. Kobayashi. Oxford : Elsevier, 2019. P. 145–152.
8. Rushkoff D. Present Shock: When Everything Happens Now. New York: Current, 2013.

9. Rahmandad H., Lim Tse Yang, Sterman J. Behavioral Dynamics of COVID-19: Estimating Under-Reporting, Multiple Waves, and Adherence Fatigue Across 92 Nations (January 17, 2021).
10. Sepe M. Placemaking, livability and public spaces. Achieving sustainability through happy places // The Journal of Public Space. 2017. № 2 (4). P. 63–76.

DIGITAL-CAMPUS: HOW NOT TO LOSE THE CONNECTION WITH A UNIVERSITY AFTER THE ONLINE TRANSITION

Darya V. Kuznetsova, Bachelor's Student, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: kjulliav@ya.ru
Snezhana S. Nosova, Senior Lecturer, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: sagan99@mail.ru

DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-13

Abstract. This article attempts to substantiate the relevance of creating a digital campus as a digital infrastructure of a university that exists alongside a physical campus and consists of online services that help recreate the social experience of users. The authors propose to use the principles of placemaking for offline social places to create an online social place of a university campus. The article briefly presents the results of a study of Tomsk State University's campus aimed at determining its potential in terms of transformation into a digital campus.
Keywords: digital-campus, coronavirus pandemic, digital transformation of university, digitalization of university

УДК 378.4 : 004.738 : 005 (082)
DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-14

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ПОСТПАНДЕМИЧЕСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Е.М. Петлина, канд. физ.-мат. наук, доц., Северо-Кавказский социальный институт, Ставрополь, Россия, 356620@gmail.com

Д.С. Нестеров, преподаватель, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия, sowina.alen@yandex.ru

А.В. Горбачев, преподаватель, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия, gorbi-74@mail.ru

Аннотация. В статье представлен опыт работы образовательной организации во время пандемии. Выделяется четыре направления развития системы модульного обучения на платформе дистанционных технологий: конструирование учебного процесса, формирование готовности преподавателя, совершенствование организации самостоятельной работы, внедрение рейтинговой системы. Рассмотрена структура учебного модуля при дистанционных технологиях. Модель системы модульного обучения включает целевой, содержательный, технологический, оценочно-критериальный, результативный блоки. Указан алгоритм создания учебного модуля на образовательной платформе. Предложен алгоритм оценки результатов обучения обучающихся по модулю. Рассматриваемая модель включает три критерия, которые позволяют определять уровень формирования компетенций специалиста. Это когнитивно-познавательный, деятельностно-креативный и личностный критерии. Основные направления развития системы модульного обучения в образовательных организациях позволят сформировать информационную основу для принятия руководством образовательных организаций управленческих решений по повышению качества модульного обучения в образовательных организациях с применением дистанционных технологий; использовать выделенные направления развития системы модульного обучения в образовательных организациях в постпандемический период; повысить уровень профессиональной компетентности преподавателей; в целом оптимизировать процесс профессионального образования студентов в образовательных организациях.
Ключевые слова: дистанционные образовательные технологии, модульное обучение, подготовка кадров, профессиональное образование, учебный курс, образовательная платформа

В современных условиях система образования призвана обеспечивать повышение качества подготовки кадров в условиях кризисных ситуаций, в частности в период пост пандемического развития образовательной организации. Процесс получения профессионального образования направлен на выработку у обучающихся знаний, умений и комплекса компетенций, которые необходимы для исполнения вида профессиональной деятельности, получения новой квалификации. Как правило, в сознании обучающихся нет интегративной целостности знаний, и только при систематическом выполнении профессиональной деятельности, необходимые знания и умения выстраиваются в определенные алгоритмы и поведенческие схемы. В условиях пандемии остро стал вопрос о качественной подготовке специалистов в условиях удаленного обучения. Большинство преподавателей пошли по пути создания учебных модулей, кластеров и т.д., чтобы подходить комплексно к формированию комплекса требований стандарта по указанной дисциплине. В данной статье предложен вариант использования наработанных методических приемов дистанционного обучения в постпандемической образовательной организации.

Требования реалий общественной жизни таковы, что эпидемиологическая обстановка расширила возможности образовательных организаций и внедрила широко дистанционные технологии обучения, которые основаны на принципе модульной организации учебного процесса, основанного на компетентностном подходе [2, 5, 7, 9]. Возрастающая роль модульного обучения специалистов, развития его теории и практики в образовательных органи-

зациях обусловлена актуальностью инновационного развития системы подготовки обучающихся, их профессионального воспитания и обучения как одного из основных направлений строительства и реформирования системы образования в условиях кризисных ситуаций, особенно в условиях осложненной эпидемиологической обстановки.

Одним из перспективных направлений развития образовательной системы модульного обучения является педагогическое моделирование, то есть процесс разработки моделей различного уровня сложности. При этом они должны соответствовать требованиям концепции профессионального образования в Российской Федерации, методологии современной педагогической науки, сложившейся эпидемиологической обстановке.

Изучение генезиса, исследование и обоснование ключевых положений теории и анализ практики модульного обучения в рамках дистанционного обучения в образовательных организациях свидетельствует о том, что в современных условиях процесс развития системы модульного обучения в образовательных организациях может быть более результативным, особенно с применением информационных технологий в постпандемической образовательной организации [7, 9].

В структурно-содержательном плане модель системы модульного обучения включает взаимосвязанные и взаимодополняющие друг друга блоки:

– целевой;
– содержательный;
– технологический;
– оценочно-критериальный;
– результативный;

и компоненты:

– потребностно-мотивационный;
– операционально-деятельностный;
– оценочно-рефлексивный;

а также связи и отношения между ними.

Блоки и компоненты модели подчинены цели ее функционирования и при соответствующих условиях призваны обеспечить результативный процесс овладения обучающимися образовательных организаций общекультурными, профессиональными и профессионально-специализированными компетенциями.

Целевой блок описываемой модели системы модульного обучения в условиях кризисных ситуаций представлен единством цели и задач, комплексное решение которых обеспечивает достижение обучающимися минимально возможного уровня владения общекультурными, профессиональными и профессионально-специализированными компетенциями.

Поставленная цель определяет направления содержательного блока модели системы модульного обучения в образовательных организациях, который предполагает:

– отбор содержания обучения с учетом принципов модульности;
– структуризации содержания обучения на обособленные элементы;
– системности и последовательности обучения;
– когнитивно-коммуникативного принципа;
– актуализации профессионального компонента.

В качестве компонентов модель модульного обучения с применением дистанционных технологий включает сферы, ситуации и проблемы профессиональной деятельности, выступающие основой формирования у обучающихся необходимых профессиональных знаний, умений, навыков и компетенций.

Такой подход позволяет выявить и отразить качественную определенность каждого блока модульной организации данных, компонента динамической системы дистанционных технглогий в виде совокупности критериев (гностический, мотивационный, деятельностный) и показателей его эффективности на содержательном уровне и, следовательно, своевременно и педагогически компетентно осуществлять исследование, анализ и корректирование разви-

тия системы модульного обучения с применением дистанционных технологий в образовательных организациях.

Характеризуя структуру и содержательное наполнение представленной модели обучения с применением дистанционных технологий, необходимо отметить, что система модульного обучения в образовательных организациях во многом зависит от заказа работодателя. Эффективное использование потенциала любой образовательной модели достигается созданием необходимых условий и выявлением значимых факторов, оказывающих влияние на решение поставленных задач. В случае образовательного процесса, выполнение задач – это формирование необходимых знаний, умений и комплекса компетенций. При этом ведущими факторами, влияющими на систему модульного обучения в образовательных организациях, являются:

– внешние факторы – тенденции развития системы модульного обучения в образовательных организациях и их теоретическая разработанность, целевые установки и приоритеты в подготовке обучающихся и т.д.;

– внутренние факторы – потребности и профессиональные интересы обучающихся, а также их возможности и способности, личная заинтересованность в своем профессиональном развитии, положительное отношение к профессиональному образованию и самообразованию и т.д.

Рассмотрим основные направления развития системы модульного обучения на платформе дистанционных технологий в образовательных организациях в постпандемический период [2]. К ним относятся:

– конструирование учебного процесса с применением модульного обучения дистанционной технологии в образовательных организациях;

– формирование готовности преподавателя к модульному обучению;

– совершенствование организации самостоятельной работы обучающихся в процессе модульного обучения;

– внедрение рейтинговой оценки обучающихся образовательных организаций [1].

Выявление основных направлений развития системы модульного обучения в образовательных организациях рассматривается по следующим направлениям:

– изучение и анализ нормативных документов в системе профессионального образования;

– проведение целенаправленных опросов и бесед с руководством образовательных организаций, преподавателями, сотрудниками факультетов, обучающихся.

В процессе развития системы модульного обучения в образовательных организациях в условиях кризисных ситуаций функция внешнего, административного контроля должна дополняться механизмом внутренней самоорганизации и самоконтроля самих субъектов образовательной деятельности, что предполагает правильный выбор направлений развития системы модульного обучения в образовательных организациях [3, 6, 10].

Первое направление развития системы модульного обучения – конструирование учебного процесса с применением модульного обучения в образовательных организациях [1]. Конструирование учебного процесса с применением модульного обучения в образовательных организациях предопределила необходимость разработки и обоснования модульной программы с позиции проектирования.

Рассматривая модульную программу с позиции проектирования как одного из важных этапов внедрения системы модульного обучения в российском образовании в условиях применения дистанционных технологий, следует обратить внимание на процесс конструирования собственно содержательной части программы, состоящей из набора конкретных модулей и методической части. При разработке модульной программы необходимо учитывать, чтобы модули были структурно идентичными, что позволяет всем участникам образовательного процесса работать по единым правилам, сохраняя способность гибкой адаптации своих возможностей, так и к профессиональной деятельности [3].

Исходя из характеристики модуля, может быть предложен следующий алгоритм построения учебного курса:

а) формирование содержания учебного курса из обучающих модулей в соответствии с логикой учебного предмета на платформах дистанционного обучения;

б) построение обучающих модулей из учебных элементов в соответствии с технологией дистанционных образовательных методик;

в) проектирование дидактического процесса, т. е. учебно-познавательной деятельности слушателей и управления этой деятельностью со стороны преподавателя, необходимое для достижения поставленных целей по каждому учебному элементу модуля дистанционной платформы;

г) определение организационных форм обучения и их координация по каждому модулю с учётом его учебных элементов;

д) разработка системы текущего, промежуточного и итогового контроля и коррекции познавательной деятельности обучающихся;

е) разработка инвариантного состава модуля – учебного текста, методического руководства по обучению, консультаций для преподавателей;

ж) определение временной границы изучения каждого модуля;

з) рассмотрение возможных вариантов взаимосвязи между учебными модулями.

Реализацию данного направления развития системы модульного обучения в образовательных организациях целесообразно осуществлять по следующему алгоритму [4]:

1) входное диагностическое тестирование для определения уровня личностных компонент и готовности работать с элементами дистанционного модульного курса;

2) разработка методических приемов и кейсов содержательной части дистанционного модуля (обучающие семинары, круглые столы, обучение методикам отбора содержания и т.д.);

3) формирование учебных курсов на основе разработанных методических материалов с учетом процессного, системного и личностно-ориентированного подходов;

4) мониторинг, оценка и диагностика уровня сформированности знаний, умений и компетенций на основании разработанного критериального аппарата;

5) анализ и создание условий для работы в удаленном формате преподавателей.

Следующее направление развития системы модульного обучения дистанционной технологии – совершенствование организации самостоятельной работы обучающихся в процессе модульного обучения. Совершенствовать организацию самостоятельной работы слушателей в процессе модульного обучения – значит значительно повышать её роль в достижении новых образовательных целей, придавая ей проблемный характер, мотивирующий студентов и преподавателей. При этом преподаватель организовывает, консультирует и контролирует учебную деятельность обучающихся [5], при этом содержанию самостоятельной работы слушателей необходимо придать целенаправленный характер. Для этого необходимо включить самостоятельную работу в структуру учебных модулей, разнообразить заданиями практикоориентированной направленности.

Для оценки уровня освоения учебного модуля предлагается непосредственную оценку результатов обучения определения качества освоенных обучающимися ключевых и профессиональных компетенций проводить с использованием критериально-уровневой модели оценки компетенций специалистов.

Рассматриваемая модель включает три критерия, которые позволяют определять уровень формирования компетенций специалиста.

Знаниевую характеристику отражает когнитивно-познавательный критерий, характеризующий диапазон знаний, имеющихся у будущего специалиста. В процессе овладения знаниями обучающиеся должны уметь правильно давать оценку реальным техническим ситуациям, находить и использовать необходимые сведения в профессиональной деятельности, а также развивать основные компетенции в процессе самообразования [8].

Характеристика сформированных умений раскрывается в деятельностно-креативном критерии, отражающем наличие профессионально-ориентированных умений, которые поз-

воляют реализовать процесс профессиональной деятельности, определять затруднения и находить методы ее совершенствования. Данным критерием характеризуется направленность профессиональной деятельности на достижение эффективных результатов [4].

Результативный элемент модели системы модульного обучения представляет собой уровни проверки сформированной учебной деятельности обучающихся на примере учебной дисциплины. Основы разработки процедур выявления и оценки достигнутых результатов в системе модульного обучения учебной дисциплины базируются на методах самоанализа, самооценки и экспертной оценки.

Личностный критерий отображает социально значимые качества будущего специалиста как личности: общительность, самостоятельность, рациональность, трудолюбие, предприимчивость, позволяющие молодому специалисту отстаивать позицию в принятии обоснованных профессиональных решений.

Представленное трио критериев позволяет установить уровни сформированности компетенций специалиста: высокий, средний, низкий [4, 5].

Результативный компонент модели системы модульного обучения предполагает поэтапную своевременную диагностику, коррекцию и контроль степени освоения обучающимися учебного материала и развития их общекультурных, профессиональных и профессионально-специализированных компетенций во всем многообразии ее компонентов. Особая роль в модели системы модульного обучения отводится контролю знаний как неотъемлемой части обучения, осуществлению систематического мониторинга, текущему, промежуточному и итоговому контролю формируемых у обучающихся компетенций.

Разработанные и обоснованные основные направления развития системы модульного обучения в образовательных организациях позволят:

– сформировать информационную основу для принятия руководством образовательных организаций управленческих решений, направленных на повышение качества модульного обучения в образовательных организациях с применением дистанционных технологий;

– использовать выделенные направления развития системы модульного обучения в образовательных организациях в постпандемический период;

– повысить уровень профессиональной компетентности преподавателей к модульному обучению в условиях образовательной организации;

– в целом оптимизировать процесс профессионального образования студентов в образовательных организациях.

Литература

1. Геворкянц Ж.А. Модульный подход к конструированию учебного процесса современного колледжа : автореф… дис. кан. пед. наук. Владикавказ, 2005. 24 с.
2. Давыдова Н.А. Использование интегративного подхода в процессе формирования ИКТ-компетентности у студентов педагогических профилей бакалавриата // Инновации в образовании. 2019. № 3. С. 112–121.
3. Петлина Е.М., Горбачев А.В., Мироненко О.Ю. Особенности подготовки будущих преподавателей на основе профессионального стандарта педагога // Инновации в образовании. 2019. № 10. С. 22–27.
4. Петлина Е.М., Горбачев А.В., Фирсин А.И. Моделирование процесса оценки профессиональных компетенций будущих педагогов // Общество и личность: гуманистическая идея в современном общественном дискурсе и социальных практиках. Ставрополь, 2020. С. 85–89.
5. Петлина Е.М. Использование информационных технологий для формирования общих компетенций специалиста // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2017. Т. 5, № 7-1 (33-1). С. 275–279.
6. Петлина Е.М. О выборе метода обучения при формировании компетенций у обучающихся // Общество и личность: проблемы гуманизации современного социокультурного пространства : материалы VII Всероссийской научно-практической конференции: сборник научных статей преподавателей, научно-практических работников, обучающихся вузов. Ставрополь, 2019. С. 135–138.
7. Петлина Е.М. Проблема формирования компетенций специалиста в условиях информационного общества // Гуманитарно-правовые аспекты развития российского общества: сборник научных трудов по итогам региональной научно-практической конференции. Ставрополь : Краснодарский университет МВД РФ, 2017. С. 130–132.

8. Петлина Е.М. Формирование организационно-воспитательной компетентности у преподавателя // Общество и личность: гуманизация в условиях информационной и коммуникационной культуры : сборник научных статей преподавателей, обучающихся вузов, научно-практических работников. Ставрополь, 2018. С. 192–196.
9. Петлина Е.М., Хатагова С.В. Информатизация образования как основной принцип формирования компетенций специалиста // Инновации в образовании. 2017. № 3. С. 124–133.
10. Хатагова С.В., Петлина Е.М. Мир классики: методы погружения курсантов // Социально-экономические, психолого-педагогические, философские и правовые аспекты развития общества: сборник материалов всероссийского научно-практического круглого стола. Ставрополь, 2016. С. 33–38.

USING DISTANCE LEARNING TECHNOLOGY IN A POST-PANDEMIC EDUCATIONAL INSTITUTION

Elena M. Petlina, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, North Caucasian Social Institute (Stavropol, Russia). E-mail: 356620@gmail.com
Denis S. Nesterov, Lecturer, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia). E-mail: sowina.alen@yandex.ru
Andrey V. Gorbachev, Lecturer, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia). E-mail: gorbi-74@mail.ru

DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-14

Abstract. The article considers a distance learning model used in an educational institution during the pandemic, where most distance learning technologies are based on modular organization of education. There are four directions of development of the system of model education on a platform of distance learning technologies: designing the educational process, preparing teachers, organizing students' independent work, and introducing the rating system. The structure of a training module is considered. The model of modular training includes target, content, technology, evaluative-criterial, and effective blocks. The algorithm for creating a training module on the educational platform is specified. The algorithm for evaluating learning outcomes is proposed. The model under consideration includes three criteria (cognitive-cognitive, activity-creative and personal) to determine the level of specialists' competence.
Keywords: distance learning technologies, modular training, personnel training, professional education, training course, educational platform

УДК 378.4 : 004.738 : 005 (082)
DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-15

РОЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ИНТЕНСИФИКАЦИИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И УСИЛЕНИИ СВЯЗАННОСТИ ТЕРРИТОРИИ СТРАНЫ

С.В. Пирожкова, канд. филос. наук, доц., Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия, e-mail: pirozhkovasv@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются информационно-коммуникационные технологии для интенсификации межрегионального сотрудничества высших учебных заведений в свете проблемы обеспечения связанности страны. Дается обзор современного состояния связанности территорий РФ и программы по ее улучшению, показывается место системы образования в повышении хозяйственной, социальной, социально-психологической и инфраструктурной интегрированности страны. Обосновывается позиция, согласно которой развитие образовательной структуры, в том числе на уровне университетов, должно ориентироваться на сетевую модель, предполагающую не столько централизацию образовательных ресурсов, сколько их распределение в логике циркулирования различных ресурсов. Показывается, что в случае университетов основным ресурсом, циркулирующим в сети, являются знания. При этом помимо объективированных знаний университеты должны обмениваться знаниями, имеющими субъектное воплощение. Цифровизация значительно увеличивает как доступность объективированных знаний в общероссийской университетской системе, так и возможность обмениваться ситуативными, личностными и неявными знаниями. Это происходит в условиях расширения и трансформации форматов участия в работе территориально удаленных учреждений науки и образования. Обосновывается, что удаленные формы участия не способны заместить оффлайн-взаимодействие, но призваны служить важным дополнением, а также базой таких взаимодействий. Поднят вопрос о дальнейшем совершенствовании форм гибридной занятости, сочетающей очные и дистантные форматы.

Ключевые слова: связанность территорий, цифровизация, университет, информационно-коммуникационные технологии, сеть, удаленная занятость, дистанционная работа

Согласно Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации определены семь приоритетных направлений работы, одно из которых – обеспечение эффективной связанности территории страны. Действующий совет по данному приоритету понимает связанность территории следующим образом: «Качество (территории. – *С.П.*), позволяющее осуществлять своевременное и экономически эффективное перемещение людей, грузов, информации» [6, с. 490]. Освоение огромных пространств России всегда было и, к сожалению, остается одной из главных проблем государственного управления. Неравномерность заселения территорий и их развития осложнилась в конце XX в. в связи с упадком ряда региональных центров и общим тяжелым экономическим положением. Однако и с началом нового столетия ситуация не сильно изменилась к лучшему. Точками притяжения людей и капитала остаются крупные города и городские агломерации, в которых проживает свыше 73 млн человек, т.е. чуть более половины всех граждан [7, с. 3]. Более того, это не факт, а тенденция, характеризуемая экспертами как «центростремительный вектор территориального развития» [6, с. 490], следовательно, со временем можно ожидать еще большего обострения проблемы умножения периферийных и заброшенных территорий. Наблюдается переток населения не только из сел в города, но и из небольших городов в более крупные. На уровне городских агломераций существует своя радикальная асимметрия: Москва и Московская агломерация в долевом отношении на порядки опережает максимально приближающийся к ней по комлексу показателей (население, привлеченные инвестиции, ВРП, доходы бюджета, доходы населения и др.) Санкт-Петербург [1]. Все эти процессы приводят к тому, что, во-первых, значительные территории оказываются выключенными из полноценной хозяйственной жизни страны и не имеют перспектив в нее реинтегрироваться. Во-вторых, растет социальное неравенство – по уровню доходов, обеспеченности социальными благами, по количеству социальных возможностей и т.д. В результате нарушается как хозяйственная, так и социальная

связанность страны, что усиливает и ухудшение состояния инфраструктурной связанности территорий.

Инфраструктурная связанность – транспортная, энергетическая и информационная обеспеченность территорий, а также обеспеченность социальными услугами – медицинскими, образовательными, досуговыми и пр., критически важная для межрегионального взаимодействия. Неудовлетворительное ее состояние приводит к устойчивому коммуникационному разрыву в пространственном развитии страны: как отмечают эксперты, «для многих зон российской периферии характерны ограниченная транспортная и электронная доступность, даже вблизи федеральных центров высокоскоростные магистрали все еще остаются редкостью, равно как и устойчивая и гарантированная высокоскоростная широкополосная связь» [6, с. 490].

Все перечисленные проблемы составляют важнейший вызов для такой пространственно протяженной и культурной разнообразной страны, как Россия, понимание чего и отражено в Стратегии научно-технологического развития. В настоящей работе речь пойдет о том ответе на этот вызов, который могут дать информационно-коммуникационные технологии, будучи приложенными к сфере высшего образования.

В 2019 г. Правительство РФ утвердило Стратегию пространственного развития (СПР) страны на период до 2025 г. В ней зафиксированы основные направления по обеспеспечению и улучшению связанности территорий нашей страны, включая развитие транспортной, энергетической и информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, улучшение системы расселения, усиление межрегионального сотрудничества. Важное внимание в документе уделено развитию перспективных центров экономического роста, в том числе посредством формирования научно-образовательных центров мирового уровня [7, с. 21]. Очевидной в свете сказанного выше представляется необходимость сохранять баланс между централизацией и децентрализацией научно-образовательного потенциала страны – это во многом позволит решить вопрос с улучшением системы расселения и выправлением демографических перекосов. Поэтому нужно уделять особое внимание развитию региональных университетов не только топового, но и просто высокого уровня, формируя не только укрупненные научно-образовательные центры, но и сеть качественных учреждений, обеспечивающих подготовку кадров в соответствии с перспективными специализациями соответсвующих регионов (см. текст СПР и приложение № 1 к ней). Экономические связи регионов при этом целесообразно подкреплять образовательными, стремясь не к концетрации всех образовательных ресурсов в немногих местах (отдельных региональных центрах), а к формированию системы взаимодействующих на постоянной основе различных по масштабам и значению центров. Сетевая метафора позволяет увидеть важность наличия не только крупных хабов, но и узлов поменьше, и разветвленной сети связей между всеми узлами – от крупных до весьма скромных по размерам.

Значение образовательной системы для нормального функционирования и развития страны представляется довольно очевидным, но на этом фоне нужно проговаривать, что с началом нового столетия это значение становится критическим. Как отмечают исследователи, фиксируемая зависимость экономического роста от расширения масштабов охвата населения образованием – от начального до высшего – к концу XX в. обнаруживает свою проблематичность [4]. Это засатавлят ставить вопрос об адекватности существующих образовательных структур имеющимся и намечающимся вызовам, в первую очередь обусловленным технологическим развитием. Исследования показывают [8], что подавляющее число профессий в большей или меньшей степени уже начинает испытывать как трансформационные, так и деструктивные эффекты от технологического прогресса и эта тенденция со временем будет только нарастать. Так формируются предпосылки социальной неустойчивости, купировать которые призванная именно система образования – от дошкольного до поствузовского. При этом вузы призваны не только реализовывать некоторые стратегии, но и вырабатывать их, опираясь на собственные научные изыскания и практику, а также мировой опыт. Для этого взаимосвязь опыть-таки должна выстраиваться в сетевой, а не иерархической логике – университеты, как и иные региональные центры – промышленные, оказания социальных услуг и

проч., должны быть связаны не через центр, а непосредственно через общее коммуникационное пространство. С эпистемологической точки зрения, такая организация предпочтительнее ввиду эпистемических (знаниевых) преимуществ. Их можно объяснить при помощи экономической модели «принципал–агент», в которой последний располагает большей информацией, включая локальные и ситуативные знания, которые принципал в принципе не способен аккумулировать. Позволяя информации и знаниям, а также формирующимся с учетом конкретных условий решениям свободно перемещаться между коммуницирующими агентами, мы обспечиваем более благоприятные условия для развития всей системы, повышения ее адаптивности и устойчивости. (Это не отменяет фигуру принципала, но требует пересмотра его функционала.)

Отечественная образовательная сфера, несмотря на яркие примеры того, как государственная поддержка способствует подъему университетов (например, в случае проекта 5-100), глобально демонстрирует инерционность развития, что фиксируется, например, устойчивостью направлений студенческой миграции [2]. Как не формируются в одночасье научные школы, также в одночасье не приобретается авторитет образовательного учреждения. Для сокращения пути к цели, помимо ресурсов, требуются незаурядные организационные таланты руководителей и высокий уровень и энтузиазм всего коллектива. Но существует и еще один фактор ускорения развития. Если образовательная система представляет собой сеть, то чем интенсивнее взаимообмен в ней (например, информацией), тем быстрее развиваются отдельные узлы. Таким образом, и с точки зрения интересов образовательной системы в целом, т.е. сети, связывающей территорию страны в единое пространство, и с точки зрения развития отдельных узлов этой сети, первостепенное значение имеют взаимодействие и взаимообмен.

Помимо знаний, воплощенных в учебной и исследовательской литературе, экспериментальных технологиях, методологических подходах и методиках получения и трансляции знаний, информационных базах и пр., университеты обмениваются знаниями, существующими в виде индивидуального опыта и навыков, включая неявные знания. Обмен такими знаниями происходит в процессе взаимодействия людей, а не потребления людьми некоего информационного контента. Таким образом, университеты должны быть включены в широке коммуникационное поле с разнообразными по характеру взаимодействиями – от официальных контактов и договоренностей до неформального общения.

Развитие цифровых технологий позволяет существенно интенсифицировать коммуникационный процесс, насытить образовательную сеть обменами как объективизированными знаниями и информацией, так и знаниями и навыками, носителями которых являются конкретные специалисты. Благодаря новым технологиям студентами и преподавателям не нужно физически перемещаться в пространстве, чтобы поработать в университетских библиотеках другого города, принять участие в конференции или подключиться к реализации некоторого исследования, организуемым коллективами, которые физически базируются в отдаленных регионах, выступить на экспертном столе, собирающем профессионалов со всей страны, не покидая места работы в своем регионе.

Безусловно, возможность удаленного участия в научной работе и в преподавательской практике зависит от области знания. Удаленная работа в лаборатории выглядит трудно реализуемой в отличие, например, от социологического исследования. Однако организация учебного и исследовательского пространства и дальнейшее развитие технологий позволяют надеяться на расширение числа дисциплин, допускающих реализацию дистантных форм работы.

В России практики удаленного участия будут способствовать интенсификации взаимодействия вузов, а также иных учреждений науки и образования, передаче уникального опыта, усилению связанности университетского и научного сообщества. Для студентов, а также гостей университета вовлечение в учебный и популяризаторский процесс ученых из разных регионов России создает основу для восприятия страны как конкретного, а не абстрактного целого. Возможность удаленного участия в разы повышает число коллег, с которыми можно установить рабочие связи, а значит, повышает и вероятность разнообразных коллабораций.

Это в свою очередь ведет к увеличению числа студенческих обменов, стажировок, случаев межрегионального совместительства. Этот момент имеет первостепенное значение, поскольку академическая мобильность рассматривается сегодня как одна из важных предпосылок не только эффективного функционирования сферы НИР, но и наукоемкой экономики в целом [9].

Заметим, что в сказанном нет противоречия, поскольку практики удаленного участия не могут, не должны и не приведут к онлайнизации взаимодействия. Напротив, они призваны подкреплять и продвигать оффлайн-форматы. Так, переъезд в другой город для стажировки, участия в исследовательском проекте или работы по срочному трудовому договору неизбежно осложняется множеством обстоятельств и в целом требует больших временных, эмоциональных и трудозатрат. Часто даже молодому специалисту не хватает мотивации для того, чтобы принять такое решение. Удаленная работа может сформировать необходимую мотивацию, позволяя наладить рабочие и человеческие контакты. Другими словами, речь идет не о замене традиционной занятости удаленной, но о ее дополнении, в том числе на начальных этапах взаимодействия. Опыт удаленной работы в течение 2020 г. позволяет говорить о неготовности университетского сообщества к полному переходу на дистант не столько в связи с еще не вполне удовлетворительным уровнем технологических решений, сколько ввиду принципиальной невозможности в существенном объеме заменить очные формы удаленными. Вместе с тем частичное замещение уже сегодня оценивается как целесообразное и эффективное. Как представляется, в области образования, как и других сферах «территории человека» [8] (профессии, связанные с реализацией нестандартных операций в подвижной и неструктурированной среде), виртуализация работы на сегодня имеет меньшую базу роста. Непосредственный контакт остается важнейшим, даже критическим, узким местом коммуникации, при исчезновении которого человеческое взаимодействие претерпевает радикальные трансформации. Без живого общения деятельность стандартизируется и упрощается, препятствуя достижению образовательных целей.

Важно, что удаленная занятость должна подкрепляться новыми формами работы с коллективом в целом и каждым сотрудником в отдельности. Так же, как для коммерческих компаний большое число сотрудников на дистанте грозит утерей корпоративной культуры, для университетов виртуализация их деятельности может обернуться не сплочением, а кризисом университетского сообщества. Поэтому необходимо воспроизводить это сообщество в рамках виртуального общения. Надо сказать, что это не всегда требует организации каких-то специфических форм взаимодействия. Так, круглые столы или секции конференций в удаленном режиме могут проходить с бóльшим уровнем вовлеченности участников, чем даже в очным формате, – все зависит от мотивированности участников и их заинтересованности. При этом удаленный режим позволяет увеличить число мероприятий, в которых способен продуктивно участвовать научный работник.

В последующие годы должны отрабатываться оптимальные формы гибридной занятости, которая позволит интенсифицировать межвузовское взаимодействие. Необходимо критически оценить форматы и практики, оперативно развернутые в период пандемии, и продолжать ими пользоваться и в рутинных ситуациях, параллельно вырабатывая нормативы для разных областей знаний, решая технологические и организационные вопросы. Должна быть проработана этика подобной гибридной занятости, нормы поведения и требования к компетенциям профессорско-преподавательского состава и научных работников. Важно отрефлексировать такие аспекты удаленного проведения занятий или участия в конференциях, как оптимальное число присутствующих, разделение участников и слушателей, визуальное присутствие лектора и студентов или участников (проблема «черных окон» в режиме видеоконференции), проведение аттестаций, действия при неудовлетворительной связи и иных технических проблемах и многие другие. Подобные детали и нюансы крайне важны, поскольку определяют комфортность рабочей среды. Этика и эргономика удаленной и гибридной занятости в сфере науки и образования без сомнения станут важнейшими направлениями социогуманитарных изысканий в ближайшие десятилетия.

Не менее важны и навыки сотрудников, от которых требуется адаптироваться к более интенсивной деятельности, большему числу коммуникаций и большей ответственности. Открывающиеся перспективы для индивидуального карьерного продвижения формируют противоречивую ситуацию, субъективно оказывающуюся благоприятной и стрессовой одновременно. Широта возможностей для конструирования профессионального пути увеличивает свободу отдельного субъекта, но в то же время ставит его перед необходимостью совершать множество судьбоносных выборов. Одновременно возрастающее число возможностей реализуется в аналогичном числе кратких контактов и продолжительных взаимодействий с другими людьми, потребностями налаживать общения во множестве различных ситуаций. В целом нельзя не признать, что развитие информационно-коммуникационных технологий изменяет «такой важный аспект организации труда, как совместная деятельность работников, разделенных географическими и временными координатами» [3, с. 57], а в случае университетов речь идет об изменении совместных практик учителя и ученика, наставника и наставляемого, зрелого специалиста и молодого ученого. Возможно лучшему понимаю этих изменений может послужить и предшествующий опыт дистантных форм взаимодействия в области науки и образования [5].

Обозначенное развитие информационно-коммуникационной связанности в сфере образования должно подкрепляться развитием иных направлений инфраструктурной обеспеченности, прежде всего транспортной и оказания социальных услуг. Повышение привлекательности разных регионов для продолжения научной и преподавательской карьеры, а также обучения не может вырастать только из возможности оперативного взаимодействия, минуя пространственные ограничения. Нельзя не солидализироваться с позицией, согласно которой «для обеспечения устойчивого пространственного развития Российской Федерации необходимо сбалансированное и синхронизированное развитие всех типов связанности территории» [6, с 492]. Поэтому вузы должны деятельно участвовать в продвижении широкого ряда проектов, направленных на преодоление территориальной разобщенности. Вместе с тем, повторим, обмен опытом и лучшими академическими практиками и повышение корпоративной солидарности видятся фундаментом такого участия.

Статья подготовлена при финансовой поддержке в рамках выполнения ГЗ (государственного задания) ГАУГН по теме «Современное информационное общество и цифровая наука: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты» (FZNF-2020-0014).

Литература

1. Зубаречич Н.В. Неравенство регионов и крупных городов России: что изменилось в 2010-е годы? // Общественные науки и современность. 2019. № 4. С. 57–70. doi: 10.31857/S086904990005814-7.
2. Кашницкий И.С., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В. Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. 2016. № 3. С. 169–203. doi: 10.17323/1814-9545-2016-3-169-203.
3. Краузе И. Коворкинг как модель занятости будущего // Форсайт. 2019. Т. 13. № 2. С. 52–60. doi: 10.17323/2500-2597.2019.2.52.6.0.
4. Кузьминов Я., Сорокин П., Фрумин И. Общие и специальные навыки как компоненты человеческого капитала: новые вызовы для теории и практики образования // Форсайт. 2019. Т. 13, № 2. С. 19–41. doi: 10.17323/2500-2597.2019.2.19.41.
5. Пирожкова С.В. Категория «молодой ученый» в историко-научном контексте: попытка рациональной реконструкции // Полилог/Polylogos. 2020. Т. 4. URL: https://polylog.jes.su/s258770110013252-9-1/ (дата обращения: 08.01.2021). doi: 10.18254/S258770110013252-9.
6. Погосян М.А., Стрелец Д.Ю., Владимирова В.Г. Связанность территории Российской Федерации: от постановки комплексных задач к формированию комплексных научно-технических проектов // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89, № 5. С. 489–495. doi: 10.31857/S0869-5873895489-495.
7. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р.
8. Фоссен Ф., Зоргнер А. Будущее труда: деструктивные и трансформационные эффекты цифровизации // Форсайт. 2019. Т. 13, № 2. С. 10–18. doi: 10.17323/2500-2597.2019.2.10.18
9. Mangematin V., Robin R. The two faces of PhD students: management of early careers of French PhDs in life sciences // Science and Public Policies. 2003. Vol. 30, No. 6. P. 405–414.

THE ROLE OF DIGITALIZATION IN THE INTENSIFICATION OF INTERREGIONAL UNIVERSITY COOPERATION AND STRENGTHENING THE TERRITORIAL CONNECTIVITY

Sofia V. Pirozhkova, PhD in Philosophy, Associate Professor, State Academic University for the Humanities (Moscow, Russia). E-mail: pirozhkovasv@gmail.com

DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-15

Abstract. Information and communication technologies are very important for the interregional cooperation of universities. The article gives an overview of the current state of connectivity of the territories of the Russian Federation, and considers the place of the educational system in increasing the economic, social, socio-psychological and infrastructural integration of the country. The author states that the development of educational structure, including university level, should be guided by the network model. Active interaction between universities becomes a fundamentally important factor both for the evolution of the system and for the growth of individual educational centers (network nodes). In case of universities, the main resource circulating in the network is knowledge. Digitalization significantly increases both the availability of objectified knowledge in the university system, and the ability to exchange situational, personal and implicit knowledge, because of expansion and transformation of formats of participation in the work of geographically remote institutions. Remote forms of participation can increase the number of interactions, opening new opportunities for sharing experiences, establishing formal and informal relationships, building individual career paths and developing universities' departments. It is proved that remote forms of participation are not able to replace offline interaction, but are intended to serve as an important component, as well as the basis for such interactions.

Keywords: territorial connectivity, digitalization, university, information and communication technologies, network, remote employment, remote work

УДК 378.4 : 004.738 : 005 (082)
DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-16

«ТРЕТЬЯ МИССИЯ» УНИВЕРСИТЕТА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

В.И. Постол, канд. ист. наук, доц., Национальный исследовательский
Томский государственный университет, Томск, Россия, vipostol@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема реализации «третьей миссии» миссии университета в контексте глобального кризиса. Пандемия COVID-19 лишь подчеркнула остроту наступающих перемен. В статье исследованы ключевые этапы эволюции гражданского общества. В неолиберальном мире его стали интепретировать как «третью силу», взаимодействующую с государством, с одной стороны, и экономикой, и частной сферой – с другой стороны. «Новое открытие» гражданского общества совпало с появлением научных исследований, фиксирующих социальный компонент «третьей миссии» университета. В международной практике «третьей миссией» принято называть взаимодействие университетов с бизнесом и гражданским сектором с целью развития экономики и общества. В статье показаны примеры построения индикаторов включенности университета в решение задач городского и регионального развития. Система «индикаторов успешности» направлена не только на анализ устоявшихся показателей реализации «третьей миссии» университета, но и на поиск новых практик взаимодействия заинтересованных сторон. Данное направление дополняется изучением российского опыта реализации «третьей миссии». Выделяются такие ее компоненты, как образование через всю жизнь, экспертная деятельность, удовлетворение культурных и социальных потребностей населения, реализация волонтерских программ. Выявлены особенности участия российских вузов в развитии социально ориентированных НКО и некоммерческого сектора в регионе. Обосновывается идея, что эффективное взаимодействие требует диалогической компетентности субъектов коммуникации. Неразвитость «публичного языка» существенно ограничивает возможности для налаживания конструктивного диалога заинтересованных сторон. Значительное внимание уделяется рассмотрению проблемных аспектов коммуникативного взаимодействия в цифровой среде. В заключение подчеркивается особая роль университета в жизни регионального сообщества. Университет – ценностно-ориентированный субъект гражданского общества, его миссия заключается в гуманитарном консультировании стратегии инновационного развития.
Ключевые слова: переломный момент, «третья миссия» университета, гражданская компентность

Примерно каждые полвека в странах ядра мирового хозяйства происходит технологическая революция, радикально меняющая институциональный дизайн. Революционные изменения не ограничиваются экономикой, они прокладывают свою дорогу в сферы идеологии и политики. Переломный момент – время осмысления проблем общественного развития. Особенности текущего переходного периода заключаются в том, что мир переживает смену глобальной эпохи. С тех пор, как COVID-19 вышел на мировую арену, он резко разрушил существующий сценарий мирового развития. Причем, пандемия лишь подчеркнула остроту наступающих перемен. Мы находимся на перепутье, утверждают авторы «COVID-19: Великая перезагрузка» [14]. В контексте современных тенденций происходит и переосмысление роли университета в современном обществе.

Развитие идеи гражданского общества

В современные европейские языки термин «гражданское общество» вошел в XVI в. как синоним «политического сообщества» Аристотеля. В трудах мыслителей Нового времени достижения античной мысли были пересмотрены. В свете новых фактов стала оформляться дихотомическая модель «государство – гражданское общество». Немецкий философ Г. Гегель провел грань между «политическим» и «гражданским» обществом. Гражданское общество стало пониматься как общество бюргерское, буржуазное (bürgerliche Gesellschaft). Краеугольный камень гражданского общества – частная собственность. Вокруг нее аккумулируются такие институты, как предпринимательство, наука, культура, сфера образования. Рож-

дается экономическая форма социального капитала, обеспечивающая доверие между гражданами и между гражданами и государством. Общества, структурированные обезличенной формой социального капитала, признают образование «и абстрактных категорий (граждане), и безличных процедур (власть закона)» [12, с. 55]. В идеале – гражданские ассоциации не имеют никаких общих целей, кроме тех универсальных правил, которые всеми должны соблюдаться во имя реализации общественных и личных интересов.

Время переосмысления и пересоздания моделей гражданского общества пришло после мирового энергетического кризиса 1970-х гг., когда элиты ядра мировой системы совершили нелиберальный поворот от кейнсианства к неомонетаризму. Радикальное изменение стратегии экономического развития обусловило «сжатие» социального государства [13]. В новом контексте отношения между неолиберальным государством и гражданским обществом были реорганизованы: гражданское общество стало определяться как «третья сила», взаимодействующая с государством, с одной стороны, и экономикой, и частной сферой – с другой стороны. Неправительственные организации росли и множились, заполняя «вакуум социального обеспечения, оставшийся после ухода из этой области государства» [там же].

Трехчастная модель была предложена и странам-реципиентам неолиберальных реформ. На рубеже 1980–1990-х гг. гражданское общество понималось как сила, противодействующая коммунистическому государству. После крушения коммунизма российское гражданское общество получило значение третьего сектора и помощника государства. Опыт демократических переходов свидетельствует о том, что в либерализованных авторитарных государствах гражданское общество приходит в движение не сразу, а «слой за слоем». Различные группы, ассоциации и организации мобилизуются друг за другом не сливаясь при этом в единую массу, как это случалось в предшествующий популистский период. Форумы гражданского общества становятся уже не массовыми, а публичными, составляя в совокупности новую среду, позволяющую улучшить качество вовлечения граждан в демократический процесс [4, с. 81–82]. При формировании предпочтений внутри гражданского общества для получения более разумных результатов не имеет смысла требовать более широкого участия. В связи с этим, представляется обоснованным предположение американского логика и философа Х. Патнэма об универсальном разделении лингвистического труда.

Лингвистическому сообществу свойственно разделение труда на виды, связанные со знанием и использованием различных аспектов значения слова. В любом таком сообществе используется хотя бы несколько терминов, с которыми связаны «критерии», известные только одной подгруппе носителей языка. Употребление этих терминов остальными людьми предполагает их сотрудничество с носителями языка из соответствующих подгрупп. В случае сомнения другие люди могли бы положиться на суждения этих «экспертов». В результате специальные значения слова становятся частью его общественного значения [4, с. 81–82]. Иными словами, с ростом количества участников сообщества представление об общественном интересе все меньше зависит от прямого опыта и все больше – от абстрактных выкладок и предположений, в том числе, научного характера. Проводники влияния здесь – гражданские ассоциации и дискуссии в интеллектуальных кругах, позволяющие открыто рассуждать об общественных делах и публично выступать в защиту обоснованных интересов.

«Третья миссия» университета: модели измерений

В международной практике «третьей миссией» принято называть взаимодействие университетов с бизнесом и гражданским сектором с целью развития экономики и общества. Традиционно за университетами было закреплено две функции: обучение и научно-исследовательская деятельность. Начиная с 1960-х гг. стали появляются научные исследования, описывающие новые модели развития университетов: «предпринимательский, исследовательский, инновационный, корпоративный» [11]. С 1970-х гг. исследователями стал фиксироваться социальный компонент «третьей миссии» университета. Так, П. Монтесинос,

Ж.-М. Карот, Ф. Мора выделяют три движущих фактора, лежащих в основе «третьей миссии»: «социальный, предпринимательский и инновационный». По оценке исследователей, социальная направленность деятельности университетов так же важна, как и коммерциализация научного знания или разработка программ непрерывного образования. Новая стратегия основывалась на действиях в трех различных направлениях: непрерывное (продолженное) образование, трансфер технологий и развитие инноваций, вовлеченность университетов в социальную жизнь [6].

Оценка включенности университета в решение актуальных проблем развития региональных (городских) сообществ осуществляется на основе построения различных моделей «индикаторов успешности». Примерами построения индикаторов включенности университета в решение задач городского и регионального развития могут послужить доклад «расселовской группы» (Russell Group) и модель критериев сравнительного анализа Совета по финансированию высшего образования Англии (HEFCE).

В рамках понимания проблемы, заданных докладом Рассела, третья миссия определяется как обмен знаниями и эффективное взаимодействие с бизнесом и гражданским сектором на благо развития экономики и общества. Всего выделяется 5 «способностей» университета – знание, мощности, исследования, образование и коммуникации – и 12 «направлений» деятельности, каждому из которых соответствует свой набор индикаторов. В докладе подчеркивается, что основные индикаторы должны быть связаны с развитием различных видов деятельности, а не с результатами их выполнения. Поэтому индикаторы «расселовской группы» лишь косвенно отвечают на вопрос об успешности участия университета в социальной жизни региона. В то время как с точки зрения решения насущных проблем регионального развития именно результаты реализации «третьей миссии» являются основанием для принятия административных и управленческих решений [3].

В свою очередь, модель, представленная Советом по финансированию высшего образования Англии (HEFCE), сосредоточена не на «способностях» и «направлениях», а на том, как оценить реальный вклад университета в решение региональных проблем. В основу данной модели заложены 7 групп индикаторов: региональная инфраструктура; человеческий капитал; развитие бизнеса; интерактивное образование и социальный капитал; перераспределение благ; культурное развитие; поддержка устойчивого развития. Эти группы индикаторов обозначаются как «процессы», которым соответствуют свои критерии сравнительного анализа. Например, группа «Развитие человеческого капитала» посвящена анализу образовательных услуг; группа «Поддержка региональной инфраструктуры» включает индикаторы, которые позволяют выявить и предпринять необходимые шаги по устранению актуальных проблем социально-экономического развития региона [там же].

В результате была создана система индикаторов, направленная не только на анализ устоявшихся показателей реализации «третьей миссии» университета, но и на поиск новых практик взаимодействия заинтересованных сторон. Конечно, не все факторы и аспекты зарубежного опыта референтны по отношению к российским реалиям, то они позволяют точнее определить основные направления деятельности российских университетов в реализации «третьей миссии». Наибольшее развитие получают, например, такие ее компоненты как образование через всю жизнь, экспертная деятельность, удовлетворение культурных и социальных потребностей населения, реализация волонтерских программ [11]. Внедряется модель участия российских вузов в развитии социально ориентированных НКО и некоммерческого сектора в регионе. Модель состоит из пяти элементов: образовательная поддержка развития НКО и некоммерческого сектора; консультационная поддержка НКО; информационно-аналитическое обеспечение развития некоммерческого сектора и рынка услуг в социальной сфере; имущественная поддержка деятельности и проектов НКО; кадровая поддержка организаций некоммерческого сектора [2].

Любопытно, что реализация данной модели предполагает прохождение двух этапов - подготовительного и основного. Необходимость подготовительного этапа обусловлена недо-

статочной «погруженностью» заинтересованных сторон (стейкхолдеров) в процессы развития некоммерческого сектора экономики региона, а также их слабым взаимодействием. Рекомендовано на базе вуза провести серию коммуникативных и переговорных площадок, круглых столов для коммуникативного взаимодействия. Основной этап создания центра будет связан с созданием на базе вуза всех элементов вышеуказанной модели [там же]. Далее мы рассмотрим некоторые аспекты диалогического взаимодействия в различных социокультурных пространствах.

Проблемы гражданской компетентности

В последнее время диалог власти и общества постепенно смещается в пространство цифровой публичной сферы. Цифровая реальность становится новым слоем повседневной жизни все большего числа людей. В эпоху BigData появились надежды на «перезапуск» демократии, возрождение широкого народовластия. Однако вместо единой информационной вселенной на наших глазах появилось бесчисленное множество замкнутых мини-площадок для общения людей, вовлеченных в коллективное политическое действие. Цифровая публичная сфера стала похожа на «лоскутное одеяло» разных акторов и смыслов. Парадокс ситуации в том, что политическую борьбу ведут люди, заряженные и мотивированные, но использующие людей случайных, не обладающих достаточными когнитивными ресурсами для понимания происходящего.

Изменения масштабности общественной жизни требуют новых технологий коммуникации. В связи с этим актуальным концептом западной политической философии последних лет является аудиальная демократия. Среди теоретиков данного направления – С. Бикфорд, Э. Добсон, Дж. Драйзек и др. В рамках данной концепции слух понимается не как физиологическая особенность человеческого организма, а как активная политическая практика и добродетель. Нормативный идеал аудиальной демократии предполагает смещение внимания с субъекта публичной речи на нашу способность слышать друг друга. Недостаточно просто дать голос – надо сделать его слышимым (render voices audible). Властные механизмы реализуются в умении *не слышать* определенные способы выражения. Слух не решает конфликтные ситуации, но является необходимой предпосылкой для восприятия и понимания речи «Другого» [1].

По оценке исследователей, «развитие слуховых практик могло бы помочь современному обществу быть более инклюзивным и лучше артикулировать различия в публичной сфере» [там же].

Эффективное взаимодействие требует диалогической компетентности субъектов коммуникации. В каждой стране имеются свои социокультурные детерминанты поведения граждан, обусловленные особенностями цивилизационного развития. Анализ общественных дискуссий в российском обществе свидетельствует о неразвитости публичного языкового регистра (регистр – языковая система, предопределяемая параметрами ситуации общения). В современном русском языке хорошо разработаны два языковых регистра: официальный («авторитарный монолог») и приватный (неофициальный «кухонный» язык). Неразвитость публичного регистра приводит к тому, в ситуациях востребованности публичного языка, роль последнего играют либо официальный, либо приватный языковые регистры. Не приходится удивляться, что при обсуждении насущных проблем нередко возникает коммуникативный ступор («публичная немота»), что существенно ограничивает возможности для налаживания конструктивного общественного диалога [10].

Формирование гражданской компетентности – это скорее культурные, нежели политические процессы. Гражданская компетентность («по-европейски») понимается как «совокупность квалифицирующих предпосылок как для того, чтобы реализовывать права, так и для того, чтобы исполнять обязанности, которые обусловлены статусом гражданства» [7]. Если российское общество намерено обеспечить использованию демократических механизмов, оно должно обеспечить восполнение пробелов в структуре человеческого потенциала – ти-

пах навыков, наборе знаний. Человеческий капитал (ресурсы знаний) – это продукт системы образования.

Не будет преувеличением сказать, что ведущую роль в деле формирования демократической субкультуры призван взять на себя университет. Как демократический социальный институт он может выполнять двуединую задачу: обеспечивать прирост «нового» человеческого потенциала, а также способствовать созданию соответствующих условий для надлежащего использования этого потенциала.

Литература

1. Вайзер Т. Аудиальная демократия: включение неслышимых субъектов в политическое сообщество // Логос. 2015. Т. 25, № 6 (108). URL: http://logosjournal.ru/arch/84/108_10.pdf (дата обращения: 29.01.2021).
2. Коротеева О.В. [и др.] Вуз как центр развития некоммерческого сектора и СО НКО (модель участия вуза в развитии СО НКО и некоммерческого сектора в регионе) // Всероссийская конференция «Университеты как центры развития гражданского общества» : сборник материалов. М., 2019. URL: https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/319393620.pdf (дата обращения: 29.01.2021).
3. Головко Н.В., Зиневич О.В., Рузанкина Е.А. Третья миссия университета и модель многопользовательского управления для регионального развития // Сравнительная политика. 2018. Т. 9, № 1. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Sravnitelnaya_politika/2018_ 01/1.pdf (дата обращения: 27. 11.2020).
4. Коэн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М. : Весь Мир, 2003. 784 с.
5. Леконт П. Осмысление гражданского общества. Историческая конструкция политической репрезентации общества // Материалы семинара «Гражданское общество и общественное развитие». М., 2000. URL: http://www.milrf.ru/conference/cm_0105/01fr_lekont.htm (дата обращения: 21.01.2021).
6. Мархл М., Паусист А. Методология оценки третьей миссии университетов // Непрерывное образование: XXI век. 2013. Вып. 1. URL: https://lll21.petrsu.ru/journal/article.php?id=1949 (дата обращения: 21.11.2020).
7. Мюнклер Х. Гражданская компетентность. URL: http://www.academy-go.ru/Site/GrObsh/Publications/Munkler1.shtml (дата обращения: 30.01.2021).
8. Патнэм Х. Философия сознания / пер с англ. М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. 240 с.
9. Салменниеми С. Теория гражданского общества и постсоциализм // Журнал исследований социальной политики. 2009. № 7 (4). URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/05/06/1268031574/S.Salmenniemi_Teoriyz_grajd.obva.pdfhttps://lll21.petrsu.ru/journal/article.php?id=1949 (дата обращения: 10.01.2021).
10. «Синдром публичной немоты»: история и современные практики публичных дебатов в России / отв. ред. Н.Б. Вахтин, Б.М. Фирсов. М. : Новое литературное обозрение, 2017. URL: https://iknigi.net/avtor-kollektiv-avtorov/145914-sindrom-publichnoy-nemoty-istoriya-i-sovremennye-praktiki-publichnyh-debatov-v-rossii-kollektiv-avtorov/read/page-1.html (дата обращения: 12. 11.2020).
11. Сорокин С.Э. «Третья миссия» университетов: социально-философский анализ : автореф. дис. … канд. филос. наук. Архангельск, 2020. URL: https://narfu.ru/upload/iblock/334/Sorokin-Avtoreferat-izdatelskiy.pdf (дата обращения: 21.01.2021).
12. Урбан М. Формы гражданского общества: Политика и общественные отношения в России // Пушкин. 2009. № 3. С. 53–56.
13. Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М. : Поколение, 2007. URL: https://www.academia.edu/26732124/Краткая_история_неолиберализма_Актуальное_прочтение_Дэвид_Харви_2007_pdf (дата обращения: 21.12.2020).
14. Шваб К., Малере Т. COVID-19: Великая перезагрузка. URL: https://www.litlib.net/bk/135579/read (дата обращения: 17.01.2021).

UNIVERSITY'S "THIRD MISSION": PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

Vladimir I. Postol, PhD in History, Associate Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: vipostol@mail.ru

DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-16

Abstract. This article deals with the problem of implementing the "third mission" of the university during the global crisis. The COVID-19 pandemic became the turning point to comprehend the problems of social development. We examine the key stages in the evolution of the civil society. In the neoliberal world, it began to be interpreted as a "third force" interacting with the state, on the one hand, and the economy and the private sphere, on the other. The "new discovery" of civil society coincided with the emergence of scientific research fixing the social component of the "third mission" of the university. In international practice, the "third mission" is usually defined as the interaction of universities with business and the civil sector to develop the economy and society. The article shows examples of constructing indicators of the university's involvement in solving problems of urban and regional development. The special role of the university in the life of the regional community is emphasized. The university's mission is to provide humanitarian advice to the strategy of innovative development.

Key words: turning point, "third mission" of the university, civic competence

УДК 378.4 : 004.738 : 005 (082)
DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-17

ЦИФРОВОЙ ИМИДЖ ТОМСКА КАК СТУДЕНЧЕСКОГО ГОРОДА В УСЛОВИЯХ СНИЖЕНИЯ МОБИЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ФОКУС-ГРУППЫ)

Д.И. Спичева, канд. филос. наук, доц., Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, speecheva@mail.ru

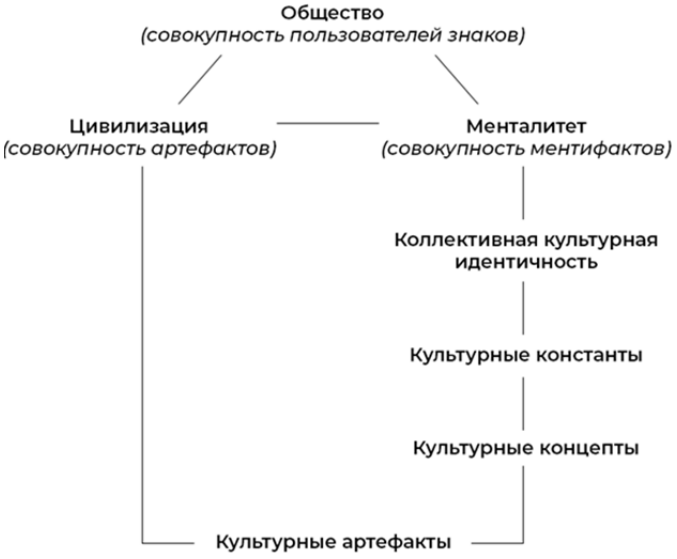
Д.Ю. Свиридова, магистр, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, diasvi@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросу использования визуализации культурных концептов и артефактов в создании цифрового имиджа г. Томска как студенческого города. Авторы считают, что артефакты как выражение культуры конкретного общества могут привлечь внимание потенциальных абитуриентов университета на возможности виртуальной интернационализации. Для их выявления была проведена онлайн фокус-группа, данные которой были проанализированы с помощью описательных и аналитических методов. В результате исследования определены культурные артефакты, концепты и константы г. Томска и Сибирского региона. Культурными концептами Томска являются: «студенчество», «история» и «инновации», а культурной константой Томска словосочетание: «вековая молодость». Культурными концептами Сибири выступают природа, многонациональность, народные промыслы, а культурной константой Сибири - «разнообразие».
Ключевые слова: цифровой имидж, студенческий город, интернационализация, Томск, Сибирь

До пандемии COVID 19 интернационализация университетов во всем мире набирала обороты. Под интернационализацией образования (иначе – международное образование) понимается встраивание международного и межкультурного измерения как в содержание образовательной программы, так и в преподавание, обучение, оценивание и систему организационного сопровождения учебного процесса.

Вспышка короновирусной инфекции по понятным причинам привела к снижению мобильности студентов и, как следствие, падению темпов интернационализации. Между тем этот показатель остается значимым критерием конкурентоспособности университетов. Университеты оказались в состоянии еще большей конкуренции: часть потенциальных иностранных абитуриентов изменила свое намерение поступать в зарубежные университеты. И университеты вынуждены искать новый сценарий международного образования. Ими может стать предоставление иностранным студентам уникального опыта интернационализации: погружение в среду территории (страны, региона, города), реализующей образовательную программу, знакомство с ее историей и культурой, полноценное (пусть и опосредованное цифровыми средствами) общение с преподавателями и одногруппниками. Мы предположили, что эти задачи может решить формирование цифрового имиджа университета с использованием визуализаций культурных констант, концептов и артефактов, которые будут способствовать увеличению уровня заинтересованности иностранных абитуриентов. И попробовали создать с их помощью цифровой имидж г. Томска как студенческого города.

Культура является предметом исследования различных научных дисциплин: культурологии, социальной философии, социальной психологии, филологии, гуманитарной информатики и др. В рамках данной работы в качестве методологического подхода к пониманию культуры используется авторский интегративный подход, сочетающий в себе теорию коллективной культурной идентичности (Е.П. Матузкова, О.Н. Астафьева), концепцию культурных констант и концептов (Ю.С. Степанов), а также положения культурной антропологии и семиотики культуры (Ю.М. Лотман, Р. Познер), проиллюстрированный на следующей схеме:



Ментифакты культуры Р. Познер определяет как те идеи и ценности, которыми представители общества руководствуются в повседневной жизни [6], что близко к социологическому пониманию основ культурной идентичности общества: «коллективная культурная идентичность – это самосознание общности, выступающее как динамическая информационно-знаковая система, являющаяся результатом саморефлексии – конструирования и представления единства общности как самобытного целого на основе культурных ценностей, норм, установок и стереотипов» [4].

На основе же культурной идентичности общества можно выделить его культурные константы и концепты. В культурологии константы являются выражением картины мира, результатом осмысления обществом своей связи с мирозданием. При этом само слово «константа» употребляется в своем качественном значении – «самое значимое», «системообразующее», а не в буквальном – «непреходящее», «неизменное». Культурные константы зачастую не осознаются их носителями и «не существуют без «свиты» концептов, являясь перекрестьем их смыслов и отношений» [5, с. 40].

Концепт в представлении Ю.С. Степанова – «основная ячейка культуры в ментальном мире человека; …пучки представлений, знаний, переживаний, ассоциаций; …это сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [5, с. 40]. При этом «в отличие от понятий в собственном смысле термина концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений». Концепты в культуре не существуют в «чистом виде», они неизбежно взаимодействуют. Они существуют своеобразными «кластерами», группируясь около «базовых» или ключевых констант.

Так как к ключевым концептам культуры зачастую относятся абстрактные имена (например, совесть, судьба, воля, грех, закон, свобода, интеллигенция и т.п.), то необходимо существование материальных или нематериальных объектов, являющихся их способом выражения – культурных артефактов. Отметим, что культурные артефакты не обязательно имеют физическую форму, и могут быть представлены не только как овеществленные объекты (в том числе и как виртуальные, цифровые). В рамках широкой концепции текста Ю.М. Лотмана каждый артефакт с функцией и закодированным сообщением может рассматриваться как текст.

Таким образом, именно артефакты как выражение культуры конкретного общества могут лечь в основу цифрового имиджа университета, акцентирующего внимание потенциальных абитуриентов на возможности виртуальной интернационализации.

Для выявления актуальных культурных констант, концептов и культурных артефактов Томска как сибирского города была проведена онлайн фокус-группа, участие в которой приняли 97 человек в возрасте от 21 до 37 лет, 55% – женщины и 45% – мужчины.

В качестве первого вводного вопроса участникам было предложено рассказать, *чем могут быть интересны Томск и Сибирь иностранцам*. Все участники исследования отметили, что регион несомненно интересен для международной аудитории. Были отмечены такие факторы как история города, природные условия региона, архитектура и особенная атмосфера города. На уточняющий вопрос «в чем раскрывается атмосфера города» были указаны небольшие размеры города, а также дух студенчества, молодости и прогресса.

Следующий вопрос апеллировал к фантазии респондентов и звучал так: «*Представьте, что рассказываете о Томске человеку, который никогда раньше о нем не слышал. Что бы вы обязательно упомянули в своем рассказе?*». Самыми популярными среди ответов были упоминания сохранившегося деревянного зодчества, которым славится город, 6 университетов и большое количество студентов (каждый восьмой житель города – студент). В процессе ответов Томск несколько раз был назван «университетским городом». Также участники фокус-группы назвали реку Томь и легенду, связанную с ней, легенду о старце Федоре Кузьмиче, памятник А.П. Чехову и цикл книг «Волшебник изумрудного города» А.М. Волкова.

В ответах на вопрос: «*Какие особенности, традиции, истории, факты, легенды, памятники, праздники приходят вам в голову, когда вы думаете о Томске*?», - список культурных артефактов был дополнен образом святой Татьяны (покровительницы студентов) и связанными с ним праздником Татьянин день и памятником Татьяне, установленным в центре Томска; студенческой традицией красить сапоги памятнику С. Кирова; камнем основания города и деревянным острогом; Московским и Иркутскими трактами, «пронизывающими город»; Академгородком; особой экономической зоной; научными открытиями томских ученых; форумом «UNOVUS» и фестивалем уличной культуры «Street Vision». Также было отмечено, что для иностранных граждан были бы также интересны такие культурные особенности как «КВН» и практика студенческих стройотрядов.

Также респондентам было предложено *описать Томск, с точки зрения того, если бы он был человеком*. Все без исключения участники фокус-группы ответили, что это молодой человек – студент. В образе мужчины город преставился 77% респондентов. Этот человек был охарактеризован с помощью таких качеств, как ум, сообразительность, прогрессивность, приветливость, жажда новых знаний, стремление к развитию, озорство, некоторая старомодность и консервативность, мобильность, креативность, приближенность к природе. Большинству респондентов студент представляется в очках и с ноутбуком, он – симпатичный, худой, улыбающийся.

На просьбу *охарактеризовать Томск тремя словами* респонденты ответили так: «студенты», «история», «уют», «развитие», «университеты», «традиции», «молодой», «приветливый», «комфортный», «молодежь», «университеты», «домашний», «город студенчества и науки», «сочетание нового со старым», «город деревянного зодчества».

В заключении в формате мозгового штурма участникам предлагалось найти *слово, словосочетание или фразу, в которой был бы выражен характер города*, что обобщило бы вышеназванные культурные особенности. В результате обсуждения были предложены следующие варианты: «город молодости, который помнит прошлое», «город-университет с историей», «Сибирские Афины», «умный город», «студенческая столица России», «город легенд».

Следом за блоком вопросов про Томск респондентам были заданы вопросы, посвященные выявлению культурных констант, концептов и артефактов Сибири. На вопрос: «*Что приходит вам в голову первым делом, когда мы говорим о российской Сибири?*», – были названы природные особенности региона (снег, тайга, медведи, горы и равнины, кедр, Васюганские болота) и разнообразие проживающих в регионе народов и конфессий.

В качестве *особенностей, традиций, историй, фактов, легенд, памятников и праздников, характеризующих Сибирь*, были названы природные ресурсы (нефть и газ); резко конти-

нентальный климат (зимой снег, а летом – жара); огромные просторы; дикоросы; мёд; шуба и шапка; реки и озера (самое главное из которых – Байкал); Таловские чаши; завоеватель Сибири Ермак; монгольские завоевания; коренные народы Сибири; сибирские шаманы; народные промыслы (пушнина, ткачество); фестиваль «Праздник Топора».

В процессе олицетворения Сибири большинство респондентов посчитало, что это, скорее всего, женский образ. Сибирь была названа «матерью», «кормилицей». В описании портрета отмечались такие качества, как щедрость, суровость, чарующая красота, таинственность. При этом одними респондентами она была описана как «добрая полная женщина, доброжелательная и хлебосольная, настоящая хозяйка», а другими, как «строгая, выносливая, с твердым характером, настоящая русская женщина». В то же время было и представление Сибири в мужском образе: «сильный мужчина, не боится трудностей, серьезный, с чувством юмора».

Респондентам было предложено *охарактеризовать Сибирь тремя словами*, в ответ на что были получены следующие варианты: «богатая, разная, суровая», «простор, тайга, болота», «богата природными ресурсами», «не для слабаков», «регион с характером», «мороз, ресурсы», «мороз, жара, ресурсы».

Завершить фокус-группу участникам предлагалось в формате мозгового штурма – необходимо было определить *слово, словосочетание или фразу, в которой был бы отражен характер Сибири*, что обобщило бы вышеназванные культурные особенности. Были сформулированы следующие варианты: «сказочный край», «необъятные просторы», «разные вместе», «природа с историей и характером», «многообразие».

Полученные в рамках фокус-группы первичные данные были проанализированы с помощью описательных и аналитических методов. В результате были сформулированы культурные артефакты, концепты и константы г. Томска и Сибирского региона.

Культурные артефакты г. Томска можно разделить на три группы:

– связанные со студенчеством (6 университетов, каждый восьмой житель города – студент, образ святой Татьяны – покровительницы студентов, традиция красить сапоги памятнику Кирова, стройотряды, КВН);

– связанные с историей города (деревянное зодчество, легенды о старце Федоре, Таяне и Томе, камень основания города и деревянный острог, Московский и Иркутский тракты);

– связанные с развитием и наукой (Академгородок, форум «UNOVUS», особая экономическая зона технико-внедренческого типа, бизнес-инкубаторы, открытия томских ученых).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что культурными концептами Томска являются: «студенчество», «история» и «инновации». Культурная же константа, объединяющая их: «город молодости, который помнит прошлое». Действительно, молодость ассоциируется и со студенчеством, и с развитием. Прошлое же можно представить «вековой историей». Таким образом, культурной константой Томска, можно назвать словосочетание: «вековая молодость».

Анализ культурных артефактов Сибири позволил нам выявить три ее культурных концепта:

– природа (просторы, тайга, горы и равнины, кедр, мёд, резкоконтинентальный климат климат, Васюганские болота, Байкал, природные ресурсы);

– многонациональность (коренные народы Сибири, многоконфессиональность, сибирские шаманы);

– народные промыслы (пушной промысел, береста, ткачество, сбор дикоросов, фестиваль «Праздник Топора»).

Фразы респондентов, охарактеризовавших Сибирь как «разные вместе» и «многообразие», навели на мысль о культурной константе Сибири – «разнообразие».

Выявленные культурные артефакты, концепты и константы могут стать основой визуализации г. Томска как сибирского студенческого города и использоваться для продвижения университетов, расположенных в этом регионе.

Литература

1. Астафьева О.Н. Национально-культурная идентичность в условиях глобализации: сложный вектор развития // Вестник МГУКИ. 2016. № 5 (73). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-kulturnaya-identichnost-v-usloviyah-globalizatsii-slozhnyy-vektor-razvitiya (дата обращения: 04.01.2021).
2. Культурные концепты и константы // Myfilology.ru – информационный филологический ресурс : [сайт]. URL: https://myfilology.ru//149/kulturnye-konczepty-i-konstanty/ (дата обращения: 6.01.2021).
3. Лотман Ю.М. Статьи по типологии культуры : материалы к курсу теории литературы. СПб. : Академический проспект, 2002. 542 с.
4. Матузкова Е.П. Культурная идентичность: к определению понятия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2014. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-identichnost-k-opredeleniyu-ponyatiya (дата обращения: 08.01.2021).
5. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М. : Академический проект, 2001. 990 с.
6. Posner R. Basic Tasks of Cultural Semiotics // Signs of Power - Power of Signs. Essays in Honor of Jeff Bernard / eds. by Gloria Withalm, Josef Wallmannsberger. Vienna : INST, 2004.

DIGITAL IMAGE OF TOMSK AS A STUDENTS' CITY IN RESPONSE TO DECREASING THE STUDENTS' MIBILITY (BASED ON THE FOCUS-GROUP)

Dina I. Spicheva, PhD in Philosophy, Associate Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: speecheva@mail.ru
Sviridova, Diana Yu., MA in Communications, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: diasvi@mail.ru

DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-17

Abstract. Visualization of cultural concepts and artifacts is used in creating the digital image of Tomsk as a students' city. The authors believe that artifacts as an expression of the culture of a particular society can attract the attention of potential university applicants to the possibility of virtual internationalization. An online focus group was conducted to identify these artifacts, and the data were analyzed using descriptive and analytical methods. As a result of the research, the authors identified cultural artifacts, concepts and constants of the city of Tomsk and the Siberian region. The cultural concepts of Tomsk are "students", "history" and "innovations"; and the cultural constant of Tomsk is the phrase "centuries-old youth". The cultural concepts of Siberia are "nature", "multinationality", "folk crafts", and the cultural constant of Siberia is "diversity".
Keywords: digital image, student city, internationalization, Tomsk, Siberia

УДК 378.4 : 004.738 : 005 (082)
DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-18

ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКСПЛУАТАЦИИ ИНФРАСТРУКТУРЫ КОМПЬЮТЕРНЫХ УЗЛОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОСТПАНДЕМИИ

К.С. Ткаченко, инженер 1-й кат., Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, KSTkachenko@sevsu.ru

Аннотация. В настоящей работе рассматривается организация эксплуатации инфраструктуры компьютерных узлов образовательного учреждения в условиях постпандемии на основе моделирования отдельных компьютерных узлов. Для этого удобно использовать аналитические модели систем массового обслуживания. Эксперт по аналитическим оценкам может принять решение о необходимости проведения корректировки производительности *эксплуатируемого компьютерного узла.* Полученный подход найдет свое место при организации планирования инфраструктуры и ее совершенствования в образовательных учреждениях.
Ключевые слова: дистанционные технологии, компьютерный узел, образование

Степень применения дистанционных технологий в образовании непрерывно и необратимо возрастает как во время эпидемии, так и после нее [1]. Обучение должно происходить в непрерывном режиме, поэтому эта степень отражается на интенсивности внедрения в учебный процесс. Снимаются ограничения на расстояния до субъектов образовательной деятельности и физические границы, и прочие сопутствующие препятствия. Способность адаптироваться к совершенствованию дистанционных образовательных технологий является жизненно необходимой для всех образовательных учреждений. Качество предоставляемых услуг в дистанционной форме основывается на эффективности их предоставления. Поэтому необходимы высокая готовность цифровой инфраструктуры, при этом часть нагрузки может ложиться на облачные системы, а также доступные внешние сервисы. На этапе реализации услуг исключаются ситуации перегрузки. Правильное применение цифровых технологий делает предоставление услуг не только доступными, но и эффективными по затратам на них. В частности, для опосредованного взаимодействия с обучающимися на расстоянии для диагностики их достижений необходимо активно использовать педагогическое тестирование. Для этого потребуется обработка больших объемов и потоков информации в цифровых компьютерных сервисах.

В условиях пандемии требуются особые подходы к планированию, реализации и анализу всех процессов, лежащих в основе образовательных проектов [2]. При таких условиях требуется перепрофилирование выполняемых работ. Объективная оценка полученных знаний в контролируемой среде обучения повышает надежность и понятность. Применяемые симуляционные модели позволяют производить отработку в незнакомых условиях, в частности, на неизвестном ранее оборудовании, организовывать меры для решения практических задач. Развитие профессиональных навыков, в том числе, для взаимодействия в рамках коллектива, адаптируется с учетом современных диагностических процедур. При проведении занятий на основе имитации возможна корректировка процесса обучения. Планирование обучения на основе симуляции и последующий анализ результатов ложится в основу определения приоритетов для изменения деятельности по управлению дистанционным обучением. Динамическое изменение ситуации в условиях пандемии повышает эффективность возможных решений для оптимизации работы учебных заведений с использованием дистанционных образовательных технологий. В частности, меняется востребованность различных учебных материалов и учебно-тренировочных площадок. Возникающее при этом изменение использования оборудования влияет на роли и обязанности исполнителей, поэтому требуется регулярный контроль.

Устойчивая деятельность организаций различных видов в условиях пандемии меняет эти организации, делает их «гибридными» [3]. Дистанционный формат работы позволяет противостоять инфекционным угрозам, но затрудняет адекватное и оперативное реагирование на изменение ситуации. Предоставление различных услуг организациями осуществимо лишь при наличии средств поддержки информационных технологий на основе экспертных оценок об их функционировании.

Поэтому автоматизация образовательной деятельности на основе информационных технологий требует сокращения разрыва между уровнем используемого компьютерного оборудования и обеспечения управленческой деятельности [4]. Модернизация, которая в других случаях позволяет достичь этого, в случае учебных заведений неприменима, поскольку используемые средства ориентированы, в основном, на коммерческие и производственные организации. Это отражается на том, что, в частности, решения по автоматизации могут привести не только к росту объемов обрабатываемых данных, но и к увеличению количества востребованного вспомогательного персонала. Инфраструктура образовательного учреждения также изменяется, чтобы учесть необходимые для автоматизации информационные потоки. Для организации процессов автоматизации образовательной деятельности можно использовать модели, по которым производится информационный анализ о результатах внедрения и эксплуатации компьютерного оборудования. Модели должны учитывать активность использования оборудования в различных сферах учебного процесса, в том числе, в управленческой деятельности. В результате автоматизации образовательной деятельности, обычно, возрастает эффективность работу сотрудников организации. Эту эффективность можно измерить по конкретным количественным факторам. После чего можно поставить и решить оптимизационные задачи для повышения эффективности.

Степень использования компьютерных технологий в образовательном учреждении можно определить на основе статистических данных [5]. Эти данные являются результатом обобщения различных накопленных сведений, полученных от разноуровневых групп источников. Большое количество групп источников является необходимым условием для разнообразия этих статистических данных, поскольку детальный анализ становится возможным лишь при наличии верно выбранных индикаторов. В частности, результаты эксплуатации компьютерного оборудования и программного обеспечения для него должно наблюдаться не изолированно, а с учетом взаимодействия со многими внешними учреждениями. Использование информационных технологий в сфере образования является несколько более специфичным, чем, например, в коммерческих организациях. Поэтому набор индикаторов для таких учреждений является отличным, и для анализа состояния внедрения и использования информационных технологий в них требуется ориентироваться на сравнительно больший временной диапазон. Наблюдение за показателями производится фактически с использованием разнообразного инструментария. Этот инструментарий различается для различных организаций, повышение достоверности измерений достигается использованием представительских выборок. Для отражения всех аспектов информатизации образовательных учреждений требуется повышение надежности показателей и их последующего анализа.

Применение электронных образовательных платформ содействует развитию не только информатизации образовательных учреждений, но и их самих [6]. Например, так называемые электронные дневники обладают ярко выраженными преимуществами, по сравнению с классическими «бумажными» средствами. Развивающиеся средства электронного отслеживания и оценивания в реальном времени обеспечивают обмен учебной информацией и ложится в основу контроля и оперативной связи.

Поэтому в настоящей работе рассматривается организация эксплуатации инфраструктуры компьютерных узлов образовательного учреждения в условиях постпандемии на основе моделирования отдельных компьютерных узлов. Для этого удобно использовать аналитические модели систем массового обслуживания (СМО) [7–10].

Пусть эксплуатируемый компьютерный узел инфраструктуры образовательного учреждения в условиях постпандемии имеет входной поток заявок, интенсивность которо-

го составляет λ, буфер неограниченной емкости (благодаря наличию расширяемых систем хранения данных) и канал обработки заявок с вариативной производительностью μ. Тогда для аналитического моделирования этого компьютерного узла инфраструктуры образовательного учреждения можно использовать СМО типа M/M/1. Для СМО M/M/1 известны аналитические соотношения для оценки таких важнейших системных характеристик, как: загрузка ρ, вероятность простоя p_0, средняя длина очереди L_q, среднее число заявок в системе L_s, среднее время пребывания заявки в очереди T_q, среднее число заявок в системе T_s. Характеристики СМО M/M/1 для эксплуатируемого компьютерного узла инфраструктуры образовательного учреждения улучшаются путем изменения производительности μ для текущих значений интенсивности λ.

В случае, если изменение производительности μ эксплуатируемого компьютерного узла инфраструктуры образовательного учреждения производится является неоптимальным, то может появиться риск потери ресурсов. Поэтому необходимо выбирать изменение производительности μ на основе анализа оценок информации о текущих результатах функционирования компьютерного узла. К такому анализу относится оценка вероятностей гипотез об обработке заявок на эксплуатируемый компьютерный узел инфраструктуры образовательного учреждения в условиях постпандемии без рисков, а именно, $P(H_0)$ = {заявки на эксплуатируемый компьютерный узел инфраструктуры образовательного учреждения в условиях постпандемии обрабатываются им без рисков}, $P(H_1)$ = {заявки на эксплуатируемый компьютерный узел инфраструктуры образовательного учреждения в условиях постпандемии обрабатываются им с рисками}. Непосредственное определение этих вероятностей гипотез достаточно часто является затруднительным. Поэтому их оценка происходит косвенно, по условным вероятностям гипотез. Условные вероятности гипотез:

$P(H_0|H_0)$ = {заявки на эксплуатируемый компьютерный узел инфраструктуры образовательного учреждения в условиях постпандемии обрабатываются им без рисков в предположении о том, что заявки на эксплуатируемый компьютерный узел инфраструктуры образовательного учреждения в условиях постпандемии обрабатываются им без рисков};

$P(H_0|H_1)$ = {заявки на эксплуатируемый компьютерный узел инфраструктуры образовательного учреждения в условиях постпандемии обрабатываются им без рисков в предположении о том, что заявки на эксплуатируемый компьютерный узел инфраструктуры образовательного учреждения в условиях постпандемии обрабатываются им с рисками};

$P(H_1|H_0)$ = {заявки на эксплуатируемый компьютерный узел инфраструктуры образовательного учреждения в условиях постпандемии обрабатываются им с рисками в предположении о том, что заявки на эксплуатируемый компьютерный узел инфраструктуры образовательного учреждения в условиях постпандемии обрабатываются им без рисков};

$P(H_1|H_1)$ = {заявки на эксплуатируемый компьютерный узел инфраструктуры образовательного учреждения в условиях постпандемии обрабатываются им с рисками в предположении о том, что заявки на эксплуатируемый компьютерный узел инфраструктуры образовательного учреждения в условиях постпандемии обрабатываются им с рисками}.

ЛПР (лицо, принимающее решение) либо эксперт по условным вероятностям гипотез $P(H_0|H_0)$, $P(H_0|H_1)$, $P(H_1|H_0)$, $P(H_1|H_1)$, могут принять решение о необходимости проведения корректировки производительности *μ эксплуатируемого компьютерного узла инфраструктуры образовательного учреждения в условиях постпандемии. Такая корректировка (либо отсутствие оной) позволит в некоторых ситуациях динамического изменения интенсивности λ входного потока заявок исключить риски, вызванные простоем компьютерного узла либо потери этих заявок.*

В работе был предложен подход к организации эксплуатации инфраструктуры компьютерных узлов образовательного учреждения в условиях постпандемии на основе моделирования отдельных компьютерных узлов. Полученный подход найдет свое место при организации планирования инфраструктуры и ее совершенствования в образовательных учреждениях.

Литература

1. Исеев Р.Р. Опыт дистанционного проведения контроля успеваемости и аттестации обучающихся в условиях пандемии // The Newman in Foreign policy. 2020. Т. 3, № 54 (98). С. 6–20.
2. Хайруллин И.И., Парамонова Д.Р., Казанфарова М.А. и др. Роль обучения с использованием симуляционных технологий в период пандемии: практические шаги и ресурсы на примере проекта выездного симуляционного центра фонда международного медицинского кластера // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2020. № 3 (39). Р. 68–83.
3. Кулькова В.Ю. Некоммерческий сектор и государственная поддержка некоммерческих организаций сферы услуг в РФ в условиях кризиса 2020 года // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 80. С. 5–21.
4. Зубенко Д.П., Зубренкова О.А. Направления автоматизации образовательной деятельности // Вестник НГИЭИ. 2016. № 12 (67). С. 7–11.
5. Гасликова И.Р., Ковалева Г.Г. Показатели использования информационных технологий в образовании // Вопросы образования. 2005. № 3. С. 302–330.
6. Щекочихина В.М., Царенкова В.Б. Особенности средств электронного оценивания и контроля в образовательном учреждении // Вестник науки и образования. 2020. № 19-1 (97). С. 49–51.
7. Ткаченко К.С., Скатков И.А., Скидан А.А. Модель функционирования первичного измерителя в условиях тренда метрологических характеристик // Экологическая, промышленная и энергетическая безопасность. 2017. С. 1349–1353.
8. Ткаченко К.С. Определение вероятностей гипотез о состоянии первичного измерителя с деградацией // Экобиологические проблемы Азово-Черноморского региона и комплексное управление биологическими ресурсами. 2017. С. 252–256.
9. Ткаченко К.С. Применение корректировки параметров компьютерных узлов управления инфраструктурой образовательного учреждения // Образование и культура : сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2020. С. 268–272.
10. Ткаченко К.С. Менеджмент компьютерного узла инфраструктуры организации на этапе цифровизации // Интеллектуальные информационные системы: теория и практика : Сборник научных статей по материалам I Всероссийской конференции. Курск, 2020. С. 91–96.

THE INFRASTRUCTURE OF COMPUTER NODES OF AN EDUCATIONAL INSTITUTION IN POST-PANDEMIC ENVIRONMENT

Kirill S. Tkachenko, Engineer, Sevastopol State University (Sevastopol, Russia). E-mail: KSTkachenko@sevsu.ru

DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-18

Abstract. In this paper, we consider the operation of the infrastructure of computer nodes of an educational institution in post-tandem conditions based on modeling individual computer nodes. For this purpose, it is convenient to use analytical models of queuing systems. An expert in analytical assessments can decide whether to adjust the performance of a computer node in operation. This approach will find its place in infrastructure planning and contribute to improving the educational institutions.

Key words: computer nodes, analytical models of queuing systems, infrastructure planning, educational institutions

УДК 378.4 : 004.738 : 005 (082)
DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-19

ОБРАЗ НОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ПОСТПАНДЕМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (РОССИЙСКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ КЕЙСЫ)

А.П. Фахретдинова, канд. пед. наук, доц., Национальный исследовательский Томский государственный университет, постдок Университета Лион Люмьер 2, Томск, Россия, maltsevaal@yandex.ru

А.В. Ларионова, канд. психол. наук, доц., Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, anpavlar@mail.ru

Е.Ю. Ливенцова, канд. пед. наук, доц., Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, evg.liv@mail.ru

Аннотация. В статье представлено одно из исследовательских направлений международного проекта: изучение влияния психолого-образовательного пространства современного кампуса на формирование профессиональных и личностных компетенций студентов: сравнительный анализ европейского, азиатского и российского опыта. Современная пандемическая обстановка вынудила резко сменить формат обучения, кампус временно вытиснился как необходимый компонент образовательного процесса. А психолого-образовательное пространство практически полностью перешло в цифровой формат и во многом стало формироваться заново и по новым правилам. После перехода в дистанционный формат обучения на преподавателя были возложены новые функции и требования к профессиональным и личностным компетенциям. Резкая цифровизация вскрыла множество проблем качества организации и реализации образовательного процесса и стала драйвером изменений в образовании во всем мире. В качестве примера был изучен опыт России и Франции как стран с богатой национальной культурой, для которых актуальна проблема фундаментального развития образования и осмысление роли и компетенций преподавателя в «новой» системе образования. Цель исследования – представить некий образ новых компетенций преподавателя постпандемического университета, который в условиях вынужденной самоизоляции должен выстраивать процесс понимания происходящих перемен в своем профессиональном «Я» (на примере исследований России и Франции). В статье обсуждается авторский опыт исследования представлений преподавателей и студентов университетов России и Франции о компетенциях преподавателя будущего на основе качественных данных (интервью, фокус-группа, эссе), а также исследовательский опыт коллег России и Франции.

Ключевые слова: компетенции преподавателя, университет, цифровое образование, дистанционное обучение

В современном мире в условиях глобализации создание цифровой образовательной среды стало главным трендом развития образования. Страны с богатой национальной культурой, такие как Россия и Франция активно развиваются в условиях процесса глобализации, отстаивая при этом свой суверенитет. Современный период предполагает осмысление «цифровой судьбы» России и Франции и выбора стратегий дальнейшего развития. Одной из важнейших задач фундаментального развития образования в этих странах является современное развитие цифровой культуры, усиление интеграции культуры и цифровых инструментов в образовании. Цифровая грамотность и формирование цифровой культуры должны стать структурирующей осью процесса обучения. Таким образом, цифровизация образования, как в России, так и во Франции характеризуется схожими тенденциями развития.

В настоящее время в России и Франции в средствах массовой информации и аналитических работах активно обсуждаются последствия и вызовы резкого перехода высшего образования в дистанционный режим, вызванный произошедшей пандемией коронавируса во всем мире [5]. Этот незапланированный и быстрый переход к онлайн-обучению особенно остро был воспринят преподавательским сообществом, поскольку реализация профессиональной деятельности в новых условиях инициировала процесс понимания новых смыслов своей профессии и своих профессиональных компетенций. Преподаватели были вынуждены в короткие сроки переработать методы учебной работы, пересмотреть работу в проектных группах и лабораториях, переосмыслить систему оценивания и т.д.

В российском академическом сообществе довольно широко представлен спектр исследований и экспертных мнений, посвященных определению новых профессиональных ролей современного преподавателя и компетенций, необходимых для реализации профессиональных задач. Наиболее полная картина, отражающая отношение студентов и преподавателей к онлайн-форматам обучения и мерам их поддержки, представлена в аналитическом докладе Уроки «Стресс-теста»: вузы в условиях пандемии и после нее», который обобщает опыт 45 вузов России (2020 г.) [1]. В докладе отмечается, что развитие компетенций преподавателей является задачей многих программ академического лидерства, таких как проект «5-100», проекты опорных вузов и научно-исследовательских университетов, программа модернизации педагогического образования. А в ситуации пандемии слабая готовность преподавателей к изменениям к работе в цифровой среде стала одной из фундаментальных проблем. Авторы доклада выделяют два основных дефицита: методический, охватывающий нехватку знаний и практики по включению онлайн-форматов и инструментов в реализацию образовательных курсов и программ, и технический, связанный с недостаточным уровнем цифровой грамотности. По мнению экспертов, новыми актуальными компетенциями преподавателя будут являться такие как: готовность к регулярному и систематическому обновлению содержания образовательных программ; использование стратегий активного и интерактивного обучения, ориентированных на практику; способность организовывать регулярную обратную связь как в ходе всего курса; способность применять современные методики онлайн-оценивания. Кроме того, преподаватели должны овладеть технологиями организации и проведения онлайн-занятий с использованием как университетских LMS, так и сторонних электронных сервисов; технологиями коммуникации и сопровождения студентов с использованием мессенджеров, социальных сетей; цифровые инструменты для проектирования и подготовки электронного контента для проведения интерактивных онлайн-занятий и самостоятельной работы студентов [1].

В своем докладе в рамках экспертной дискуссии Гайдаровского Форума: «Университеты после пандемии» советник по науке и технологиям Посольства Французской Республики в Российской Федерации Абдо Малак отметил, что период пандемии, безусловно, сыграет свою роль в развитии цифрового образования, однако переход к цифровым технологиям в образовании не может быть стопроцентным: «С моей точки зрения в университетской среде это тот вызов, который уже принят и сильно повлияет на нашу дальнейшую деятельность». В целом по итогам дискуссии общим мнением стало то, что дистанционные технологии способны передать студенту знания, но не способны научить мыслить. А поскольку «ускорение процесса цифровизации затормозить уже невозможно, то стоит вопрос о необходимости адаптировать преподавателей и студентов к неизбежным изменениям» [6].

Исследовательский опыт (российский и французский кейсы). С целью представления образа новых компетенций преподавателя постпандемического университета, который в условиях вынужденной самоизоляции должен выстраивать процесс понимания происходящих перемен в своем профессиональном «Я», был проведен обзор исследований российских и французских коллег и обобщены результаты авторского исследования проблемы.

В 2020 г. авторами была проведена серия качественных исследований (интервью, фокус-группа, эссе), в которых приняли участие 130 преподавателей и студентов университетов России и Франции. В ходе исследований обсуждалась тема «преподаватель будущего». Задачами исследования являлись: 1. Изучение мнений преподавателей о новых компетенциях, необходимых в будущем. 2. Определение образа преподавателя будущего глазами студентов.

Для реализации первой задачи была проведена серия интервью с российскими и французскими преподавателями, осуществляющих подготовку студентам по различным направлениям (30 респондентов) и обобщен исследовательский опыт коллег по проблеме. В результате интервью с российскими и французскими преподавателями были выявлены основные дефициты нового формата обучения и условия профессионального развития и роста. Преподаватели выделили следующие дефициты нового формата обучения: отсутствие необходимого уровня цифровых компетенций, необходимость быстрой перестройки дизайна своих

учебных курсов под новый формат обучения, овладение новыми технологиями обучения, снижение качества жизни из-за несоблюдения режима труда-отдыха, снижение активности, повышение рабочей нагрузки, снижение уровня здоровья (физического и психологического) и т.д. Участники исследования свое внимание сконцентрировали в основном вокруг цифровых компетенций, что является следствием резкой смены условий профессиональной деятельности. Помимо технических навыков пользования цифровыми инструментами, преподаватели отмечали и потребность в овладении педагогическим дизайном (instructional design, instructional systems design) дистанционного формата обучения. К компетенциям, которые будут востребованы у преподавателя будущего, были отнесены: аналитическое мышление, способность к систематизации большого объема информации, многозадачность, гибкость в отношениях со студентами, мобильность, высокий темп работы.

Полученные результаты не противоречат, а лишь подтверждают и дополняют данные, полученные российскими и французскими коллегами. Так, российские коллеги Томского государственного университета М.Н. Бычкова и П.Л. Смирнова с целью изучения цифровой грамотности и реакции преподавателей университетов на необходимость полного перевода обучения в дистанционный формат провели полуструктурированные интервью с 50 преподавателями российских вузов в возрасте от 26 до 58 лет (поколения X и Y). В результате чего авторами были выделены ключевые особенности в реакции респондентов на необходимость перевода обучения в дистанционный режим. Недовольство респондентов было вызвано в основном недостаточно высоким уровнем технической подготовки, как преподавателей, так и студентов, а также значительным увеличением времени на подготовку к образовательному процессу. Исследователями были выделены две ключевые компетенции, развитие которых могло бы помочь решить вышеуказанные проблемы: лингвистическая и этико-этикетная. Первая включает в себя готовность создавать и транслировать сетевой контент, использовать возможности приложений и мультимедия, а вторая – умение предлагать форматы коммуникации с отложенной связью, обеспечивают приватность репрезентаций личной жизни в сетях [2]. Исследователь С.В. Лобова также отмечает, что перевод преподавателей на дистанционный режим работы во время пандемии хоть и имеет основания в рамках трудового законодательства, но имеет ряд важных и нерешенных вопросов, таких как сверхзанятость преподавателей и психологический дискомфорт, вызванный размыванием границ между профессиональной деятельностью (работой) и личной жизнью [3]. Коллеги из российских вузов Е.Б. Пучкова, Л.В. Темнова, Е.А. Сорокоумова, Е.И. Чердымова провели анонимный опрос 172 преподавателей вузов России, работающих на различных направлениях подготовки с целью определения их готовности перехода в дистанционный режим. По результатам опросам преподавателям удалось успешно справиться с барьерами, возникшими на пути «перехода», и новые технологии и формы работы стали мотиваторами для профессионального развития. Авторы статьи оставили открытым к обсуждению вопрос о том, какова «психологическая цена» адаптации преподавателей к новой системе и какие деформации личности преподавателя могут быть следствием полного перехода на дистанционное обучение в период пандемии [4].

Французские коллеги Университета Тулузы N. Dietrich1, K. Kentheswaran1, A. Ahmadi1 и др. проанализировали несколько форматов (стратегий) дистанционного обучения. В исследовании участвовали студенты, которые до перехода на дистанционный формат обучались в очном формате и преподаватели, которые обучали классическими методами. Целью исследования являлось изучение отзывов пользователей онлайн-обучения и помощь академическому образовательному сообществу в расстановке приоритетов и выборе оптимального научного подхода к реализации учебного процесса. Исследовательский эксперимент длился на протяжении семестра. В результате были проанализированы следующие стратегии:

– автономный формат обучения, при котором студенты самостоятельно изучали материалы курса, размещенный преподавателем. 76,1% студентов отрицательно оценили данный формат организации занятий. По их мнению, присутствие педагога позволило бы глубже понять суть дисциплины и получить более качественные знания;

– формат обучения с использованием видеороликов с объяснениями преподавателей. 51,8% студентов положительно оценили данный формат, отметив, что это лучше понять материал, организовать свое время;

– формат обучения с использованием слайд шоу с аудио комментариями слайдов. Положительно оценили данный формат также 51,8% студентов. При этом студенты отметили, что видео лекции предпочтительнее аудио;

– формат обучения с использованием онлайн лекций. 79,3% студентов положительно оценили данный формат, отметив, что он позволяет имитировать традиционные занятия и вести «живую» дискуссию между студентами и преподавателем. При этом 61,9% студентов отметили, что такой формат все же менее эффективный, чем при личном присутствии на занятиях.

В результате перехода на дистанционный формат обучения 19% французских преподавателей столкнулись с проблемами при использовании инструментов дистанционного обучения, а 21% – с проблемой адаптации своего курса под новую реальность, 85% – стали тратить больше времени на подготовку, 85% – с проблемами дистанционного оценивания, 65% изменили способ обучения. 100% респондентов считают, что изменились отношения между педагогами и учащимися. Среди компетенций будущего французские преподаватели отметили цифровые навыки и развитие «гибкого» и творческого подхода к дистанционному обучению [7].

Второй задачей исследования являлось изучение представлений студентов (100 респондентов) об образе компетенций преподавателя будущего. Обобщив результаты эссе и фокус-группы были выделены основные «профессиональные роли», которые студенты хотели бы видеть в преподавателе будущего. Данные представлены в виде сравнения «двух образов» преподавателей и студентов (таблица).

Образ компетенций преподавателя будущего

Мнение преподавателей	Мнение студентов
Преподаватель будущего – цифровой профессионал, который владеет современными технологиями и использует их в образовательном процессе. Преподаватель будущего – аналитик, который осуществляет постоянный быстрый поиск, переработку и систематизацию информации. Преподаватель будущего – студент, который постоянно вынужден обновлять собственный запас знаний и компетенций. Преподаватель будущего – многозадачный профессионал, который наряду с ускорением темпов обучения успевает разнообразить технологии работы со студентами	Преподаватель будущего – посредник, наставник, помощник, коуч, мотиватор, психолог, друг, воспитатель. Преподаватель будущего – неформал (отзывчивый, творческий, стильный, неординарный, понятный, «говорит на одном языке со студентами», умеет проявлять сочувствие, с юмором). Преподаватель будущего – увлеченный специалист (увлеченный своим предметом, испытывающий страсть к своему предмету, с пылом в сердце). Преподаватель будущего – междисциплинарный, многопрофильный (знает хорошо не только свой предмет, но и смежные, способен сформировать представление о мире, постоянно развивается и обновляет собственную базу знаний). Преподаватель будущего – цифровой профессионал (владеет современными технологиями и использует их в образовательном процессе). Преподаватель будущего – блогер (имеет свой сайт или профессиональную страницу в социальной сети, умеет создавать интересный контент, интересные и современные МООК, доступные для всех желающих)

Результаты исследования демонстрируют, что представления преподавателей и студентов об образе компетенций преподавателя будущего имеют как точки пересечения, так и различные акценты. Преподаватели и студенты отмечают необходимость развития цифровых компетенций и грамотности. При этом преподаватели ставят акцент на потребность в развитии профессиональных компетенций, а студенты больше нуждаются в преподавателе как «увлеченном Человеке», от которого ждут развития как цифровых, так и личностных компетенций, которые будут «ощутимы» сквозь специфику дистанционного обучения в том числе.

Подводя итог, отметим, что и преподаватели и студенты России и Франции сегодня находятся в проблемном поле резкой перестройки образовательной системы. Обе категории

выделяют дефицитарные компетенции для настоящего, формулируя их как возможности будущего. Представления о новых компетенциях преподавателя будущего дают почву для размышления и раскрывают актуальные ценности субъектов образования в современных условиях. Безусловно, во Франции уже довольно давно и успешно реализуется индивидуализация и персонализация в образовании, в том числе, в рамках дистанционного обучения. Однако преподаватели и студенты России и Франции на данный момент сходятся во мнении, что наиболее приемлемым и эффективным форматом обучения будущего будет являться именно формат смешанного обучения (Blended Learning). Такой формат позволил бы сочетать «лучшее» из электронного обучения с возможностью формировать личные человеческие связи с глубоким эмоциональным воздействием.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 20-013-00549 А

Литература

1. Аналитический доклад Уроки «Стресс-теста»: вузы в условиях пандемии и после нее. URL: https://www.hse.ru/data/2020/07/06/1595281277/003_%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4.pdf (дата обращения: 15.01.2021).
2. Бычкова М.Н., Смирнова П.Л. Цифровая грамотность преподавателей и студентов университета: «открытия» пандемии // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 4. URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=29946 (дата обращения: 10.01.2021).
3. Лобова С.В. Удаленный режим работы преподавателей российских вузов в условиях пандемии covid-19: основания и восприятие // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров. 2020. № 7. С. 208–213.
4. Пучкова Е.Б., Темнова Л.В., Сорокоумова Е.А., Чердымова Е.И. Готовность преподавателей вузов к дистанционной работе в период пандемии COVID-19 // Перспективы науки и образования. 2020. № 6 (48). С. 89–102.
5. Штыхно Д. А., Константинова Л. В., Гагиев Н. Н. Переход вузов в дистанционный режим в период пандемии: проблемы и возможные риски // Открытое образование. 2020. № 5. С. 72–81.
6. Экспертная дискуссия Гайдаровского Форума: «Университеты после пандемии». URL: http://rfu-ufr.org/novosti-anonsy/novosti/961-ekspertnaya-diskussiya-gajdarovskogo-foruma-universitety-posle-pandemii (дата обращения: 22.01.2021).
7. Dietrich N., Kentheswaran K., Ahmadi A., other Johanne Teychené Attempts, Successes, and Failures of Distance Learning in the Time of COVID-19 // Journal of Chemical Education. IF 1.385. doi: 10.1021/acs.jchemed.0c00717

IMAGE OF PROFESSORS' NEW COMPETENCIES IN POSTPANDEMIC UNIVERSITIES (RUSSIAN AND FRENCH CASES)

Aleksandra P. Fakhretdinova, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: maltsevaal@yandex.ru
Anastasia V. Larionova, PhD in Psychology, Associate Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: anpavlar@mail.ru
Evgeniya Yu. Liventsova, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: evg.liv@mail.ru

DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-19

Abstract. The article provides a comparative analysis of European, Asian and Russian experience of how the psychological space of the modern educational campus influences the students' professional and personal competencies. The current pandemic circumstances forced a drastic change in the format of education; campuses became temporarily unnecessary for the educational process. The psychological and educational space has almost completely moved to the digital format and used the new rules. After transition to distance learning, an educator was assigned with new functions and requirements for professional and personal competencies. Rapid digitalization has revealed many problems of the quality of education and became a driver of changes. We studied the experience of Russia and France, countries with the rich national culture. The aim of the study was to reveal a certain image of new competencies of educators at post-pandemic universities. The article discusses the authors' research concerning the competencies of the teacher of the future based on qualitative data (interviews, focus groups, and essays), as well as the research experience of colleagues from Russia and France.
Keywords: an educator's competence, university, digital education, distance learning

УДК 378.4 : 004.738 : 005 (082)
DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-20

ВЫСШАЯ ШКОЛА В РЕАЛИЯХ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

О.В. Шмурыгина, канд. филос. наук, доц., Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург, Россия, shmur-olga@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен анализ основных характеристик высшей школы как социального института в сетевом обществе постмодерна. Сегодня можно утверждать, что университет и возник как первоначально корпоративно-сетевой феномен. Тут важно ещё то, что внутри этой корпорации вырабатывались особые дискурс и образ жизни, характеризовавшееся стремлением к знанию и общению, что провоцировало открытость университетского сообщества другим институтам и личностям и привело к приобретению университетами общекультурного значения. Развитие сетевых взаимоотношений становится всё более распространённым в связи с тем, что социальные пространство и время трансформировались. Преодоление расстояния с помощью телекоммуникаций и быстрых транспортных систем позволяет организациям и индивидам проводить время совместно без пространственного сближения, что делает возможным их включение в гибкие межтерриториальные структуры, эволюционирующие в функциональные сети взаимодействия. Формирование человека как профессионала в определённой области всё в большей степени зависит от тех социальных связей и коммуникаций, которые он приобрёл, наработал, в том числе в вузе, а также от умения использовать различные средства информационно-коммуникационных технологий, а не констатированным в документе об образовании (дипломе и его приложении) наборе знаний-умений-навыков-компетенций. Размывание границ социального института, коммуникация, которая становится основой сетевых взаимодействий, а не привязанность к какому-либо конкретному учреждению, равенство участников: всё это затрудняет поиск того, кто конкретно оказывает воздействие в современном социуме.
Ключевые слова: высшая школа, сетевые структуры, сетевое общество, социальный институт, общественное воспроизводство

Высшая школа как социальный институт обеспечивает передачу между поколениями унаследованной от прошлого культуры, является средством как культурного, так и социального воспроизводства. В первом случае происходит воспроизведение накопленного социальными группами культурного капитала, во втором случае – устоявшейся иерархии социальных отношений между группами и классами, которые занимают разные позиции во властных отношениях. Всё это взаимосвязано, потому что передаваемый культурный капитал так же отбирается, избирается господствующими классами, поэтому можно говорить о воспроизводстве высшей школой культурного произвола, т.е. воспроизводятся только те фундаментальные принципы и основы культуры, которые определённая группа или класс считает заслуживающими воспроизведения, для чего наделяет высшую школу соответствующими полномочиями. Господствующие классы требуют от системы образования, чтобы она воспроизводила легитимную культуру и производила агентов, способных легитимно с ней обращаться.

Воспроизводство культурного произвола, согласно П. Бурдьё и Ж.-К. Пассрону [2], основано на педагогическом воздействии, которое является сущностью процесса обучения. Фундаментом этой произвольной власти являются силовые отношения между группами или классами, согласно которым и определяется выбор необходимых для передачи культурных ценностей. Педагогическое воздействие способствует внушению правила: навязывать бессознательное признание правила, – значит заставить признать через отношение к преподавателю отношение к учебному заведению, а через него – отношение к языку и культуре, которое есть отношение к ней господствующих классов. Следовательно, уловка университетского разума, с помощью которой учебное заведение заставляет преподавателя служить институции, предрасполагая его пользоваться ею, служит в итоге функцией подтверждения легитимности существующей власти.

П. Бурдьё и Ж.-К. Пассрон также называют воздействие, которое оказывает система образования на общественное воспроизводство, символической властью, представляя её как всякую власть, которой удаётся навязать значения и заставить признать их легитимными, скрывая силовые отношения, лежащие в её основании, добавляет свою собственную, т.е. чисто символическую, силу к этим силовым отношениям [2, с. 22].

Изменение способов передачи и производства информации вследствие технологической революции привели к тому, что параллельно с институциональной структурой общества широкое распространение получают сетевые сообщества, которые приобретают всё большее влияние на воспроизводство социума. Сетевые отношения, проникая во все сферы социальной жизни, в отдельных случаях начинают в них преобладать, т.к. имеют некоторые заметные преимущества перед традиционными иерархическими связями. Они могут более активно и гибко приспосабливаться и способны динамично развиваться вместе со своим окружением. В результате воздействий сетевых отношений на социальные институты, а также иные социальные сферы, они становятся мобильными и дифференцированными, что в итоге ведёт к росту уровня потребления населения и динамизму и разнообразию индивидуальных жизненных траекторий. В данной ситуации индивид в первую очередь учится не столько определённым способам социального взаимодействия, которые свойственны его культуре или социальной группе, сколько возможностям не ограничиваться ими. В данном случае большое значение имеет высшая школа, которая проявляет себя как активная база для существования социальных сетей.

Существование социальных сетей в высшей школе наблюдалось всегда, потому что они во все времена являли собой объединение интеллектуалов. Р. Коллинз объясняет это следующим образом: «С интеллектуалами происходит «одно и то же»: идёт кристаллизация групп (фракций); мыслители и их группировки ищут и используют организационные основы, спорят между собой, что составляет основу интеллектуальных ритуалов с обменом культурным капиталом и эмоциональной энергией, формулируют интеллектуальные позиции, соперничают между собой за пространство внимания, делятся или объединяются, заимствуют и распространяют вовне свои идеи, комментируют классиков, переживают периоды расцвета творчества и времена идейного застоя, образуют соответствующие интеллектуальные сети (те самые связи личных знакомств между мыслителями), завоёвывают долговременные интеллектуальные репутации при условии непрерывности спора во многих поколениях, достигают всё более высоких уровней абстракции и рефлексии, развивая космологические, метафизические, эпистемологические и другие последовательности» [8, с. 10–11].

В настоящее же время тем более сетевые взаимодействия в высшей школе образуются между преподавателями, а также между студентами различных университетов и институтов, не обязательно находящихся в одном населённом пункте и даже в одном государстве. Возникают они в ходе проведения научных исследований, конференций, семинаров, симпозиумов и т.д. Между студентами сетевые взаимодействия зарождаются в большей мере при участии в межвузовских спортивных, развлекательных мероприятиях, бесспорно, распространяясь и на сферу коллективного осмысления учебной информации и, конечно, на приобщение к исследовательской деятельности. Все эти взаимоотношения чаще всего угасают и заканчиваются, когда завершается проект, срок обучения и др., и созданная на некоторое время группа прекращает своё существование. В некоторых случаях они могут продолжаться, происходит это вне имеющихся социальных групп, к которым прикреплены отдельные индивиды и за пределами социального института, которым является высшая школа.

Сетевые отношения складываются не только между индивидами и их группами, но и между организациями и учреждениями. Так, многочисленные примеры сотрудничества университетов можно систематизировать по следующим признакам:

– географическому принципу (межстрановые, национальные, региональные партнёрства);

– положению участников в иерархии системы образования (например, ассоциации исследовательских вузов, инновационных вузов и т.д.);

– спектру решаемых задач (например, лоббирование политических и финансовых интересов конкретной группы вузов);

– тематическому принципу (развитие инноваций, решение глобальных задач, обеспечение качества и т.д.);

– принципам управления и др. [6, с. 24–31].

Развитие и распространение сетевых взаимоотношений становится всё более распространённым в связи с тем, что социальные пространство и время трансформировались. Преодоление расстояния с помощью телекоммуникаций и быстрых транспортных систем позволяет организациям и индивидам проводить время совместно без пространственного сближения, что делает возможным их включение в гибкие межтерриториальные структуры, эволюционирующие в функциональные сети взаимодействия. Пространство потоков, в которых представлено большинство стратегически важных видов деятельности, постепенно устанавливает господство над пространством мест, в котором по сей день люди обустраивают жизнь, накапливают опыт, приобретают чувство идентичности и вырабатывают политическую ориентацию [5, с. 23–51].

Сетевая структура представляет собой комплекс взаимосвязанных узлов, к которым М. Кастельс, например, относит телевизионные каналы, студии, где готовятся развлекательные передачи или разрабатывается компьютерная графика, журналистские бригады и передвижные технические установки. Но он не затрагивает в своём анализе такие мощные сетевые узлы, как высшие учебные заведения, объединяющие в лице преподавателей и студентов представителей самых разнообразных сетей.

Социальные сети никогда не сводятся только к коммуницированию, лишь к передвижению существующей информации. Социальный субъект становится узлом коммуникации, который способен как компьютер преобразовывать, копить и производить новую информацию, а также являться субъектом свободного волеизъявления и действия. Это может быть сетевая структура индивидов (например, революционеров или террористов), сеть филиалов, сеть организаций, сеть социальных институтов и иных образований в обществе. Каждая отдельная ячейка социальной сети может реализовывать индивидуальное начало, а не только воспроизводить уже заданную информацию. При помощи современных способов коммуникации в сети стало возможным объединять как подобные элементы, так и неподобные. Не только социальные сети связывают различных социальных субъектов, но и сами эти субъекты, подсоединяясь к сетям, способны их соединять.

Принадлежность к той или иной сети или отсутствие таковой наряду с динамикой одних сетей по отношению к другим выступают в качестве важнейших источников власти и перемен в обществе; таким образом, мы вправе охарактеризовать его как общество сетевых структур (network society), характерным признаком которого является доминирование социальной морфологии над социальным действием [7, с. 494–505]. Следовательно, наряду с существующей системой иерархичной власти социальных институтов, возникают всё более выраженные властные воздействия социальных сетей. Это можно отметить и на примере высшей школы.

Так, при выполнении функции воспроизводства трудовых ресурсов система высшего образования благодаря развитию сетей всё более из сугубо национального трансформируется в международное. При этом отмечается замена доминировавшей ещё в начале XX в. европейской континентальной системы (немецкие исследовательские университеты и профессиональные школы, французские «большие школы») англо-американским профессиональным образованием с его сильно ограниченной ролью государства и рыночными стратегиями развития, ориентацией на коммерциализацию результатов научных исследований и т.д. Это послужило предпосылками для введения «Болонской системы» и организации единого образовательного пространства, потому что требуется сопоставимость подготовки в вузах не только в границах одного государства, а на всей территории континента и даже в мировом сообществе. В реальности получается подготовка преимущественно бакалавров (общее высшее

образование). Развитие же производства и информационных технологий идёт такими быстрыми темпами, что институциональная система высшего образования не успевает реагировать ни на заказ общества в специалистах, ни на склонности и возможности населения в подготовке профессионалов высшего уровня. Высшая школа осуществляет социализацию человека, только более высокого порядка, чем общеобразовательная школа. Через сети же происходит заметная и всё более признаваемая работодателями «доводка» бакалавров до требуемого в том или ином локусе рынка труда состояния. Заметим, что происходит это спонтанно, но не стихийно – при активном сознательном участии множества разрозненных субъектов (бакалавров, представителей работодателей, праздных советчиков и небескорыстных посредников и т.д.). Российские вузы могли бы занять более активную позицию в организации этой доводки. Дополнительные программы профессионального образования (повышения квалификации, переподготовки и т.п.) – лишь один из возможных, довольно ретроградный институциональный вариант их ответа.

Говоря словами Р. Барнетта [14, p. 99], профессия в наше время прекращает организовывать человеческую личность, потому что структура рынка меняется гораздо быстрее, чем смена поколений. В современном информационном обществе сетевых отношений у человека появилась возможность не привязывать свою трудовую деятельность к конкретному предприятию или организации. Например, активно развивается такая форма трудоустройства как фриланс, т.е. свободная профессиональная деятельность.

На рынке труда все более заметным становится сектор неустойчивой, гибкой занятости. Немало рабочих мест существует в режиме ad hoc: есть заказ на конкретную услугу – появляется и рабочее место, исчезающее после выполнения заказа. Этот феномен описывается с помощью категории прекариата, определяя её как класс людей, вымытых из традиционной профессиональной структуры.

Это используют, кстати, и преподаватели, которые, как правило, работают в нескольких учебных заведениях, занимаются репетиторством и другими оплачиваемыми видами деятельности, и студенты, потому что начинают работать с середины своего обучения, или даже раньше и далеко не всегда в связи с получаемой специальностью или направлением подготовки, чаще всего не в связи. И очень часто это происходит без официального трудоустройства.

«Опыт деятельности ведет к интеграции в профессиональные социальные сети. Это предпосылка не только эффективной, но и просто нормальной работы. Участие в профессиональной сети является, с одной стороны, важным ресурсом успеха. С другой стороны, оно формирует эффект колеи, препятствующей профессиональной мобильности. Обычная дилемма артикулируется примерно так: «Здесь я всех знаю, да и меня многие знают; если же сменить профессию, то придется все начинать снова»» [4, с. 519].

Таким образом, высшая школа остаётся основой для формирования трудовых ресурсов, несмотря на то, что значительная часть процесса этого формирования уже находится за пределами вузов. На трудоустройство влияют взаимоотношения, сложившиеся благодаря социальным сетям, немалая часть из которых образуется в вузовской среде. А знания-умения-навыки-компетенции, необходимые для выполнения каких-либо профессиональных задач, сейчас тоже приобретаются в большой части благодаря сетевым взаимодействиям, а не жёстко регламентированной вузовской образовательной программе.

В настоящее время актуальной становится краткосрочная профессиональная подготовка по различным новейшим специальностям, которую могут осуществить не только вузы. При этом, как отмечает В.И. Дудина [3, с. 101], чем моложе та или иная специальность, тем, вероятно, больше будет степень её автономии от поля институциональной власти, как по причине того, что не до конца ещё решены проблемы легитимации (в первую очередь, формальной), так и по причине меньшей зависимости от собственных академических традиций.

Воздействие высшей школы на процессы общественного развития, проистекающее из ещё докомпьютерных (и ими колоссально усиленных) сетевых взаимодействий, выражается

в том, что, несмотря на большое разнообразие специальностей и направлений подготовки, формирование человека как профессионала в определённой области во многом зависит от тех, в том числе и даже особенно неформальных социальных связей и коммуникаций, которые они приобретали в вузе, а теперь также и от умения использовать различные средства информационно-коммуникационных технологий.

Сетевые взаимодействия расширяют сферу экономики до мировых масштабов, что существенно отражается на выполнении высшей школой функции интеграции с производством в реальном секторе экономики. В процессе формирования сетевых структур происходит объединение индивидуальных, в том числе производственно значимых знаний во внутрисетевое знание и их закрепление в базах данных в целях широкого использования всеми участниками сети. Особенностью такого знания является возможность его развития в режиме открытого доступа, которое определяется юридическим понятием «copy left», противоположному по значению «copy right». Знания, информацию из сети можно получить, обновить, усовершенствовать, а потом вернуть в сеть, таким образом, в ней происходит не только хранение имеющихся знаний, а их саморазвитие. Ярким примером этого является общедоступная мультиязычная универсальная Интернет-энциклопедия «Википедия», статьи в которой могут создавать и редактировать любые пользователи сети Интернет.

Внутрисетевое знание складывается и из взаимодействия вузов и бизнес-структур. Тем не менее, если в институте высшей школы приоритет отдаётся знанию как организованной, систематизированной информации, то в сетевых сообществах, главным становится не содержание, а способы передачи информации, т.е. взаимодействия. И уже совсем не важно, систематизирована она или нет, существенной является сама возможность коммуникации. Более информированный человек, а соответственно и более образованный – это не тот, кто больше знает, а тот, кто участвует в большем числе коммуникаций. Основой для передачи информации и знания сегодня становится форма сообщения (короткого или длинного), но задающего основные рамки некоторой действительности.

Не важно, кто становится носителем сообщений, важно, какие именно сообщения вырабатывают структуру коммуникации. Сообщения обуславливают формы сообществ и подтверждают социальный статус субъектов коммуникации. Любая социальная форма, возникающая в результате взаимодействия, является одной из разновидностей сетей, благодаря чему она может переходить в иные конфигурации [9, с. 61–75].

Здравый смысл пользователей Интернет подсказывает, что часто не нужно изобретать что-то новое. Ресурсы можно и нужно брать там, где они есть, у того, кто ими обладает. Нет необходимости как раньше идти в библиотеку, перерабатывать много текстов, чтобы провести исследование. Гораздо легче набрать в поисковиках Интернет нужный запрос, а он уже выдаст едва ни все имеющиеся по данной теме разработки, которые многие пользователи, в том числе студенты всё ещё выдают за свой собственный труд. В вузе не всегда могут и хотят обнаружить плагиат. Во внеинституционально же устроенных сетях всегда сыщется тот, кто крикнет «А король-то голый!»

Ещё один момент, касающийся выполнения функции интеграции высшей школы с реальным производством. В Российской Федерации очень сложно происходит взаимодействие высшей школы с работодателями – вузы привыкли к вмешательству со стороны государства, которое часто только называется поддержкой и защитой их интересов. В связи с этим очень многие расценивают навязанное государством обязательное участие работодателей в формировании многих моментов образовательного процесса, к которому призывают и принципы Болонского процесса, как возникновение ещё одной зоны внешнего влияния на вузы, ущемления их автономии. В результате во многих вузах реальное привлечение работодателей к формированию учебных планов, программ, компетенций выпускников заменяется формальными договорённостями со знакомыми лицами, работающими в конкретной производственной сфере, занимающими там ответственные посты, и формальным же подписанием необходимых для реализации образовательной программы документов. Опять же действует сетевой

принцип построения взаимоотношений, причём внеинституциональная составляющая в данном случае не противостоит и не конкурирует с институциональной, а реально помогает институциональной автономии высшей школы в условиях принуждения её к определённого рода действиям.

Использование уже имеющихся доступных ресурсов и отказ от поиска новых, саботаж, имитация поиска со стороны объектов власти является проявлением их потестарности, усиливающейся в современном сетевом обществе. Потребляя всё большее количество одинаково доступных ресурсов, подвластные с большим трудом и нежеланием подвергаются тем переменам, которые порой весьма необходимы субъектам власти. Пассивность в данном случае является ответом на утомившие внешние властные воздействия. Точнее не пассивность, а всё большее, компенсаторное и замещающее погружение в виртуальный мир, уход от институциализованной социальной реальности.

Порядок, устанавливаемый властью в сетевом обществе – это совокупность таких правил, которые регулируют человеческое поведение, создавая из них массу, но массу не однородную, не общность, а, напротив, атомизированную массу отдельных разобщённых индивидов, каждый из которых подлежит отдельному тотальному контролю. Контроль максимально индивидуализируется, осуществляется не над массой, внутри которой у индивида ещё есть шанс «спрятаться» и оставаться субъектом («внутренняя эмиграция» и т.п.). Современные же подвластные индивиды подвергаются десубъективации, объективируются, превращаются только и только в объекты. Потому просвещенческий дискурс убеждения (доказательства), основанный на модели человека-субъекта, сменяется постмодернистским риторическим дискурсом повторения (умножения) и внушения, направленного на разобщённых индвидов-объектов.

Масса возникает в результате особых информационных манипулятивных способов воздействия на человека, которые характерны для постиндустриального общества, которое по-другому называют информационным.

«В средствах массовой информации… штампуют одинаковые сообщения для миллионов мозгов, так же как фабрика штампует один и тот же товар, чтобы он использовался в миллионах домов. Стандартизованные, массово изготовленные «факты», двойники стандартизованных, массово изготовленных продуктов, поступают от немногочисленных фабрик по изготовлению образов (image-factories) к миллионам потребителей» [10, с. 75-76].

При этом производство всё больше ориентируется на желания массового потребителя, поэтому целесообразнее становится производить желания масс, а не образцы потребления. Главным же методом их производства становится соблазнение масс, что происходит через потакание и ведёт к стиранию границ между властвующим и подвластным. Поэтому толпа, масса оказывает ответное давление.

Стабилизация социальной структуры также во многом сейчас зависит от происходящей виртуализации жизни. Виртуализация иногда блокирует саму возможность жить, потому что происходит её замена тотальной виртуальной игрой, происходит играизация (и шоуизация) всей жизни человека. Перманентно-ситуационные, по принципу игры совершающиеся изменения социальной среды П. Бурдьё называет «социальным полем» [2] (ср.: у М. Фуко «поле власти»). Поле (а не вещи индустриальной эпохи) – является отзывчивой средой, которая позволяет социальным классам объединяться и разъединяться, социальным институтам создаваться и переструктурироваться. Поле создаёт единое информационное пространство, в котором происходит свободное распространение и обмен информацией. Обретение определённой позиции в подобных сетевых взаимодействиях П. Бурдьё называет «габитусом».

Структура оказывается не внешней формой, в которую помещаются субъекты и объекты, а формой процессуальной взаимозависимости этих субъектов во времени и пространстве, в хронотопе. Вуз тоже всё более становится таким полем-сетью с характеристиками хронотопа и всё менее институтом, потому что в нём переплетаются интересы общества, государства, бизнес-структур, преподавательского корпуса, студентов, которые образуют различные

информационные каналы. Потому университет становится и рынком, т.к. осуществляет задачи и экономического, и образовательного обмена между его участниками.

Но пока необходимо осознать хотя бы то, что происходящая благодаря экспонентному росту роли сетей деинституциализация высшей школы выводит в качестве главного действующего лица массу. И пока это в большей степени относится к студенчеству («улица пришла в университет»).

Профессорско-преподавательский же корпус, несмотря на попытки и из него сделать подконтрольную массу, даже при недостаточно высокой информационно-компьютерной грамотности, но благодаря другим своим качествам сохраняет свою самобытность, поскольку высшая школа – это прежде всего её профессорско-преподавательский состав. По словам Я.И. Кузьминова [8, с. 11–14], профессиональная этика и поддерживается через сложившиеся социальные сети, т.е. не только и не столько благодаря институциональности высшей школы. И пока большинство их участников ведёт себя по-прежнему, они поддерживают в этом состоянии остальных. В условиях, когда университет под воздействием финансовой или административно-политической целесообразности становится чужим, взаимодействие его членов, движимых академическими ценностями, выходит за рамки университета, сосредотачивается вокруг ассоциаций и журналов. Собственно, это существовало и раньше, но раньше своя кафедра, свой факультет, свой вуз играли основную – повседневную – роль в поддержке академических традиций. Внеуниверситетские организации узких специалистов только дополняли университетскую жизнь рейтингами достижений её членов. Теперь эта жизнь приобрела весьма жизнеспособное виртуальное дополнение, а для некоторых, вынужденных покинуть стены вуза, она существует только в Сети.

Таким образом, формирование человека как профессионала в определённой области во всё увеличивающейся степени зависит от тех социальных связей и коммуникаций, которые он приобрёл, наработал, в том числе в вузе, а также от умения использовать различные средства информационно-коммуникационных технологий, а не констатированным в документе об образовании (дипломе и его приложении) наборе знаний-умений-навыков-компетенций, которыми пытается обеспечить выпускника высшая школа как институт, вынужденный подчиняться требованиям государственных образовательных стандартов, аккредитационным требованиям и сопровождающему его существование административному нажиму и «подсказкам» государственных руководителей и чиновников, которые фатально не соответствуют требованиям рынка труда – всегда разнообразным и динамично меняющимся. Границы социального института размываются, сетевые взаимодействия, основой которых является коммуникация, а не привязанность к какому-либо конкретному учреждению, уравнивают участников, поэтому бывает трудно определить, кто конкретно оказывает воздействие в современном социуме. Оно (воздействие, влияние) происходит сейчас из коммуникации самой по себе. Сетевые взаимодействия способствуют высшей школы формировать новые «социальные лифты», которые пока не контролируются властными структурами из-за рассредоточенной структуры сетей.

Конечно, сети рождают и новые риски, справиться с которыми – одна из новых задач интеллектуалов-уникумов, воспроизводящимся в институциональном и внеинституциональном полях всё той же высшей школы.

Однако, несмотря на происходящие процессы деинституционализации высшего образования, институт высшей школы сохраняет многие свои позиции в воспроизводстве социальной структуры общества, продолжая осуществлять те функции, которые сложились ещё во времена организации университетов и в процессе их институционализации и поиске «идеи университета». Деинституализация высшей школы – это не только кризис её как социального института, это манифестация её социальной и экзистенциальной насущности, всё в большей мере реализующейся внеинституционально. Данная тенденция открывает путь к новым формам институализации высшей школы, более адекватным особенностям и запросам современности, сохраняющим за ней особую – не от государства или Церкви исходящую как

это было раньше – власть над умами, сердцами, телами людей. Эта институциональное и внеинституциональное воздействие высшей школы продолжается на все или почти все процессы общественного воспроизводства.

Литература

1. Болховской А.Л. Информационно-сетевое общество: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук. Черкесск, 2010. 159 с.
2. Бурдьё П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования. М. : Просвещение, 2007. 267 с.
3. Дудина В.И. Экспертные культуры и скрытая учебная программа в высшем образовании // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. VIII, № 2. С. 93–109.
4. Ильин В.И. Профессия как индивидуальная жизненная колея: концептуализация категории // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 4 (13). С. 515–528.
5. Кастельс М. Россия и сетевое общество // Мир России. 2000. № 1. С. 23–51.
6. Князев Е.А., Драгунсова Н.В. Сети в профессиональном образовании // Университетское управление: практика и анализ. 2010. № 5. С. 24–31.
7. Коллинз Р. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. 1280 с.
8. Кузьминов Я.И. Наши университеты // Высшее образование сегодня. 2007. С. 9–15. URL: http://www.logosbook.ru/VOS/10_2007/08_15.pdf.
9. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 61–75.
10. Тоффлер Э. Третья Волна. М. : АСТ, 2002. 776 с.

HIGHER SCHOOL IN THE NETWORK SOCIETY

Olga V. Shmurygina, PhD in Philosophy, Associate Professor, Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia). E-mail: shmur-olga@yandex.ru, 89024433111

DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-20

Abstract. The article analyses the main higher education characteristics in the network society of postmodernity. The university emerged as an original corporate and network phenomenon with a special discourse and lifestyle, characterized by desire for knowledge and communication. This provoked the openness of the university community to other institutions and individuals and led to the general cultural significance. The development and spread of network relationships are becoming more common due to the transformation of social space and time. Bridging distance through telecommunications and fast transport systems allows organizations and individuals to be included in flexible interterritorial structures that evolve into functional networks of interaction. The formation of a person as a professional in a certain field is increasingly dependent on social ties and communications, including those at university, as well as on the ability to use various means of information and communication technologies. The set of knowledge, skills and competences included in academic credentials are based on the state educational standards and often do not meet the requirements of the labour market. Communication itself becomes the basis of network interactions.

Keywords: higher school, network structures, network society, social institution, social reproduction

СТЕНОГРАММЫ УСТНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ СПИКЕРОВ – ТЕОРЕТИКОВ И ПРАКТИКОВ СФЕРЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

TRANSCRIPTS OF REPORTS BY THE KEY SPEAKERS OF THE CONFERENCE

DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-21

НОВАЯ ЭТИКА СУБЪЕКТОВ КОММУНИКАЦИИ В УНИВЕРСИТЕТАХ: РИСКИ УТРАТЫ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ

Ольга Астафьева, д-р филос. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Институт государственной службы и управления, Москва, Россия

В сложившейся традиции общения с участниками «CU-2020», взаимодействия с такой огромной аудиторией и, конечно, подключении новых участников, наше с вами желание обсудить вопросы, связанные с новыми цивилизационными вызовами и возможностями, представляется актуальным. Несомненно, сегодня осмысление этих проблем, прежде всего, проблем техногенной цивилизации, связано с пониманием нахождения современного общества в ситуации серьезного макросдвига. На самом деле, это определенное пространство бифуркации. Бифуркации в динамике эволюции социокультурных отношений, в изменении иерархии ценностей. Собственно говоря, эта ситуация, когда выстраивается новая система отношений, которые базируются на принципах, заложенных в основу этой системы взаимодействия. Это принципы: нелинейности развития при одновременном стремлении к целостности антропо-социо-культурной системы и ответственности.

Речь идет об ответственности, которая сегодня формируется, прежде всего, у молодого поколения. Это новая система этических отношений в университетах, которая не мыслится без понимания того, что у нас есть две дополняющие одна другую реальности. И та традиционная социокультурная реальность, в которой мы с вами выросли и социализировались, сегодня для нашей молодежи хотя и выступает основной, но не воспринимается уже без иной «реальности», дополненной новыми технологиями. И, соответственно, требующей от молодёжи новых отношений. Еще почти двадцать лет я назвала ее «квазисоциум» и пыталась осмыслить перспективы социокультурных изменений в связи с расширяющимися возможностями, повышенным вниманием к информационно-коммуникативным технологиям и влиянием на культуру и образ жизни[1].

Вопрос понимания и осмысления процессов взаимодействия людей в этой новой цифровой системе знаний, отношений, коммуникации в контексте изменений и трансформации социокультурной среды России – это сложнейшая проблема.

Об актуальности темы говорили многие в связи с тем, что это стало проблемой не только людей, находящихся и живущих в современном мире, но, прежде всего, институтов культуры и системы образования, в частности, которая определяет вектора культурного развития общества, стили поведения, типы и нормы социальных отношений между людьми.

Пользуясь теми же самыми гипотезами М. Кастельса (которые частично подтверждаются, а частично, напротив, не находят подтверждения) о том, что с конца XX-го века в

[1] Астафьева О.Н. Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов: возможности и пределы. М. : Изд-во МГИДА, 2002. 295 с.

нашей цивилизации не просто происходят изменения, а возникает новая антропосоциальная структура, я бы даже добавила – антропо-социо-культурная система, поскольку без элементов новой этики взаимодействия людей (то есть, понимания того, как проживать в этой новой структуре) мы с вами не сможем выстроить или сохранить наше общество как систему, наделенную свойствами человекоразмерности и потенциалом к самоорганизации, развивающуюся в сверхбыстрой динамике, порой даже стихийно[1].

Я скажу, что предложенные в последние десятилетия технологии, связанные с информатизацией, компьютеризацией и цифровизацией образовательных пространств, оказались «сырой» системой, которая еще не была рационализирована в полной мере или, как мы сегодня знаем или представляем, которую только предполагалось внедрять в ближайшей перспективе во многих вузах страны, По большему счету, она явилась для многих образовательных и научных учреждением неким откровением и открытием. И то, что я сегодня заговорила о сдвиге, об этом предупреждали многие ученые. Это ведь сдвиг не только техногенной цивилизации, это сдвиг в сознании людей. И это несмотря на то, что подготовка сознания происходила постепенно, путем внедрения идей и принципов доступности и открытости информационного пространства. При этом глубина социокультурных изменений, задаваемая этими принципами, выступающими своего рода нравственным обоснованием перемен, не была очевидной, потому что они еще и до сегодняшнего дня недостаточно поняты и слабо отрефлексированы в нашем обществе. Таким образом, в марте-апреле 2020 года большинство образовательных сред оказались один на один перед ситуацией перехода в новую виртуальную реальность, отличительной чертой которой стало чрезмерное насыщение информационно-коммуникативного пространства. Именно поэтому для многих студентов университетов обучение в дистанционном формате оказалось сложным и неоднозначно трактуемым. По моим наблюдениям, оценка происходящему дается, скорее всего, негативная, чем позитивная.

С чем это связано? Конечно, когда мы проводим прямые аналогии, линейные сравнения между коммуникацией в социальном мире и коммуникациями в новой реальности, мы забываем о том, что между ними невозможно достичь полного тождества, и достигать его не имеет никакого смысла. Речь идет о поисках новых социальных и культурных отношений, новых принципов этики.

Я помню, как тридцать лет назад, когда разговоры о виртуальной реальности воспринималась, скорее как «околонаучные», а обсуждения принимали даже несколько странноватый характер, в Институте человека, который в то время существовал в Институте философии РАН, успешно функционировала лаборатория «Виртуальная реальность». Ею руководил Николай Носов и именно там поднимались проблемы этики и создания новых пространств. Замечу, обсуждались они, как необходимые для далекого будущего, а актуализировались уже сегодня.

Не в последнюю очередь на оценки, которые мы получаем в адрес дистанционного обучения, влияют те факторы, которые мы называем внешними, но очень важными факторами. Это ограниченность ресурсов: именно ресурсов, прежде всего, не только материально-технических, но и кадровых. Согласитесь, неподготовленность огромной группы кадрового потенциала вузов к созданию, восприятию и обработке больших текстов, информации и знания в целом, стала своего рода еще одним откровением. Часть людей и в нашем вузе оказалась в одночасье за чертой цифровой и интеллектуальной жизни. Образование же по своему определению очень гуманно, поэтому, конечно, отношение к освоению этого пространства, должно строиться на постепенном включении в него всего профессорско-преподава-тельского коллектива.

Но я хотела бы акцентировать внимание еще на одном моменте. Ведь уровень культуры работы со знанием и информацией определяет и специфику коммуникации. Уже сегодня данная специфика носит определенный сетевой характер информационных технологий, ко-

[1] Тхагапсоев Х.Г., Астафьева О.Н., Докучаев И.И., Леонтьев И.В. Информационно-семиотическая теория культуры: введение : коллективная монография. СПб. : Астерион, 2020. 208 с.

торые сохраняют и усиливают качества нелинейности и цикличности как повторяемости тех технологий, которые изо дня в день используются в университетском образовании. С одной стороны, специфика этой этики, которая естественно должна возникнуть в структуре, когда идет многократное усиление технологий генерирования знания, обработки информации, символических коммуникаций, заключается, прежде всего, в доверии и открытости к этой информации. Нет уже никаких эмоциональных внешних «масок», которые могли бы здесь скрывать или убирать значимость информации для тех или иных групп людей. И, главное, есть желание освободиться от ассиметричности поведения в сети Интернет.

Слушая выступления коллег, я все более убеждаюсь, что среда в эпоху глобализации, обретает нелинейный и инновационный характер. Об этом говорит С.В. Кувшинов, описывая инновации, которые визуализируются и обновляют среду; Е.И. Ярославцева рассматривает вопрос субъектно-ориентированной коммуникативной деятельности, которая уже будет ориентирована не только на конструирование сетей коммуникации, но, прежде всего, на качество обмена между людьми информацией и определенным чувством, символами, и конечно, тем, что дает культура и нравственность – это смыслами.

Деятельность в университетском пространстве обретает характеристики креативного коммуникативного конструирования. Да, как бы это не было сложно принять, стоя на позициях социальной самоорганизации, тем не менее, действительно, творческий подход к конструированию реальности, к конструированию взаимодействия становится показателем профессиональной компетентности. И культура конструирования определяет наши перспективы существования университета.

Вы помните, когда-то П. Бурдье писал о том, что не может быть образование системой оперирования и создания только правильных рациональных каналов передачи знаний, это должна быть система изобретательства. Не случайно, он видел в университетской доксе необходимость соединения науки, образования и творческих подходов. Культура конструирования во многом определяет новую среду и символико-семиотическую коммуникацию и творчество в целом[1].

Продолжая идею о культуре отношений в антропосоциокультурной структуре цивилизации, хотелось бы сказать, что эта новая система предполагает наличие у человека систем эффективного мышления, творческого мышления и ценностно-ориентированного мышления. Отсюда специальная постановка вопроса об этике, о том, чтобы и изучать опыт, и разрабатывать фундаментальные концепции исследования и поведения человека в новой реальности. Для ученых – это еще и методологический посыл а значит, это ориентация на междисциплинарность, диалог и его понимание.

Культура придает эмоционально-оценочную направленность человеческому интеллекту. Именно это позволяет многим исследователям (в том числе М.Кастельсу) констатировать и культурные мутации – то, что сегодня порождает новые риски, уязвимости и трансформации[2]. Они имеют отношение и к самим студентам, и к преподавателям, т.е. в целом, к антропогенному измерению образованию в технологическую эпоху. Переход к новым способам развития и передачи информации касается культуры взаимодействия людей, а значит, в целом, транслируется от культуры повседневности на специализированные области человеческой деятельности, включая психику человека, его понимание смыслов и умение их принимать, интерпретировал, и передавать. А эти вопросы уже разработки новых коммуникативных практик. В целом, речь идет о таких аспектах, как о символическом взаимодействии сознаний, которое осуществляется посредством коммуникативного обмена и, соответственно, переносится в цифровое пространство.

---

[1] Бурдье П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений // Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской академии наук. М. : Socio-Logos, 1996. С. 8–31.

[2] Кравченко С.А. Социологическая диагностика рисков, уязвимости, доверия : учеб. пособие. М. : МГИМО-Университет, 2016. 431 с.

Оценки, которые даются сегодня цифровому образованию, это по преимуществу оценки, которые касаются возможностей передачи информации. А вот обратная связь по восприятию знаний – это проблема, которая является центральной для всей системы образования. Это, действительно, вызов. И понимая, что коммуникация, прежде всего, это смысловое содержание передачи от одного человека к другому, в целом, коллективу и группе, это очень серьезное, исторически конкретно протекающее событие. В этом событии, конкретно протекающем, мы с вами находимся. Таким образом, наша, казалось бы, самодостаточная система перераспределения знания и незнания должна выстроиться в рамках определенной гуманистической парадигмы, но это не просто передача информации. Коммуникация, происходящая внутри университета, внутри общества, транслирует и саму ситуацию, которая происходит между людьми в целом. В системе образования она усиливается новой ситуацией, когда студенты атомизируются, лишаясь интенсивных привычных форм коммуникации. И эта атомизация, которая не была никогда нашей целью, предстает явной уязвимостью коммуникативного общества. Это можно преодолеть, только решив проблемы этики, культуры и нравственности.

Мне кажется, что нелинейность – это новая и интересная ситуация, которая позволит нам развить новые образовательные коммуникативные модели и понимать систему образования как многоструктурную и, в то же время, связанную с вариантами современной техногенной цивилизации, с тенденциями ухода от универсальности и сохранить новые уникальные практики. А они позволят преодолеть эти новые скачки, неожиданно-появившиеся новые формы. Конечно, вероятность того, что это освоение произойдет в определенный момент, мне, как оптимисту, хочется сказать, что это определит выбор траектории движения в новой цивилизации и система университетского образования достигнет той самой динамической устойчивости, о которой мы с вами всегда мечтали и в которой мы проживаем сегодняшний день.

DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-22

TEACHING EXPERIENCE DURING THE PANDEMIC AT MOUNT ROYAL UNIVERSITY IN WESTERN CANADA

Sandra L. Braun, PhD, Associate Professor, Public Relations,
Mount Royal University, Calgary, Canada

Hello! And thank you very much for inviting me to Connect-Universum. I appreciate it very much. We are Mount Royal University in Western Canada. We've been closed since March 18th. We had to do it like everybody else, throwing all of our staff online and just trying to get through that spring semester.

There are some classes on campus but they're only essential like certain labs, and you had to apply for that, and you had to justify your case and after you were approved you had to follow certain protocols. A very conservative approach is that our library is open. You know, few people use it but it's there because we think it's an important place that students need access to. That's a very large building and they follow protocols so they may be on a reduced schedule, I don't know, but our library is fairly available.

The faculties were given the choice about how to make this pivot and how to conduct their classes. Whether synchronous (meaning together) or asynchronous (meaning it's totally online). So that was up to the faculty to do. But what I've done is asynchronous. We have a live lecture, live online for our class period and then - many things, many materials are online. So students have to help themselves a little bit more, but I felt it was important to maintain some connectivity instead of just throwing a bunch of materials online. I just felt that they were going to sink, especially in the context we're in, where there's havoc all around. I felt it was really important to maintain that touch point of a relationship and that has worked out fine.

I think what we're experiencing here is a real increase in student mental health issues. Our mental health department has just been full, and it's not just for students, in terms of adjusting to this higher education, but the pandemic has put stresses on the home and the family. We have a program for students who are struggling, that spends a whole lot of time getting students on track. We have a department specifically for that. We will refer struggling students there and they'll help students as far as managing their time and staying on track. As far as my personal experience, I am rather enjoying it to be honest with you.

The positive parts to me are it's just reduced travel time, reduced pressure to be in a certain room, at a certain time on a large campus. Those classroom management things have fallen off and I'm able to focus a bit more on content and, of course, because I have these live sessions with students. We try to do really interactive things like Microsoft polls, and interactive classroom exercises, that all helps keep them engaged. And I'm really big about always telling them that they can contact me. I have built-in appointment times, you know. It's slotted in my day, and students can just meet me. They just have to drop me a line and let me know to be online at that time.

As far as my classes, I teach Public Relations Writing, and I think one of the blessings that I've experienced actually is this has forced me to become a little bit more innovative. I actually found online educational program for students to teach them the grammar portion of the class, and it's taken a lot of pressure off me actually, because, I think, that software is so well done. And I'm getting feedback from the students that they're really enjoying it. They're learning a lot and so I've actually had been able to offload about maybe 25% of the classroom material onto this software program. It only costs students about 36$ for the semester, so it's even cheaper than a textbook. It's a publisher called Macmillan, and they have a grammar program called Achieve and students go online and they take a practice test in grammar. Then they get some feedback about how well they've done. I don't make it count it's just a benchmark for them and then the program gives them a study plan that they can work on during the semester and I give students credit just for finishing the study plan. They don't have to have a certain grade but, if you just finish it, I'll give you 3%. Then they have a final exam which I'm going to count. It covers all. I have found it to be good. I'm having a great experience online. They're really learning what I like. Yes they're struggling but I feel that it's a good struggle.

DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-23

PRE-PANDEMIC UNIVERSITY MODELS: THE ECOLOGICAL UNIVERSITY

Eduard V. Galazhinsky, PhD, Professor, Doctor of Psychology,
Rector of National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Irina P. Kuzheleva-Sagan, PhD, Professor, Doctor of Philosophy, Head of Department
of Social Communication, Tomsk State University, Tomsk, Russia

Snezhana S. Nosova, Senior Lecturer, Tomsk State University, Tomsk, Russia

How is a University different from all other types of social structures? First of all, it is distinguished by its self-reflection and its self-description. It is believed that thanks to these particular properties it has existed for more than 800 years. In other words, a University is designed not only to educate and conduct research, but also to critically evaluate its own values, mission, and academic practices by describing them in various forms, such as charters, codes of regulations, and all types of publications. University's activities do not have any distinct boundaries. When such are proposed, a University starts losing its ability to resurrect under new conditions. Self-reflection and self-description, along being free of limitations provide a University with the amazing ability to regenerate and to adapt to the most complicated historical circumstances.

The discourse on exciting and potential university models is ongoing. However, from time to time it becomes more active and diverse in terms of opinions. As a rule, it happens at the change of epochs, in times of technological (or industrial) revolutions. This is exactly where we are right now. The pandemic has contributed to how we see a modern University and most probable ways of its development.

For Tomsk State University it is very important to engage in the discourse because we are preparing to participate in the Strategic Academic Leadership Program announced by the Russian Ministry of Science and Higher Education. Being a frontier university at the threshold of the Fourth Industrial Revolution, we need to reflect on the upcoming trends and try to get a glimpse of the future. This is why we are launching a series of reviews on the models of universities proposed by various authors in publications that have become objects of attention within the academic community. I hope that these will be of interest to the working groups involved in developing the roadmap for the application to the Strategic Academic Leadership Program.

Ronald Barnett is one of the authors who has brought the discourse on the inevitable transformation of a University to a new level. Ronald Barnett is a social philosopher, Emeritus Professor of Higher Education, and a consultant of the University College London.

He began his famous inaugural lecture "Realizing the University" with the words "Western university is dead. It is hard to believe, but this is reality." At the same time, Ronald Barnett still hopes for a miracle that one day a New University will appear due to its unique nature. He believes that the logic of supercomplexity of the modern world and the ambiguousness of a University as a concept make it possible for its various versions to co-exist under certain conditions.

Ronald Barnett examines the diversity in the form and structure of the University and maps the landscape of different university formats. This is done in an effort to enrich and deepen this landscape and push the conceptualization of the university beyond the contemporary formats of the neoliberal university. In the book The Ecological University: A Feasible Utopia, Barnett develops a grid for mapping the idea of the university into four quadrants, each with its own structure and being, resulting in a multitude of different universities—or 'imaginings of the university'.

In the age of supercomplexity, University's goals become more and more complicated and grow in number. Therefore, the re-evaluation of its mission takes place. It represents the idea that the University must generate supercomplexity and teach how to live with it. The new epoch makes it difficult for the University to develop long-term and more or less constant strategic goals. The major call of the University is to be continuously re-evaluated and re-interpreted.

Of course, not all of Barnett's thoughts on the coming University are indisputable. However, most of them are still relevant and still serve as a socio-philosophical basis for other authors to propose models of universities of their own. Therefore, it is worth giving a little more detail about them.

Barnett has identified several principles that should be considered when developing any university model. They can be described in the following theses:

Apart from scientific knowledge, there are many other types of knowledge that influence each other. The type of knowledge with the highest value today is the one that has the greatest application. The ability to acquire knowledge is being increasingly reduced to the ability to process different types of data. The variability and fluidity of the world have reached their apogee, as a result, the world is becoming not just unknowable, but "radically unknowable." Ignorance has replaced knowledge.

The concepts of "truth" and "knowledge" represent the ideals of the Enlightenment. They cannot be used to justify the modern University. Its ideology is described by the phrase "realizing one's capabilities." The concepts of democracy, justice, citizenship, and society should be part of realizing a modern University, but they cannot fill its main goals with content. These goals can be described using such concepts as uncertainty, unpredictability, controversy, instability, risk, disorder, and volatility.

Despite the fact that many people still believe in the development of personal identity as the main task of higher education, the very concept of personal identity in the postmodern era has been called into question. Moreover, a modern university should be built on the awareness that everything in the modern world is in doubt, including all existing structures and value systems.

The world is characterized by supercomplexity. This degree of complexity requires new ways of survival and, if possible, even prosperity in conditions where all theories are constantly tested and questioned.

The university is exactly the place where such supercomplexity is born. At the same time, one learns how to survive in it by mastering the skill to handle numerous forms of cognition, existence, and activity.

The university must shape within itself and deliberately create a situation in which one can think about the unthinkable.

The concept of a new University should be based on critical interdisciplinarity and collective introspection, which are expressed in constant discussions between representatives of various scientific disciplines and areas; in clashes of opinions and dialogue that lead to fresh ideas, alternative prospects of development, and to making goals more complicated. It all results in "creating a situation in which you can think about the unthinkable."

The flexibility of boundaries within the University is provided by creating numerous forms of academic identity both in the horizontal plane (over the disciplinary boundaries at the level of various university structures) and in the vertical (within the framework of individual departments, laboratories, and faculty).

The University is inevitably engaged because it needs to survive in a society in which knowledge exists in various forms and institutions, procedures, and definitions. The University is forced to ally with industry, business, and external consultants to maintain its place in the knowledge production market.

The communicative tolerance of the University is expressed in maintaining its ability to speak out in a variety of voices, as well as in its ability to conduct external discourses in ‘languages’ understandable to various audiences: the media, political and business structures, government officials, and others.

The value system of the modern University is determined by its collective self-irony, which helps it survive in a world where nothing is certain and where one has to deal with conflicting discourses.

Barnett also draws attention to the fact that in order to master the process of producing supercomplexity and managing it, the University must have a variety of professional resources that help

expand the palette of its imaginary opportunities. The paradox is that the universities, being involved in the production of knowledge, know very little about the real potential of their research and teaching staff. Therefore, they must periodically conduct “detailed epistemological and professional audits” of their employees. At the new University, academic managers also play an important role. Their task is to develop a collective understanding of the situation of uncertainty.

This situation of uncertainty is manifested, among other things, in the fact that the category of "researcher" has lost its clarity:

“A scientist is required to be able to manage the multiple frameworks of not only thought, but also activity, self-knowledge, and communication. A supercomplex world needs researchers with a bold identity; those who are ready to cooperate with politicians and government officials, who are able to get used to their discourses and speak in a language they understand. Then scientists will begin to live in the real everyday world. They will become a kind of communicators. Such "humility" on the part of scientists opens the door to many different interpretations of any situation. For example, the idea of "solving a problem" as the goal and essence of research should change. There is no rigid concept of solving a problem since there are no solutions to problems at all. There are only discourses of understanding the problems, which are controversial in themselves. Thus, scholars must learn to skillfully handle discourses surrounded by rival discourses and opposition blocs. Scientists will have to become a type of public figure, even politicians, but in their own fields."

According to Barnett, it is necessary to critically reflect on the meaning and objectives of higher education, proceeding from at least two meanings of the very concept of “higher education”. It is higher because: 1) it reveals the controversy of the framework of a higher order that helps a person to understand the world; 2) it involves those who are called upon to develop as human beings, capable of assimilating higher-order uncertainty and adapting to it.

A high-quality education in a modern university presupposes the formation of an appropriate attitude towards uncertainty, both on the part of academic teachers and students. It should be organized in such a way that the former can take uncertainty as a form of existence in conditions of supercomplexity. In the minds of the latter, it should generate an awareness of this uncertainty and prepare them for a comfortable life in this fragile world of supercomplexity.

According to Barnett, in a university built on the principle of uncertainty, it is necessary to abandon the old and narrow meaning of the concept of "teaching" only as a process of transferring knowledge and acquiring professional skills. It is necessary to develop new teaching methods that allow students to learn to formulate doubts and gain experience in mastering controversy as such. Lectures should be replaced with interactive teaching methods such as debates and workshops, giving students the opportunity to work with conflicting ideas and perspectives. Especially noteworthy is Barnett's idea that for students to successfully develop an appropriate attitude towards uncertainty and the ability to formulate their doubts, it is necessary to "induce fermentation in their minds" and "just believe in them."

Barnett is well aware that teaching of this kind requires a long-term commitment to students. It is necessary to constantly communicate with them, stimulate their self-confidence, help them to realize their own achievements. It should come as no surprise if, given these teaching requirements, many scholars prefer a research career to teaching.

At the same time, Barnett asks a provocative question: "Does the university need students at all?" His own answer is "Perhaps some twenty-first-century universities will simply offer their products on the market due to the fact that teaching students is not profitable enough to make it their ‘core business’".

Barnett's inaugural lecture ends in about the same way as one of the most famous Plato’s dialogues, in which Socrates and another ancient Greek philosopher-sophist take their time to argue about "what the Beautiful is." In the end, they come to the conclusion that "the Beautiful is complicated." So Barnett ends his lecture with the words: “The University is a complex structure. (…) How does the university, on the one hand, develop the knowledge necessary for power and control over the world, and, on the other hand, deepen the understanding between people and the world?

How does it manage to simultaneously carry education and criticism, and meet the demands of economic revival and growth? It is tempting to say that this is fundamentally impossible. But this is not the case. The University must do all those things, despite their inconsistencies. (…) The University should help us to live in conditions of uncertainty and even teach us to enjoy it. This task is before us, and in a world where total uncertainty reigns, it cannot be the other way."

After the lecture of 1997, Ronald Barnett published a number of articles and books in which he continued his "understanding of the University." One of his last works, which also became very famous, is the monograph *The Ecological University*.

In *The Ecological University*, Ronald Barnett argues that universities are falling short of their potential and responsibilities in an ever-changing and challenging environment. He proposes a new model and despite its apparent utopianism and abstractness, it has the greatest potential in terms of further evolution of higher education The University is interconnected with a number of ecosystems: knowledge, social institutions, persons, the economy, learning, culture, and the natural environment. These seven ecosystems of the university are all fragile and in order to advance and develop them, universities need to engage with each one. Unlike the Humboldt University, which exists "on its own", and the entrepreneurial one, which lives "for itself", the ecological university, involved in all ecosystems of the world, functions "for the others."

Here are some of Barnett's arguments in favor of the 21st-century university to be actively concerned about the state of the entire earth and even the universe.

- The very concept of a University (the word came from the Latin Universitas - totality, community) initially carries the meaning of universality and the Universe.
- The University has acquired resources and strength and therefore has the opportunity to take care of the ecosystems in which it is involved.
- In the 21st century, these ecosystems are not outside the University. They and the University flow into each other. Through this interconnection, these ecosystems have become the "deep ecology" of the University.
- Different universities are involved in the seven ecosystems in different ways, thus creating unique environmental opportunities for each university.
- The Ecological University will fully manifest itself when a university - any university - not only interacts with its ecological periphery but when this interaction becomes inseparable and acquires an ecological essence.
- The Ecological University is an ethical university with responsibility for developing its own capabilities to promote the well-being of the seven ecosystems.
- The process of developing the ecological capabilities of each university, requiring imagination and institutional fearlessness, has no end in either time or space. The Ecological University is in a state of constant emergence, as it develops its ecological profile in all seven ecosystems, "distributes" itself through them, and constantly change.
- The idea of the Ecological University is both realistic and idealistic, critical, and radical.
- Perhaps the idea of the Ecological University will never be fully realized. However, there are good reasons to believe that it may well materialize to a large extent. The world still has a chance to realize WHAT the University can offer and what its true place in the world is.
- The rudimentary signs of the Ecological University already exist. Yes, the ecological university is utopian, but it is a feasible utopia.

You can now learn more about the concept of R. Barnett's Ecological University in the Russian edition of his book, first translated and published by the Publishing House of Tomsk State University.

Ronald Barnett is one of the first to raise the question of the need for a radical transformation of the University at the turn of the 20th and 21st centuries. However, the Ecological University is just one of the options for such a transformation proposed in the pre-pandemic era. It certainly deserves a lot of attention in view of their high value and ethical foundations. But the academic world and the general public have been presented with some other scenarios for the evolution of the University, which will be discussed in the next issues of the blog.

DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-24

PRE-PANDEMIC MODELS OF THE UNIVERSITY: ALTERNATIVE APPROACHES

Eduard V. Galazhinsky, PhD, Professor, Doctor of Psychology,
Rector of National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Irina P. Kuzheleva-Sagan, PhD, Professor, Doctor of Philosophy, Head of Department of Social Communication, Tomsk State University, Tomsk, Russia

Snezhana S. Nosova, Senior Lecturer, Tomsk State University, Tomsk, Russia

Another book on the transformation of the University that turned out to be quite a sensation was written by David Staley, Associate Professor and Director of the Humanities Institute and Director of the Center for the Humanities in Practice at Ohio University. The book was published a year and a half ago and was met both with great enthusiasm and negative feedback, therefore, it deserves our special attention. Just like Ronald Barnett, David Staley believes that the University is always in a state of formation by nature, but modern universities suffer from a lack of imagination in terms of reinventing themselves. However, unlike Barnett, who advocates the idea of the Ecological University as the "gold standard" for all institutions, Staley offers alternative scenarios for the evolution of the University. In his opinion, everyone who craves innovations in higher education needs, on the one hand, to focus on the already existing transformational experience of universities; and on the other hand, to not be afraid of purely speculative reasoning that broadens ideas about the future of the University, its possible formats, and scales.

The synthesis of these two principles resulted in ten models of innovation in higher education (in fact, ten alternative models of the University). The author offers them up for the readers' judgment, drawing the corresponding historical parallels. For the sake of fairness, we must say that the "prototypes" of most of these models were known long before Staley's book and were discussed by many experts, including such well-known authors as Noam Chomsky and John Moravec.

According to Staley, the general outlines of the innovations in higher education are as follows.

Platform University refers to the metaphorical idea of a supermarket open 24/7 for anyone to get whatever they need and leave whenever they want. And this applies not only to students but also to professors. There are no full-time teaching staff and administrators, no formal admission procedures, no specific schedule, no mandatory curriculum, and so on. Students and educators share common interests in a particular subject or research area. Training courses are constantly updated and exist as long as they are in demand. Platform University is a self-organizing structure that operates in physical spaces such as libraries, co-working spaces, museums, offices, manufacturing facilities, and even churches.

A system of Microcolleges can include an unlimited number of microstructures dispersed in a wide variety of spaces - from scientific laboratories to private homes. Each of them is represented by a group of several students, led by one professor with a high professional reputation in a certain scientific field. The nature of the studied issues, the content of the curriculum, and teaching methods here are determined by the experience and personality of the professor - the central "element" of the Microcollege. Together, these microsystems represent an educational ecosystem with minimal administrative regulation. The only factor important but not critical for the accreditation from the relevant regional bodies is the professor’s reputation in the academic community. Certain electronic devices help the professor to capture and analyze their spoken language in order to coordinate and personalize work with students. Microcolleges are focused primarily on people with a high ability to self-organize.

The Humanities Think Tank (HTT) gives a new status to representatives of the humanities and social sciences. Such centers can exist both within a larger structure and autonomously. This is

a team of people representing a spectrum of areas in the humanities and social sciences, whose main function is to read, think, discuss, and compose analytical reports and forecast materials necessary for the development of government, social, economic, and military strategies, the formation of alternative policies and the solution of vital problems for individuals and society as a whole.

Nomad University exists everywhere and does not have a specific localization, which helps to prepare specialists for a cosmopolitan world. They can engage in professional activities both independently (on a freelance basis), and in temporary teams for specific projects. Accordingly, the university is constantly changing its location depending on the specific issues it is going to deal with. Its basic principles are constant mobility that provides a unique educational experience in each particular case, the concept of the city as a campus, and the implementation of the project learning technique.

The Neo-Liberal Arts College radically implements the ideas of liberal arts and is not structured into faculties and separate educational areas. It focuses on the formation of seven basic skills required in the 21st century: solving complex problems; the ability to generate meanings; productive activity; imagination; multimodal (verbal and non-verbal) communication skills; intercultural competence; and leadership. All these skills as the main goal, not a by-product, are developed, first of all, in workshops and in various internships under the guidance of mentors. The College has a campus, but most of the educational process is held in enterprises and organizations that invest in students as potential employees.

Interface University is the realization of the idea to combine/synthesize human and artificial intelligence (AI), which results in AI becoming the "third hemisphere" of the human brain. Artificial intelligence takes over part of the functionality of the left hemisphere of the brain, which allows students to focus more on developing the right hemisphere, whose attributes cannot be imitated by the computer yet. These attributes include curiosity, creativity, imagination, surprise, and reflection. Students are in constant dialogue with their 'third hemisphere', completing various educational tasks. The main (core) skill in Interface University is programming.

The University of the Body trains its students to perceive and interpret external data contained in visual, tactile, oral, kinesthetic, and olfactory objects, using all the senses. It also trains students to communicate information through various media of their bodies. To do this, students learn the language of facial expressions and gestures.

The Institute for Advanced Play relies on games, imagination, and the construction of alternative worlds. The Institute is based on the concept of understanding games as the most effective form of cognition. In a way, it resembles a game club, since there are no teachers or students as such. There are only fellow players. Selection is carried out through competition challenges.

Polymath University implies mastering three different specialties at a time, for example, literature, marketing, and chemistry, and forms different types of thinking. Students who study triple majors in widely diverging subject areas develop flexible and complex thinking. The educational concept of this university is based on the idea of the holistic world around us.

Future University teaches both pure and applied futurology through the study of systems of various types.

In his interview forInside Higher ED David Staley explained how he came up with the idea of these particular alternative models for higher education and on what principles he based his concept. He argued that radically new institutions must be built from scratch, for example, as it happened with Johns Hopkins University and the University of Chicago. "A very few -- like the colonial colleges, Harvard and Yale -- transformed themselves into research universities, but these were the exceptions rather than the rule. Those institutions that do transform tend to change into preexisting forms of the university, as when a commuter campus transforms into a research university with a Division I football program. This is not innovation as much as changing to emulate another institution. Even this kind of transformation is quite difficult to achieve."

Staley accepted Barnett's challenge to expand his imagination and to propose radically new models of the University. To do this, he studied not only a wide range of ideas on the future of

higher education and science, but also the legacy of the founding fathers of innovative universities. The most relevant among the modes proposed are Interface University and Polymath University. Realizing that many readers will see his ideas as pure speculation, i.e. completely abstracted from real practice (especially since the book itself has a corresponding title), Staley considers it quite possible to at least partially implement them. In other words, existing universities can organize smaller versions of alternative - innovative - universities, or rather, colleges, within themselves and engage a relatively small number of students and teachers. If the model is successful, the pilot college may grow in size. It may even reach the stage where, as a startup, it will stand out as a separate entity. This way, existing universities can create incubators for future innovative universities.

At the same time, one must be prepared for the fact that these new entities will not meet the existing educational standards and requirements for the manner of interaction between teachers and students. It may complicate their accreditation or even make it impossible in the first place. Hence, the implementation of alternative models of the University should be supported by their legitimization.

The book by David Staley, as mentioned above, has caused extremely contradictory judgments from not only average readers but also from the academic and expert international community. To some it seemed too 'crazy', to some – 'not so innovative', and to some – 'radically revolutionary'.

Here are some reviews of the book:

> *"I read this book for a workgroup. I don't know how this waking dream got five-star ratings from anyone other than an administrator wanting to trim faculty payroll, but I didn't find anything useful in it. It's a series of musings about different educational models that share one thing in common- corporations are kings serviced by students and teachers and there is no faculty job security, specialization, etc or really any reason whatsoever anyone would pursue university-level teaching."* (Ann Campbell)

> *"I cannot convey how dreadful, naive, pathetic, bonkers, and boring this book is. I had high hopes. The revisioning of the university is an important project. Moving beyond 'the crisis' is necessary. .... [But] the 'speculative' designs offered in this book are ridiculous. They were either completely disconnected from the political economy or created a 'microuniversity' that 'serviced' the gig economy.... Our universities were - and are - extraordinary institutions. They have lost their way, but setting up a classroom in a church is not a forward-facing strategy."* (Tara Brabazon, Dean of Graduate Research and Professor of Cultural Studies at Flinders University, Adelaide, Australia)

> *"The main issue that I have with this volume is that, "Speculative Design," does not necessarily mean announcing each and every non-traditional concept for education as a possible source of innovation if there is no surrounding analysis and context for how any of this could work. The other issue that is more ancillary but may have made this even somewhat practical would be discussing the actual majors that several of these university designs could specifically target. This would not be appropriate for all of them but .... If you are looking for some notions way out in left field that likely have not been imagined by any of your current university committees, perhaps this would be worth a perusal. Otherwise, I'm not quite sure what to make of this. I heard his ideas, thought about them, and now have no new information nor insight as to how any of this would be tenable, especially in a post-COVID world."* (Dan Graser)

> *"As a fellow Higher Ed admin quarantined in the time of COVID, this book was a compelling read that presented many models to imagine operating in. There are definitely some possibles (Nomad U, Polymath) and there are definitely some favorites (Microcolleges, FutureU). Instead, I think it's better to imagine a possible future of Higher Ed institutions with the best elements of them all - student choice (Platform), travel experiences (Nomad U), influencing policy (Think Tank), sense-making (Liberal Arts), niche environments (Microcolleges), cross majors (Polymath), cyborg evolution (Interface), and designing the future (Future U). If not done carefully, we could end up with what we've got; post-COVID, we may have no other choice but to truly evolve."* (Leah Macvie)

Of course, David Staley's book is not a list of recipes that can be used here and now. The author honestly warns the reader about this by the very title of the book, introducing the concept of "speculative design" into it. But it is also obvious that it needs to be read, even for the sake of understanding how conservative our own imagination regarding the future of the University is or how open we are to innovations; to what extent we are ready to radically transform the university reality and ourselves in this reality.

DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-25

POST-PANDEMIC MODELS OF THE UNIVERSITY: THE NEW GLOBAL UNIVERSITY

Eduard V. Galazhinsky, PhD, Professor, Doctor of Psychology,
Rector of National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Irina P. Kuzheleva-Sagan, PhD, Professor, Doctor of Philosophy, Head of Department of Social Communication, Tomsk State University, Tomsk, Russia

Snezhana S. Nosova, Senior Lecturer, Tomsk State University, Tomsk, Russia

The coronavirus pandemic has become a powerful driver of various activities, including the discourse on the radical transformation of the University. Being enriched with information about what has been going on and what is happening in the world of higher education since the beginning of 2020, the discourse has begun to generate new models of the University at an even faster rate than before. Such models are fundamentally different in that they are based on trends in higher education, which began to manifest themselves clearly in the context of the pandemic. Two models of the new University presented since the beginning of spring in publications on various internet platforms attract special attention. For the purpose of our discussion, they can be called "utopian" and "dystopian" models.

The first of these models was designated the 'new global university' by Jamal Eddine Benhayoun, Vice President for Academic Affairs at Abdelmalek Essaadi University in Morocco. The term 'global university' is certainly not a new one. Many universities call themselves global. Most often, the main arguments for such a name are their focus on achieving international competitiveness and openness to applicants from all over the world. Such universities can join in the Association of Global Universities. However, among the 'global' universities there are also very interesting and truly innovative ones. For example, the global Mindvalley University. Its website says, "Mindvalley University is a 1-3 week-long transformational event exclusive to Mindvalley All Access subscribers and Global Campus members that takes you to a different city each year, immersing you in a curated community of workshops, talks, and seminars..." From further descriptions of the university, it becomes clear that it is a kind of synthesis of the Coursera platform and the University of Nomads by David Staley

But let's get back to Jamal Benhayoun's New Global University (NGU). In his opinion, COVID-19 offers the best time to reflect on the idea of transforming the university, moving it into the context of globalization based on the principle of continuity. The future University, which the author calls the new global university, must preserve the tradition of academic excellence, but also move towards forcing current traditions and applying new approaches to education following the ongoing changes. Unlike most prestigious universities, which advertise splendid campuses and competitive admission on their websites, the new global university "has to make a statement of its own through the actual diversity of its community of staff and students and by its power to network and influence academe irrespective of the time difference, geographical location, and cultural background."

Jamal Benhayoun believes that the new global university is "an open access establishment influenced and enriched by the cultural and intellectual import of its community across distances and locations. It is a structure neither constrained by place nor by parochial insignias of governments and states. Faculty can apply to join the NGU from all regions of the planet and must have at their disposal the best means and methods to serve and empower communities of students and scholars worldwide.

The installation of alternative but technologically and ethically advanced academic structures as substitutes to traditional higher education institutions is not an idealistic project. Over the past few months, communities of scholars and students have managed to engineer unprecedented ways

of reaching out to each other and engaging one another on multiple levels at a rate that only a couple of months ago would have seemed almost impossible to imagine or at best unproductive… Knowledge must be transferable, universal, negotiable, and transmissible within spaces free of geological barriers and cultural inhibitions. The establishment of the NGU should, however, never take place at the total disruption of the existing structures of higher education.

The NGU will be more of an alliance of world universities as they complement and empower one another to serve students and scholars at all times and in all places and to respond to emerging global challenges all at the same time with shared visions and savoir-faire.

All major world organizations, trusts, governments, consortiums of education professionals, and technology providers have to come together and contribute to the project of setting up an alliance of world universities to give rise to the NGU that should define the new millennium."

Professor Benhayoun believes that the virtual presence of universities around the world will continue to evolve, influencing teaching, learning, and research in the months and years ahead. The expansion and distribution of higher education within the concept of the NGU implies an appeal to the Nietzschean concept of 'the will to knowledge as a will to power' as an idea that can lead to peace, universal wealth, and solidarity among peoples. It must change the doctrine that, after World War II, the main function of most universities has been to expand national military programs designed to provide the homeland with the invincible strength needed to defeat enemies.

According to the classical university model proposed by von Humboldt in the early 19th century, the modern, i.e. research university must be described as an institution with the nation-state and national culture as its main orienting points. Over the last 200 years, socio-political contexts have changed. Thanks to the COVID-19 pandemic, the need for the global production and diffusion of knowledge, instead of a purely "national" approach to the organization of higher education, has become obvious. Undoubtedly, this will lead to major geopolitical transformations. The idea of the new global university will help to establish universal peace and to organize a global community. The post-pandemic context will provide the most appropriate environment for revisiting past practices of the academic communities that have failed to protect humanity from global warming, widespread poverty, and the pandemic. From this point of view, the NGU has a huge potential for solving these problems.

Undoubtedly, such an optimistic and highly moral position of the Moroccan professor deserves respect. Besides, it is based on a number of already established higher education trends driven by the pandemic. In particular, it refers to the general self-organization of networked professional communities in different countries that exchange information, knowledge, and methods, helping to organize educational processes in conditions of isolation and the closedness of universities. They also help to create data banks that teachers and students can use for free. Another trend is gratuitous aid to higher education provided by IT companies during the most critical periods of the pandemic. All this proves that professional and other types of communities are capable of showing solidarity in solving the most important problems, which is ensuring the efficient functioning of the higher education system. However, there is still a long way to go before solidarity at the level of government is acheived. National interests still prevail over global ones. In general, Benhayoun's interpretation of the New Global University today looks more utopian than realistic. But will it be the same way tomorrow? The question of choosing the right way of transformation of the University remains open.

DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-26

POST-PANDEMIC MODELS OF UNIVERSITIES: CYBORG UNIVERSITIES

Eduard V. Galazhinsky, PhD, Professor, Doctor of Psychology,
Rector of National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Irina P. Kuzheleva-Sagan, PhD, Professor, Doctor of Philosophy, Head of Department of Social Communication, Tomsk State University, Tomsk, Russia

Snezhana S. Nosova, Senior Lecturer, Tomsk State University, Tomsk, Russia

I want to focus on the predictions that concern the post-pandemic transformation of universities, provided by a very famous expert in western society. The most powerful world leaders listen to his opinion and advice, since his predictions based on deep professional experience, extreme knowledge of current events, and super-intuition, as a rule, turn out to be very accurate.

I am talking about Scott Galloway, a Silicon Valley runaway who teaches marketing at NYU Stern School of Business, public speaker, author, and entrepreneur who launched about a dozen Silicon Valley startups. He was named "One of the World's 50 Best Business School Professors" (Poets & Quants) and elected to the World Economic Forum's "Global Leaders of Tomorrow," which recognizes 100 individuals under the age of 40 "whose accomplishments have had an impact on a global level". Professor Galloway is the author of the Digital IQ Index, a global ranking of prestige brands' digital competence.

Scott Galloway is best known for his public presentations and TED-style talks, called Winners & Losers and his world's bestseller *The Four: The Hidden DNA of Amazon, Apple, Facebook, and Google*, published in 2017. Readers called it "a bareback ride upon the four horses of the economic apocalypse – Apple, Amazon, Facebook and Google" and "brilliant analysis of why the four digital giants are successful and all the underhanded ways they get you to do things and buy stuff".

The book explores the strengths and strategies of the four tech giants, their new economic models, as well as their inherent greed, ambition, and the radical consequences of their rise that people face, both as a society and as individuals. Many have written about these four, but " no one has captured their power and staggering success as insightfully as Professor Scott Galloway." Some critics see Galloway as honest and witty, while others describe him as a rude, self-assured, outrageous, and provocative technocrat. But everyone recognizes his extraordinary analytical mind and gift to look into the future.

You may agree that it could be very interesting to get acquainted with the opinion of such an expert on the further prospects of the higher education system and the most relevant model of 21st-century University. We can do that from Galloway's interviews and articles published over the past few months. Conventionally, his position can be described as "dystopian".

As noted above, Galloway's forecasts are always largely based on identifying and assessing the main trends in the current situation in the United States and the world. How does he see the current trends in higher education? Galloway has repeatedly noted that every year all the elite American universities make the admission procedure more and more complicated, deliberately limiting the number of applicants. Thus, they create the effect of being inaccessible for "regular mortals". These exclusive brands allow set super-high tuition fees and generate university budgets that exceed the GDP of some countries.

As a marketing expert, Scott Galloway gives a clear analogy: a Birkin bag costs $ 12,000 or more, not because it is really worth it, but to be out of reach for the average consumer and maintain the "luxury brand" image. He notes with regret that the luxury brands of elite universities are also

supported not so much by the quality of the education they provide, which is expensive, but rather mediocre, but by admission limitations. Galloway argues that they do a fantastic job of creating the most thorough and time-consuming interview process in modern history based on preliminary screening of applicants' biographies and their social media pages to find out if they have committed any crimes; have mental disorders; or whether they abused alcohol or made racist or other drastic statements. On behalf of those responsible for American higher education, Galloway unambiguously admits, 'We are barreling toward a caste system, sequestering kids by income.'

He makes a compelling case that the strongest brands are not Apple, Mercedes-Benz, or Coca-Cola. The strongest brands are MIT, Oxford, and Stanford. But for some reason, over the past 30 years, academics and administrators of the world's leading universities have decided that having a university education is no longer a state-guaranteed human right, but a luxury item. They enjoy every time they get applause, saying, 'This year we turned down not 85% of applicants, but 87%!' It is like if the head of a homeless shelter was bragging about turning away from 9 out of 10 people who came to find help. The American higher education system, with few exceptions, has lost its original scenario. The truth is that any educational institution with tens of billions on its balance sheet that does not increase the number of freshmen is not a public good, but a private enterprise 'drunk with luxury.'

Professor Galloway, relying on specific numbers, argues the situation was very different in times of his being an undergraduate student at the University of California and a graduate student at the University of Berkeley. It was three times easier to enter those universities for an "ordinary", "unremarkable" young man with average academic performance than it is today. Scott Galloway considers himself to be such an ordinary student and graduate since he always had average marks. But today he would hardly have been able to enter and graduate from the named universities, as well as to start a business and buy a house with huge student loan debt. It should be noted here that Galloway recognizes the importance of studying at a good university, but he sees talent, luck, endurance, and tolerance for risk as to the determining factors of a person's success.

Therefore, even before the pandemic, the western, particularly the American system of higher education was in a serious crisis in terms of the quality of education and accessibility. COVID-19 finally put it into a state of severe turbulence. Nevertheless, the pandemic is harmful to some universities and beneficial for others. The wealthiest universities generate even more revenue from technology transfer, multi-billion dollar donations, and additional government funding. Most universities face huge economic challenges that can have serious long-term implications for their ability to fulfill their missions.

According to Galloway, by now it has become generally accepted that due to the pandemic, higher education (its value, price, and product) has significantly changed for the worse. Offline training has been reduced to zero, educational programs have been significantly reduced. Being a graduate of the Humanities or Medical College 2020 - 2021 will not be the same as before if you haven't visited the campus. Bachelor's or master's degrees earned during these years will cost less over time. Despite this, Galloway himself is strongly opposed to the opening of university campuses in the 2020-21 academic year (at least in the US) and advocates a complete transition to online learning, realizing all its disadvantages and risks. He is convinced that the on-campus response to the pandemic will only be effective if the same measures are followed off-campus. But it would be foolish to hope that the students will stay at a distance of 1.5 m from each other both on- and offline.

Generation Z is the age group most likely to carry the coronavirus asymptomatically. Therefore, Zoomers will feel "immortal" and ignore health care recommendations. He says that we are all exhausted by this crisis and our need to get back to normal is overwhelming. But we need to contain our optimism and show empathy and responsibility. We must ensure that healthy 19-year-olds do not pass the virus on to more vulnerable groups.

At the same time, the expert warns that the transition to full online education for economically weak universities will be devastating. That is why second-tier universities with low subsidies and high dependence on international students are forced to open their campuses in order not to go bankrupt. Only top-ranking universities such as Harvard, Yale, and the Association of Cali-

fornia Universities can afford not to open, announcing that they will conduct most or all of their classes online. Endowment funds and waiting lists of applicants to elite American universities make them bulletproof and more resilient to economic shocks than universities in most other countries. For reference, Harvard's endowment exceeds the GDP of Latvia. Hence, universities of different levels have completely different prospects and the consequences of the pandemic here are visible:

– Prosperity is for elite universities that are becoming even more exclusive, as well as for those universities that, with the help of large and small technologies, will increase the value and accessibility of higher education by reducing costs per student. Both will become stronger and consolidate the global education market.

– Survival is for higher schools that will feel a drop in demand and a drop in income but will generally be okay as they have brand equity and costs that do not exceed income.

– Struggle for life is for second-tier universities with one or several pandemic-related problems. Among the latter are an unjustifiably complicated admission procedure and inflated passing scores, high tuition fees, and a weak material and technical base.

– Death is for all those with high admission rates, high tuition fees, low resource availability, dependence on international students, and weak brand equity.

Scott Galloway has no particular pity for those who are weak: universities that, after having siphoned $1.5 trillion in credit from young people, cannot survive a semester due to reduced budgets, do not deserve to survive! At the same time, he clarifies that even the world's top 50 universities will feel a noticeable drop. Their revenues will decline in the short term as well. But thanks to a new strategy - the large-scale use of modern technology and an increase in student enrollment - they will soon get stronger. At this point, Professor Galloway goes harsh, "The argument that additional seats erode the brand equity of the institutions is bulls***" He further says that the top-20 will become even stronger than before. The next 30 universities will also be quite prosperous. But the next 50 to 100 universities will leave the serious educational business or become weak shadows of their former selves. As for public universities, where almost two-thirds of students study today, provided they use a wide range of modern technologies, they will be able to achieve a significant increase in the return on public investment. This is not to say that higher education will be reinvented, but it will be radically different. In what ways?

According to Galloway, "Leaning into the online experience will instill universities with a multichannel competence. Post-Covid this competence could result in similar levels of student satisfaction and experience, and an effective doubling of campuses if 50% of classes, those best suited for remote learning, are held online. A post-pandemic future will entail close partnerships between elite universities and the world's largest technology companies. The result will be cyborg universities: MIT @ Google, iStanford, Harvardx Facebook, Berkeley & Microsoft."

These partnerships will allow universities to significantly expand student enrollment by offering legitimate online bachelor's and master's degrees, as well as a variety of certifications whose availability and value will drastically alter the landscape of higher education. More people than ever will have access to reliable education, although it will be provided mainly online. This will make life easier for hundreds of millions of people, however depriving humanity of the individual learning system that has been developing over the centuries. In addition, it will also make a limited group of people super-rich. Elite cyborg universities will become monopolists in the global market of higher education.

If governments cannot ensure the development of certain spheres of society, billionaires inevitably get involved. And there is always a price to pay for that. They become almost untouchable and cannot be removed from offices.

In the USA, it is not NASA that launches space aircraft today, but Elon Musk. It is not the state Center for Disease Control that carries out tests for antibodies, but the head of Amazon.com Jeff Bezos. These particular people will decide who gets profit from space exploration and the most accurate COVID tests.

What does Galloway base his predictions about the emergence of cyborg universities on? In his opinion, IT giants will enter the education business not because they want to, but because they have to. There is simply no other option for them as there is no other product in the world other than higher education that can withstand more than 90 points of margin for the longest time possible at the maximum price. No Ferrari, Hermès, or even Apple can do this on their own. Apple's gross margin is "only" 38 points. Hermès and other luxury brands are somewhere between 50 and 60 points. There has never been and never is a luxury brand that would provide the same profit as modern university education. It is for this profit that IT giants will go into this area. The same will happen in the healthcare sector, where the margin is a bit lower than in education, but still quite high. IT giants will go into the arms of those elite universities that can double or triple the number of enrollees without sacrificing anything in terms of their brands.

IT companies will be responsible for the amount and quality of the technologies used, while universities will be responsible for the certification and quality of hybrid educational programs that include online and offline learning, taking into account individual educational paths. An MIT diploma and the educational value it can synthesize using its resources, its brand, and the technology of a company, just like Google, will still cost a lot of money. Galloway continues, “I just can’t imagine what the enrollments would be if Apple partnered with a school to offer programs in design and creativity. I can’t imagine what the enrollments would be if the University of Washington partnered with Microsoft around technology or engineering. These would be huge enrollments." Of course, such mergers will cause chaos in the university rankings of the second and third groups, leading to death for most of them. But this is an inevitable, natural process.

What will happen to university campuses in the future? Galloway is rather straightforward about that: "Yes, they will exist but they will be filled with the wealthiest people. A four-year experience in the humanities will be affordable only for rich kids. Overall, there will be a lot more good education, dispersed by modern online technology across millions and tens of millions of people who would not otherwise have access to Stanford's computer science program or Yale University's liberal arts programs. Knowing this in advance, you need to think about the socialization of a huge number of young people, which previously took place on campus. What can replace this invaluable experience? According to Galloway, this can be, for example, mandatory or voluntary participation of young people in providing social assistance to people with disabilities, lonely elderly people, and children; voluntary search for the missing persons; taking care of homeless animals, and the list of such activity goes on. In any case, this is a great opportunity to raise a generation capable of cooperation and friendship, despite all the disadvantages of their home education."

Drawing the conclusions we can say that Scott Galloway's predictions regarding the emergence of a new type of university - cyborg universities - are certainly very convincing since they are based on trends we have been observing lately. IT giants have consistently shown a great interest in online education. But if some time ago their interest in education was limited to training specialists, mainly for their own, today they are going to the world outside.

In mid-July 2020, Google announced a $100,000-scholarship for those who major in online data analysis, project management, and user interface.

However, despite their logic, Galloway's predictions have some contradictions. On the one hand, he sees the expansion of using modern technologies as a force capable of destroying the caste nature of higher education, making it accessible for anybody. On the other hand, he states that the same technologies will keep hundreds of millions of young people at their home computers, and thus finally divide the world into very rich and relatively poor. The former will study on campuses, the latter will stay at home.

Galloway dreams of the huge enrollments that cyborg universities can provide, but recognizes that the main dividends from the activities of universities and the right to dispose of technology will remain with a group of billionaires. But there are also indisputable theses. For example, the fact that to significantly increase the profitability of public investments in public universities, the latter needs to use the most modern technologies on a large scale.

Galloway’s reflections inevitably bring us to the question of what may be the prospects for the Russian system of higher education in the context of the emergence of universities cyborgs that will be capable of monopolizing the global market of education? The answer must be found shortly. In some ways, it can be found in the ambitions of Sberbank, the Russian financial giant. Sber (the new name of the bank) announced its new strategy for participating in the digital transformation of more than a dozen economic and social spheres, including healthcare and education.

There is one more aspect of this issue: if we try to develop Galloway's forecasts and modern trends in education, science, and technology in the next couple of centuries, they will surprisingly coincide with the image of the distant future, drawn by the outstanding American science fiction writer Isaac Asimov in his short story "Profession".

In the centralized society of the 66th century, only a small minority of the most talented people will learn from books and in live communication with their mentors. The majority of young people will get an education through a one-time injection of a “knowledge vaccine". And if we remember Elon Musk's experiments on brain chipization and the activities of the Global Alliance for Vaccines and Immunization, supported by the Bill and Melinda Gates Foundation, we will have something to think about ... The future is virtually being created before our eyes!

DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-27

THE PLACE OF THE UK UNIVERSITY IN A POST-PANDEMIC WORLD

Steve Millington, PhD, Reader in Place Management at Manchester Metropolitan University;
Programme Leader for Postgraduate courses in Place Management and Leadership; Principle Investigator,
Area Based Collaborative Enterprise ABCitiEs,
INTERREG Project, Manchester, UK

I'm just going to give a broad perspective on what's been happening in the UK. I'm not going to dwell too much on the short-term impact, but I'm going to focus on the university campus and place making, and what that might mean for the future campus. We have the specter of massive open online courses (MOOCs), which may have millions of students. The debate now is that this will replace the campus. They won't be a campus.

Just a bit of background: I'm from the Institute of Place Management or a professional body. We help people make places better, hopefully, no one wants to make them worse, I don't know. And this is kind of what we do: place management, place marketing, place making, and tourism visiting - we couldn't think of a good word there.

We run our journal - *The Journal of Place Management and Development*. What's happened since the last time we met is that we are now running the national High Streets Task Force for England. We're involved in revitalizing the high streets or town centers across England.

The problem with universities is that they've always had a pragmatic relationship to place. Certainly, you know the traditional British universities, such as Oxford and Cambridge. Although they're synonymous with particular towns, they always stand accused of being disconnected from their local communities.

We use the phrase “ivory tower” to refer to this closeted elite group of academics and students, who don't mix or get involved with what happens in a place.

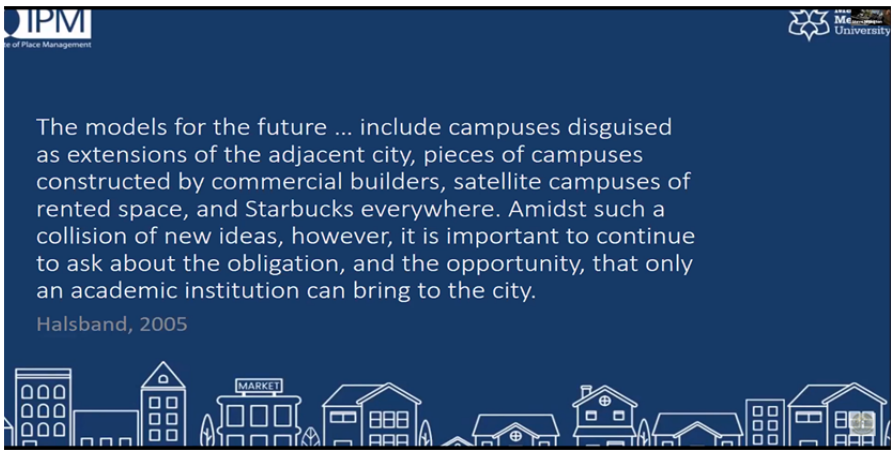
The newer universities can be suddenly criticized. In the post-war period, many new universities were planned; the old universities were redesigned to create modernist enclosed precincts.

This involved the mass clearances of people's homes but let's not dwell on that. The idea was to create a more spacious campus with parklands and raised walkways, so students and staff from different disciplines could meet mixed together.

This was actively encouraged, but the big problem is that this led to the remodeling of some university campuses in centers of cities. The new ones went on the edge of cities, they went to the suburbs, they went to out-of-town locations, and became decoupled from centers.

As Michael Hebbert suggests, that spaciousness in itself and a site unencumbered by industrial development were, it was argued, intrinsically advantageous for a university. Somehow university students would intersect around parkland and share ideas, and this would inspire them in some way.

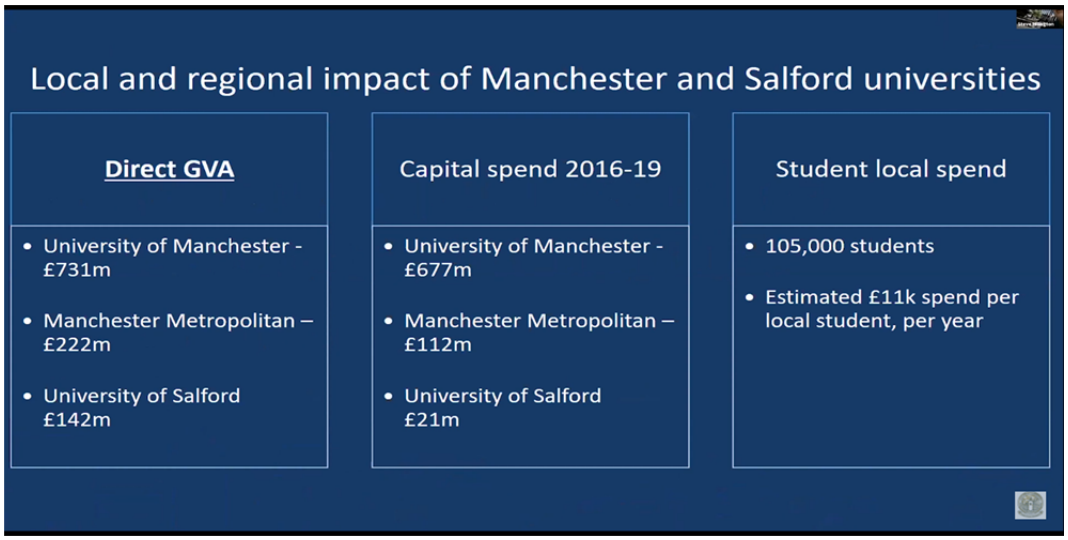
In reality, they came less about utopian visions of the campus and more about what J. G. Ballard described as urban dystopias around concrete jungles.



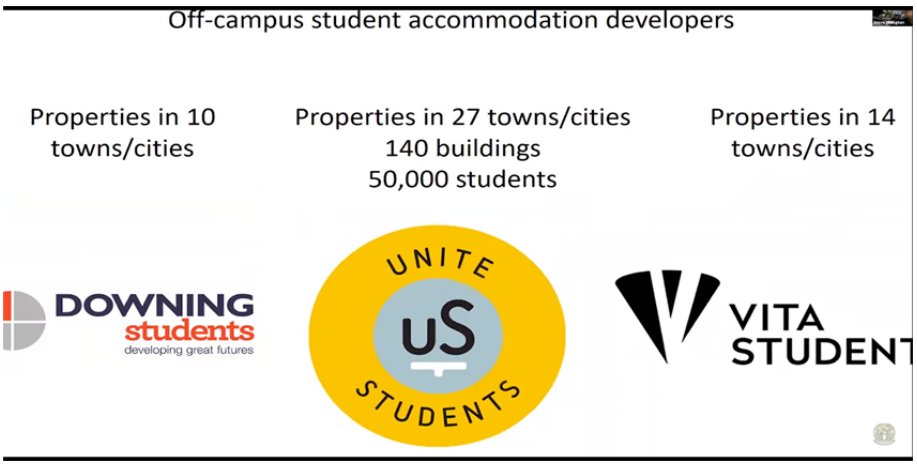
And then more latterly we've kind of seen this kind of marketization of the campus, to make it appeal to international audiences: to see the same architecture, to see more corporate interests on-campus. It then begins to raise the question: What is the university trying to do? It is trying to internationalize, but what does it bring to a place, what does it bring to the city?

Nowadays in the UK, something that's perhaps overlooked is that universities have become place developers. They started to talk to the local government, thinking about the strategic function of the campus: knowledge hubs and innovation centers, and how the campus can support cities to engage with the knowledge economy.

In 2019, across the UK we had record spending on the university campus development: over three and a half billion pounds. And you can see that there are huge impacts of this locally: these can be key drivers of economic development within cities.



In Manchester alone, we're looking at over a billion pounds worth of investment into new campus development: the economic impact is clear. And what students spend as well, locally on food, beer, and events - it's another billion pounds to the local economy. So you can understand the challenges then: if we've got massive online courses, and university campuses disappear, so do these economic benefits.



Student accommodation developers, like Downing, Unite, and Vita, are now responsible for managing hundreds of university accommodation builds, including some of the tallest buildings in Manchester (over 100 meters tall). The universities themselves and campuses have changed. A new university campus shares the qualities you might find in a shopping mall.

All this was great, and then COVID happened. We know this has been hugely disrupted across the UK; I'm not going to dwell. We can prove all of this has gone up in the UK and then we've got longer-term predictions about people fundamentally changing where they work, how they travel, and all of these implications. So, what we know from the university sector is that it has been hugely disrupted to campus development with some universities postponing or canceling their investment programs.

And such as being the financial impact on an income, (with lost rents, lost conference income, lost catering revenues) 13 universities in the UK may be insolvent.

What we know, this is our analysis. We've looked at a fall in the number of people visiting centers. We've pulled out our university towns. What this shows is that places, where a university tends to be, are struggling, compared to the normal town, and an average town; because students are off-campus, more often, or going home. They're not in the places driving these local economies.

This is important going forward. I'm going to talk about two scenarios, which are explained more in the blog. One is the shrinking and the virtual campus. And these are the specs of these massive online courses.

The idea is that you don't need a campus to deliver higher education, to deliver degrees. Universities themselves become more financially stable and are beginning to shrink, canceling their construction plans, announcing redundancies. Maybe planning for a future without international students, for example. So, do we need big lecture theaters? Do we need lots of halls of residence? And ultimately, do we need the campus at all? I'm sure I'm not an advocate of this. I think this is the worst-case scenario.

Well, this is as Ben Williamson said: "We could be looking at a future globally, how we deliver schooling without schools and degrees without campuses". What might that mean for places like Tomsk, which is very dependent on its higher education sector?

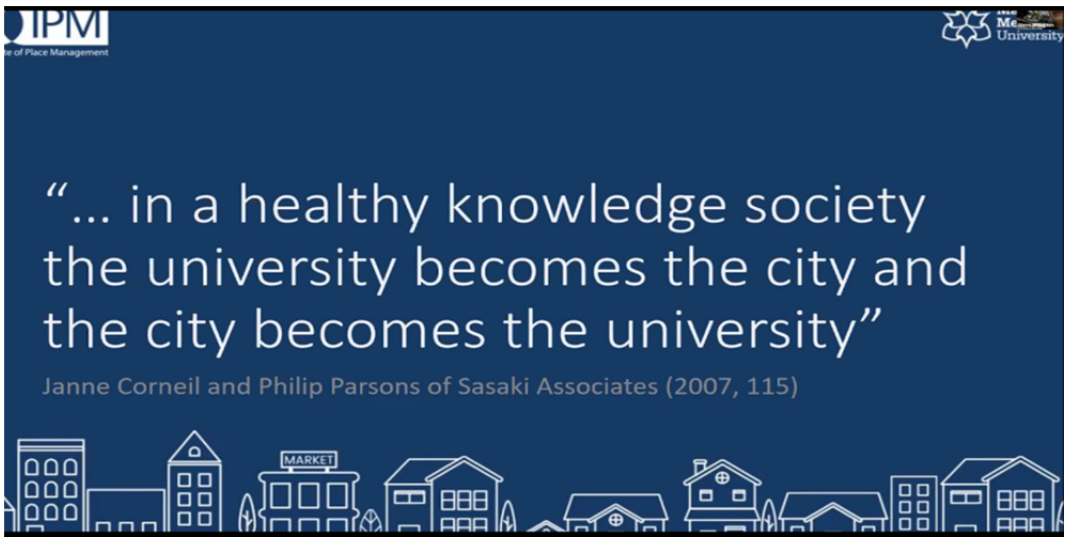
Now more positive news is we talk about the new normal we've mentioned today: What could the new normal be? The new normal could be better. So, I've come up with a plan. I've invented the phrase "campus urbanism". And this is what we should create in our universities.

This is some good news, and we've touched on this already. If students wanted an online education, why did so many millions of them across the world choose this year to go and study in a place? They want a campus education. They want face-to-face teaching. That is what they pay for in many cases. We can talk so much of our lives online now, that we lose something, that is important for us, and we know the real is important to us? And we know that under lockdown we aren't able to see friends and family, colleagues at Tomsk State University. You know, it's better when we're together. We share ideas. We learn more. It's a better environment.

Students enjoy it as well; it's not about education. It's about the wider experience, about being with others in a place, experiencing that place.

The off-campus activities also makeup, which you can never replicate online ever.

But the challenge is, I know, this is when I last spoke in Tomsk, I talked about a lot of university campuses, which are, actually, a bit rubbish. They're not great places, they're not great destinations, they're very anodyne places.



So, this is my big idea but, you know, let's forget about internationalization. Let's reconnect with our cities. Let's make the university an indispensable part of place. So, there's no talk about getting rid of the campus to replace it with a virtual one.

How does the university do that? This is what I mean by campus urbanism. We can learn from wider place-making practices, we can learn from ideas around urbanism, about re-centering the university and embedding it in the everyday life of towns and cities. I have come with the five-point plan and more of it is explained on the blog. But in short, we do great teaching. A robotic hologram will never replace the enthusiastic lecturer, infusing a class in real-time that will never be replaced online.

But what we could do is, so we need to carry on doing that, but university managers need to look at the campus; look at what they've created, places stripped of vitality and vibrancy. Let's activate the campus. Let's get local traders on-site. Let's get markets on site. Let's have community events and festivals. Let's use the campus all year round, even when the students out there, get the community involved. And ironically, this is what a lot of British universities used to do routinely decades ago. Let's embrace sustainable urbanism, what's interesting about these new private housing developments.

They're all in the center of cities. We've seen a wider move back into the center of cities. Students want an urban life and a cosmopolitan experience. They want to be able to walk to campus. They want to be able to walk to the bars and nightclubs and shops, and this is sustainable. Let's reinforce it, if we're going to create bike lanes for students, then the community benefits as well. Let's embed the principles of sustainability. And for the staff as well it'd be great to see universities offer staff incentives to live next to campus. We see that in some American universities. And that's creating collaborative campuses.

What we know through the practice of, you know, dealing with local government and decision-makers; top-down visions do not work.

The vision for the campus should be worked out collaboratively with local people. Universities need to create that process to engage with communities in a meaningful way. So, they jointly produce the new campus. There are so many students in Manchester, 105 000, which is the size of a small city. Let's have a center with shops and services, health medical care, child care. Let's make the campus a "livable" and sustainable place by doing so. This is how universities will embed themselves in places and make themselves indispensable, so no one will talk about getting rid of them.

So a few final things to take away. I think too often we criticize the universities. I think a lot of universities have a great engagement with places already. We can't all internationalize, maybe we now need to turn back and look at the local. To be honest, a lot of British Universities, that's what they were set up to do, were to raise the skills and education of the local population. And universities need, as I say, to find new ways to meaningfully engage. This is not just about consultation. Let's have communities. Let's have local businesses, managing the university as well.

Ultimately, local political leaders need to work together and support the universities to achieve these visions. And ultimately, what the university needs to do is transform itself into an indispensable community asset. As I say you can read more about this on the blog. That's all I've got to say, thank you!

DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-28

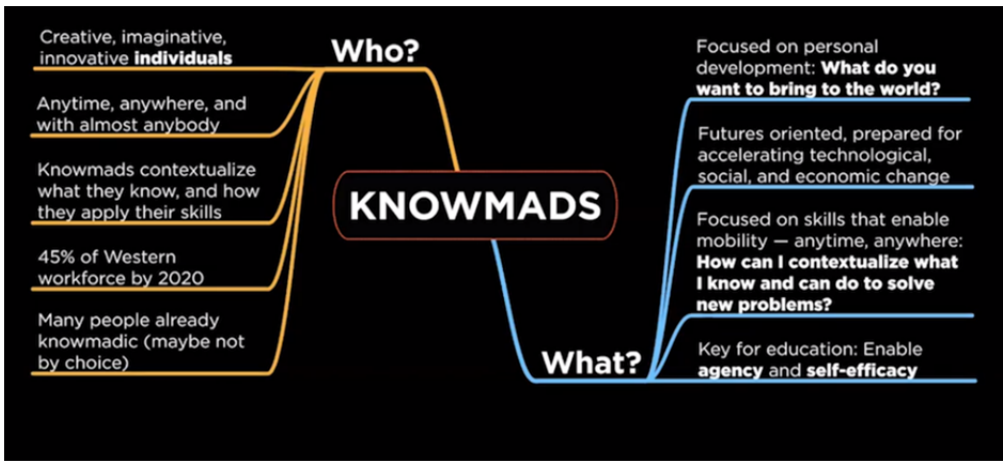
THE FUTURE AIN'T WHAT IT USED TO BE

John W. Moravec, PhD, Founder, Education Futures LLC, Minneapolis, USA

So, if you remember me from a couple of years ago, I shared this quote from Yogi Berra that "The future ain't what it used to be" which Yogi Berra said 1970 something. He just meant that the future is just a little more different than what we thought it would be, but Yogi's famous for saying things in very weird ways. That kind of start that their sparking comments again some reflections and an invitation for a larger conversation, I hope so.

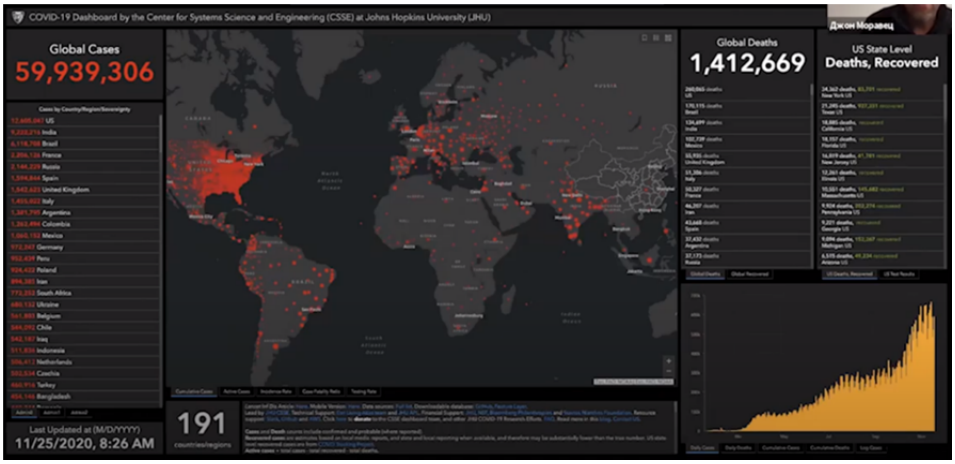
	Paradigm		
Domain	**Traditional**	**Emergent**	**Knowmadic**
Fundamental relationships	Simple	Complex	Complex creative (teleological)
Conceptualization of order	Hierarchic	Heterarchic	Intentional, self-organizing
Relationships of parts	Mechanical	Holographic	Synergetic
Worldview	Deterministic	Indeterminate	Design
Causality	Linear	Mutual	Anticausal
Change process	Assembly	Morphogenic	Creative destruction
Reality	Objective	Perspectival	Contextual
Place	Local	Globalizing	Globalized

Last time we met and it's actually the previous two times because I look at what I shared with you. I shared this really awful ugly chart which I'm not going to talk about too much here. I was talking about the shifts that we had that were going from the 1940s into today. Relationships used to be simple, but now they're much more complex and we're seeking out goals to each other. The goals or the outcomes are becoming more that the goals are creating their own outcomes. We're seeking more synergies with each other. We're asked to design our world views more often. Time and space are just compressing in our minds. Right things are happening so fast, that it seems that everything is anti-causal. We can't tell what's causing what anymore. See more organizations engaged in creative destruction maybe not so much in education and of course, much more globalized than we were before. And then I pushed this out to also help explain what the university would look like in 2068. That's kind of my thinking was. And I was talking with some or working with quite a few universities to plot out so what this means for us as institutions. Looking at the universities as really being facilitators for this nomadic new paradigm, that are much more adaptable, much more agile, much more engaged in the world, facilitating these relationships as much as possible.

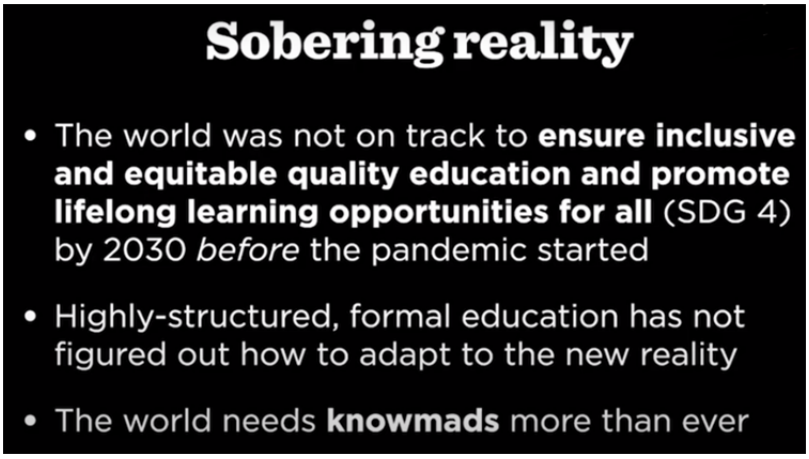


And I'll also talk of nomads a little bit, who are the future workers pretty much, or the emergent workers, which are creative imaginative people who can work just about any time anywhere and with anybody. So, I take what I know and apply it to in new areas, sometimes new fields, when the problems arise, I'm able to work with context. Not like pressing the machine button or anything but it's like working to create new value. So, I really focus on the questions, "What can I bring into the world?" and there's a real futures orientation in this. Because this is where we have opportunities for transformation, opportunities for change, but it also presents a challenge for universities, because we're largely responsible for producing nomadic workers. I think that key elements for education are building the areas of agency and self-efficacy. Agency's just being a lot of what you want to do but self-efficacy is about believing in yourself, that you can make these changes happen. I think that when we have a combination of both high agency and high self-efficacy, it really enables nomads to really grow and blossom and build their own futures.

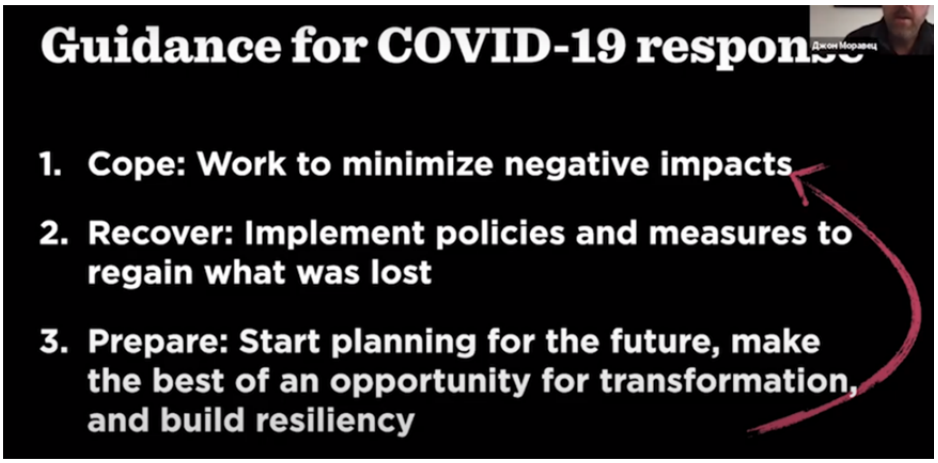
Two years ago, I really described my vision for the university of the future as being a festival more than anything, that brought people together, sharing, having fun along the way and learning from each other in festivals or spaces where you can also flow from activities or ideas, following your own passions as well. But then what will happen? Right, it's like - game over, guys. This "lovely" pandemic hit us and it changed everything through, as we would say in English, it threw a wrench in the system, it's a freaking mess.



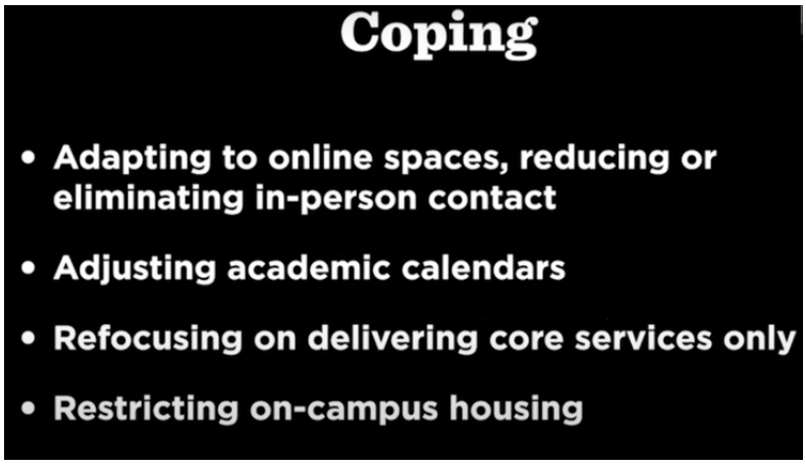
I mean, if you look at stuff worldwide, it's absolutely horrible. The United States are actually a little too much red in there, but I don't want to underemphasize the damage caused here, but we have more reporting areas, more red dots. It's just been absolutely atrocious, schools around the world have shut down, and universities have shut down. In the United States and neighboring countries, like sports are a huge part of universities too, and so it's also creating problems like what do we do about sports, right? We're seeing snowball effects and how this stuff impacts higher education.



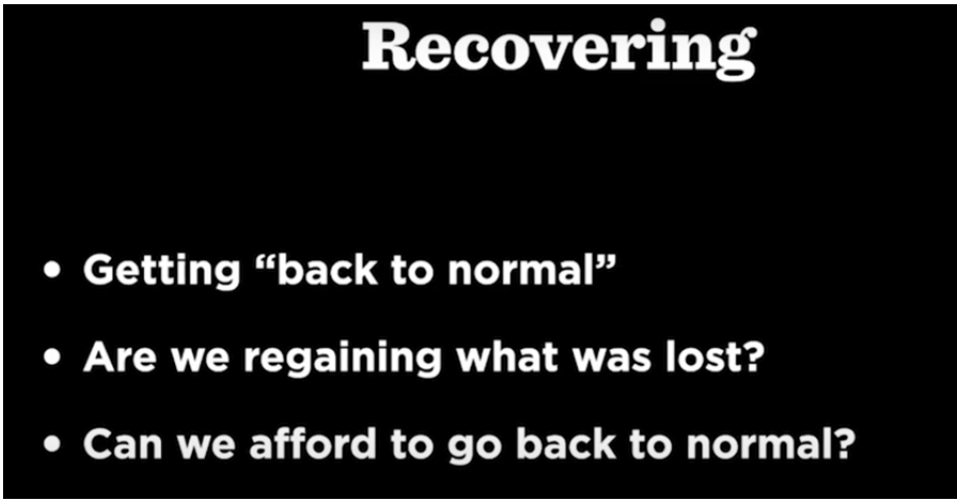
But the sobering reality though going into this is that the world was not making adequate progress towards ensuring inclusive and equitable education for all, which is sustainable development goal by 2030. This was a benchmark for that. Now this mostly impacts primary and secondary education, but these are also our pipelines for tertiary education. So, universities need this and inclusive and equitable education is a huge part. The other tough thing is that formal education, which is highly structured, is not built for adaptability, it is not built for change, it has not figured out how to adapt to this. This, as I said before, in the United States, universities are stuck orbiting around the question: what do we do about sports, right? We have to do these things and that's really difficult because we're seeing a lot of innovation in many other fields. You would think that in the institutions that produce more nomads than anybody else that we've been on top of this. The world needs nomads more than ever to help bring individual level knowledge to solve problems.



So, I'm doing a lot of work since I started that's been doing a lot of work for the World Bank. One of the things that I really appreciate about them is that they have adopted this three-point strategy, or advisement strategy, for policymakers at the very beginning. I really appreciate them taking this on the right away. Their first point is just coping. You know it's tried to make the best of the situation, minimize the negative impacts, then focusing on recovering. This is about serious implementation of policies and measures to regain what was lost, because we've lost a lot of ground especially in the measures for sustainable development goal for. Then there's preparing, which is the future side of it. Having a futures mindset right away to plan for the future and really making the best of this opportunity for transformations and building resiliency. It hasn't been just the World Bank but UNESCO; we've seen the World Economic Forum as an opportunity for transformation as well. Now the big challenge for us in education is: can we do this, or can we start to work or think outside of the structures that we're really built around?



Coping has been about adapting to online spaces which we've seen at universities. What I like about Connect-Universum is that this has been an online space for years, so you guys have figured this out. This is all around reducing or eliminating in-person contact, academic calendars have been adjusted, and some places just given up and just canceled everything. Many places have refocused on delivering core services, just what are the basic essentials that young people need. And for universities that provide housing and restricting access to them or how this stuff works, these are all coping strategies that I think are very simple. I mean they are not so simple to implement, but simple to discuss as policy measures.



Now recovering is that sort of getting back to normal and the big question is do we have any plans to regain, what was lost? Or what we can do about that? These things are just simply not being discussed. I mean, maybe in the future, when we're able to look back and do research as to what happened, well we'll see areas where the stuff was discussed, but it's just not there. The other big question is: can we afford to go back to normal? If we were failing as a Planet on achieving the goals that we set, do we really want to go back to normal? Is this something that that we really want to discuss or keep as an option?

Then we've got the preparing side. You know, we've got to start planning for the future that we desire. This is something that would not see universities lead conversations in quite yet. We also need to be ready for new waves of massive disruption. Today it's a health epidemic, tomorrow it could be brought on by artificial intelligence, or who knows what. Economic failures, who knows what there's, but we have to be prepared for more waves. Because as the world continues to change at a rapid pace, we gonna see a lot more disruption, as we move towards the future.

So, this is it. The game was over, but we've got the second chance here. We've got a vaccine coming around, and this is really our opportunity to build the university of the future, and to really start planning, to start viewing around that enabling this sort of things, enabling the worldviews that we want to create, adapting to rapidly changing landscapes, crafting new spaces, facilitating the relationships and engaging the world. I think this is one of the things you, guys, are doing very nice today, of course I'm happy to be here. You know, I think that we could build this festival, but we just really need to start talking about it.

Again, this was more of what I just want to provoke a little bit, provoke conversation, invite conversation, I also want to share an invitation. Starting in January, I'm taking over as editor of a journal called *On the Horizon*, which publishes a lot of stuff on the future of education. I'd like to invite everybody here to take a look at it, maybe consider contributing to it. I want to use this as an opportunity to run hard and push forward with some challenging ideas, as we face new education futures. So if you're interested in that, you can write to me at john@educationfutures.com. Guys, I think that's all I have to share because I wanted to start a conversation. Now that's it.

DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-29

US UNIVERSITIES DURING COVID-19: COMMUNITY RELATIONS

Sergei A. Samoilenko, Master of Communication, Staff Member of the Department of Communication at George Mason University; Faculty Advisor for the Public Relations Student Society of America (PRSSA), Reader of Oxford University Press, Fairfax, USA

It's always a pleasure to speak for Tomsk, and to speak at this wonderful conference. I guess my topic today will be to summarize the experience we've had with COVID in the last few months, and take a look at what my university, and what universities across the US have done, and what type of challenges we have experienced and what type of solutions we have found. I think it is kind of thought-provoking and might be raising some interesting questions for us to discuss later.

So, obviously, the entire pandemic situation became quite a surprise for all of us starting in March, and, in my case, it was a blessing because it gave me more time to spend with my family. And, of course, as I'd already been teaching classes online, it was not a surprise to me in particular. However, for students, it was quite challenging, because lots of our students really value that on-campus experience, interaction in class and being able to be part of different clubs and chapters and community organizations like Public Relations Student Society of America, Marketing Club, and Journalism Club.

Of course, all of these sessions were no longer available, and we, as a department, and as a college, in particular, were trying to figure out what's the best way for us to reconcile students' expectations with our objectives for giving them the proper education because it was a real challenge.

In addition, you know, George Mason as a university had to figure out a plan how to keep not just the students but their family members, their parents, and also Fairfax residents in good health and good spirits. Because Mason's always been a hub in the local community in the Fairfax city, which has about 25 000 residents and Fairfax County is one of the richest counties in the US. They really thrive for interacting with Mason, so just losing university for a few months or God knows how long, is not a solution. So Mason needed a new plan how to build and maintain some healthy community relations during the pandemic.

Well, there are several decisions they had to tackle with, and some of them were summarized in this article that just came out recently. Colleagues from Mason had been observing experiences from other universities that were trying to deal with the pandemic challenges, and they were also trying to figure out how Mason, in particular, can respond to those difficult situations.

In essence, they were dealing with several of them. One of them was how to move courses online without making students attend and keep the same quality of teaching and learning. How to discourage campus housing in a sense because there were still a lot of students that were trying to stay on campus, but at the same time they had to transition back home and not everybody was happy about going back and living with their parents any longer. What to do about the travel, confer-

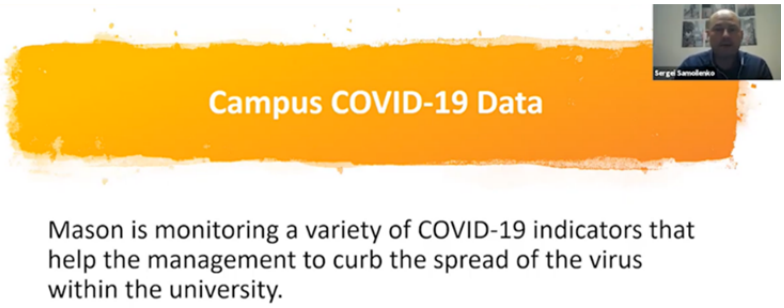
ences, study abroad? Lots of students, you know, travel and they study overseas. What about visiting professors? What about international research trips? What should we do about those?

Closing campus for some services. That had to do with a lot of expenses because the university, in particular, hosts a lot of events including sports events: athletics, basketball, football, different competitions. I mean, all of them had to be either suspended or they had to be canceled altogether. Finally, how do you basically keep the morale and the "esprit de corps" in a sense under this remote working, because, again, it was a challenge for some faculty members including those who were not friendly with technology, right?

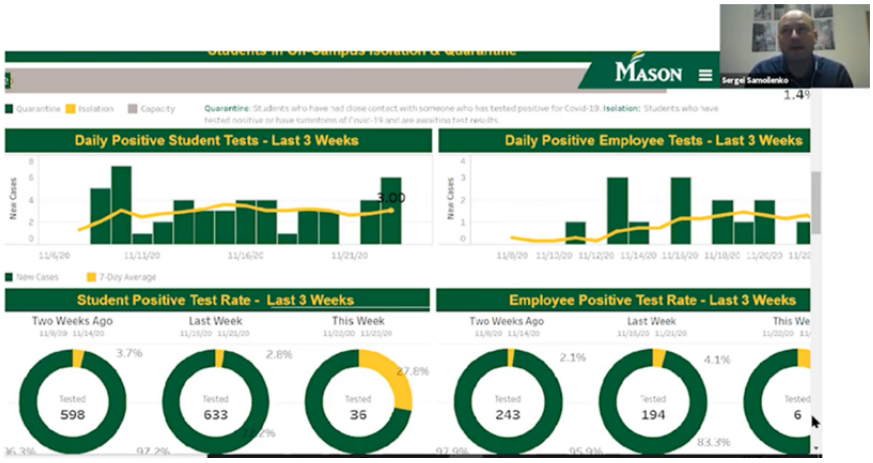
So, based on their research and that, basically, I am looking at their article, in particular. You can easily download it from the Internet. You can tell that about 75 universities implemented all five of these recommendations or all these five steps. 93 implemented four and 98 implemented at least three.

In general, a lot of universities did a good job across the US and in Mason, in particular. Mason actually did all five. So, if we compare, for example, Mason to other D.C. schools (Mason technically belongs to Virginia), schools in Washington D.C. had to be closed, and that was a decision by the City Mayor, so none of the universities stay open, but they continue courses online. Well, Mason had to go hybrid, simply because it is off the city limits, and also it has ongoing construction. There are lots of constructions going on at this point. So, they had to continue the hybrid version where most of the classes were taught online, but there was a lot of hands-on labs, research, and lab practicum had to be still held on campus. And that was done based on students' surveys and asking for students permission, because, obviously, not everybody was happy about this, but there were also a lot of students not happy being stuck 24/7 at home or going back to their parents, right?

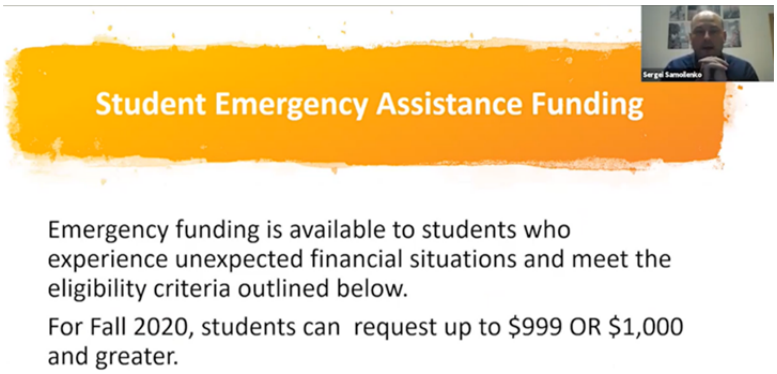
Basically, those are the five biggest challenges most universities had to deal with. So, in addition, what Mason did was that they were monitoring a lot of COVID-19 data.



So, those kinds of indicators that help the management curb the spread of the virus within the university; basically, they were doing this in real-time format. So, if you go to Mason's website, you could see how this information is being updated every day and it's reported like this, for example. You look at how many students are positive, how they're active; how many students to test, who tested positive, and so on. And that pretty much kind of what keeps people informed and the overall impression that the entire situation is under control.



So, there are several graphs for people who are stats eager, stats savvy and who wanted to know more about what's happening. I think overall university and media relations, in particular, who are publishing lots of documents based on this statistical data, did a pretty good job because, in a sense again, anyone could go there and see what's happening with Mason. As you can tell, the numbers are really low and it seems like the situation was really under good control. Including parents who had a lot of anxiety, a lot of questions about the university, how they are going to handle this, which means that they will be relieved, letting students go back to classes when the pandemic is over.



In addition, there were a lot of financial decisions made. There is student Emergency assistance funding. Lots of students, especially those coming from different underprivileged backgrounds, and students who needed some financial help (they had to actually show the proof that they need this financial help) were allowed to get some financial help from George Mason University, from the Foundation. I have students in my class who reached this out and they got this really nice help. It is not a lot of money we're talking about here, but it helps to overcome some minor challenges including those that had to do with moving to a new place, buying some basic appliances, and other things.

So, in addition, we have this nice addition to Mason. About last year, we have this new initiative of robots delivering food and products across Mason campus. They look like this, and they go from one building to another bringing food or bringing supplies to the faculty and students and, especially good, during some inclement weather when communication is really hard, especially among dormitories. So these robots deliver food, and they deliver some medical aid if necessary. That was a really good thing done.

So it's something like that. With the beginning of the pandemic, they engaged robots to deliver to the senior houses and some shelters in Fairfax city. And that was a nice addition to what actually robots could do and what robots could accomplish.

As a result, there were some good publications based on the community engagements, while the city of Fairfax got help from the university and the university-related services. That resulted in a number of positive media impressions in *Washington Post*, in *the Richmond Newspaper*, and in the local newspapers. There was a lot of good publicity just based on this good initiative, and, as a result, they could humanize the company Starship Lab, providing those robots. And also, the university could get some really good feedback from the residents of the community who really appreciated what the university did for people in the city of Fairfax.

So, to sum it up, there is a bunch of challenges during the pandemics. And one of them was obviously things related to political events in Washington D.C., where there were some discussions about maybe renaming the university and questions about the historical legacy of George Mason, but those were in a way discussed openly with the new President, and they were, in fact, positively reflected upon.

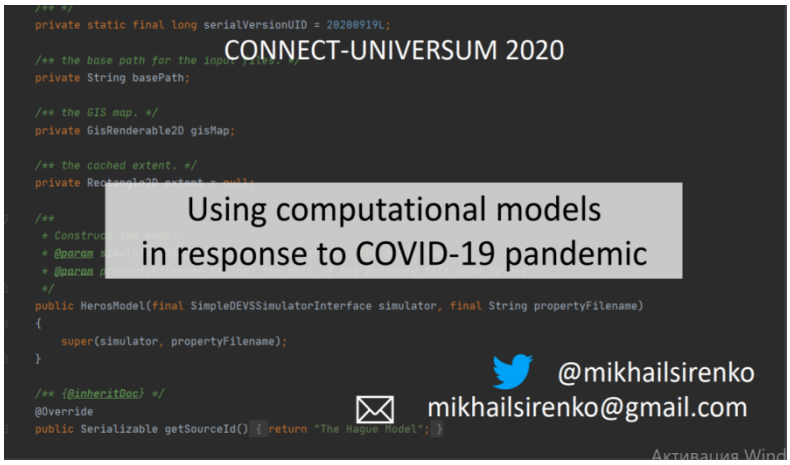
As a result, "Mason" stays. University still holds its name and we look forward to new challenges that this pandemic might bring, but based on the first few months, it looks like we are in a good shape, and we've dealt with all of these challenges with flying colors. So yes, if you have any questions about other things related to my teaching and how professors switch from blackboard to Zoom or how they use other technologies, I'll be very much happy to answer all of them.

DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-30

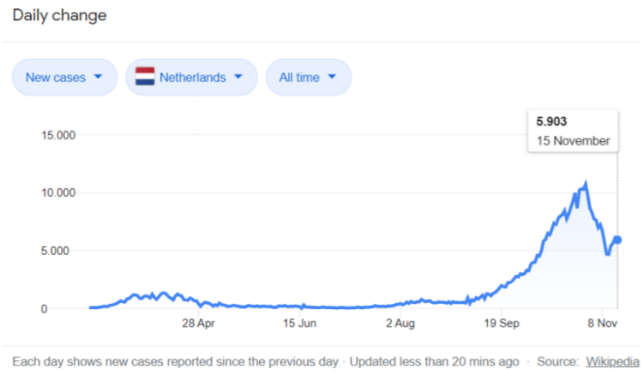
USING COMUTATIONAL MODELS IN RESPONSE TO COVID-19 PANDEMIC

Mikhail Sirenko, Engineer, Educational and Scientific Laboratory of High-Hume New media Technologies, Tomsk State University; Researcher, Delft University of Technology, Delft, Netherlands

Thanks a lot for having me. As you can see from the title, it will focus on the use of computational models in response to the COVID-19 pandemic. My name is Mikhail and indeed I have a double affiliation, so I'm working here at the lab and I'm also working on HERoS project for TU, Delft.



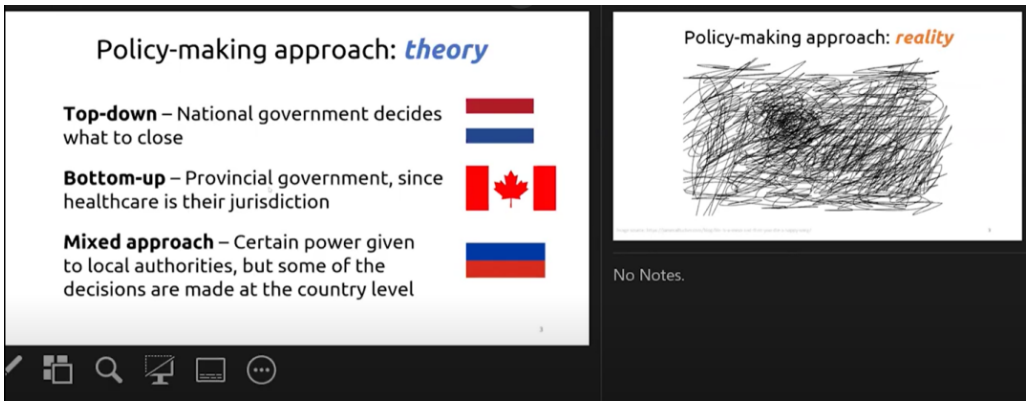
Just to recap where we are now. It's almost a year since the pandemic has started, since it was registered. This is not the first pandemic that we have faced, and we're not doing really great. We've made some actions, for example, you see the graph here for the Netherlands, and how the country was dealing with the pandemic. Experts seemed to know that the second wave of coronavirus was coming, but for some reason nothing really could have been done about it.



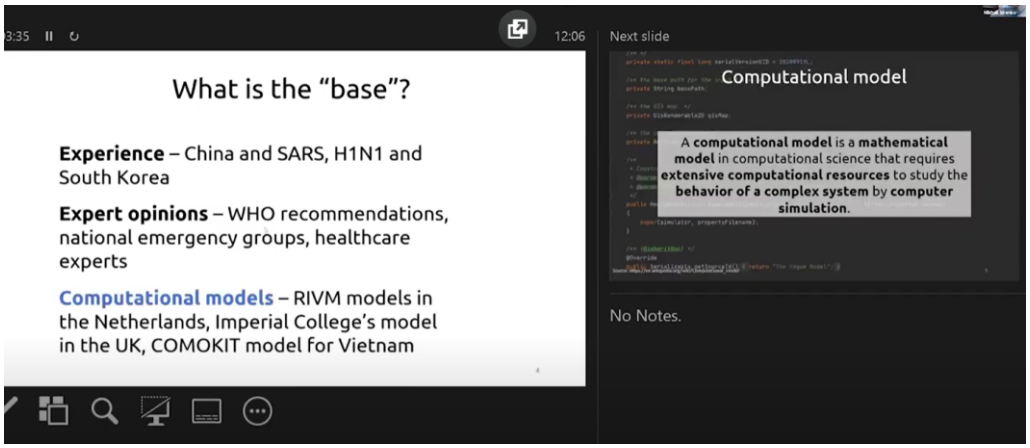
So you can see that in September and October, when people got back from vacation from different places, when they started to interact with each other much more than before, the curve started to go up. And we started questioning ourselves what are the basis, and how we make decisions, and what we can do to actually tackle this problem, right? Because we have been at this place for some time and the situation is not getting any better.

Let's try to sketch some approaches for policy-making, so to say. Of course, this is oversimplification, but we have *the top-down approach*, when the national government decides what to close. For example, let's close the schools, let's close universities. This is responsibility of the

national government in the Netherlands. Then we have *the bottom-up approach*. For example, in Canada, they have provincial governments, they are responsible for health care, and they are thinking about it. And we have *the mixed approach* in Russia, when we have the national government who are saying something. For example, you need to follow social distancing and different things but we also have central governments that are saying something that you need to do, something a bit different.

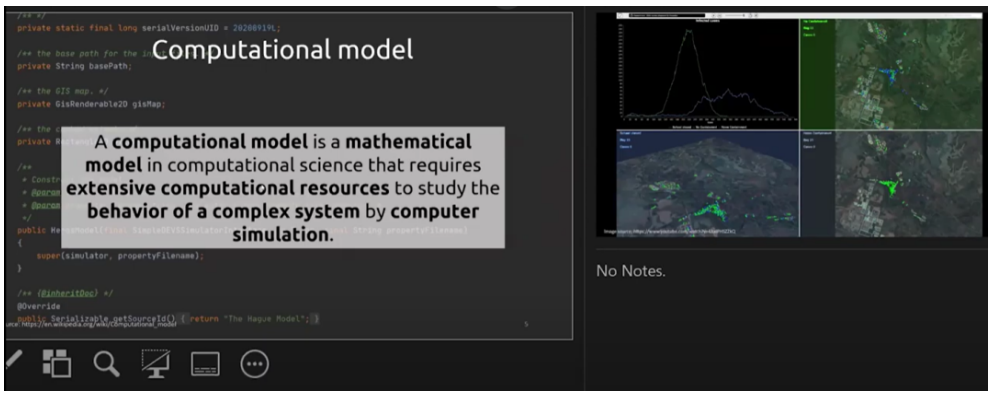


Of course, the reality is a little bit more complicated than that, we have multiple actors in the decision-making, and it's really a complex process when you don't really know who is responsible, who is doing what. Probably, this is one of the reasons why the infections are still going up. And how do we make the policies? This is more about approach, and what is the base for policy-making?



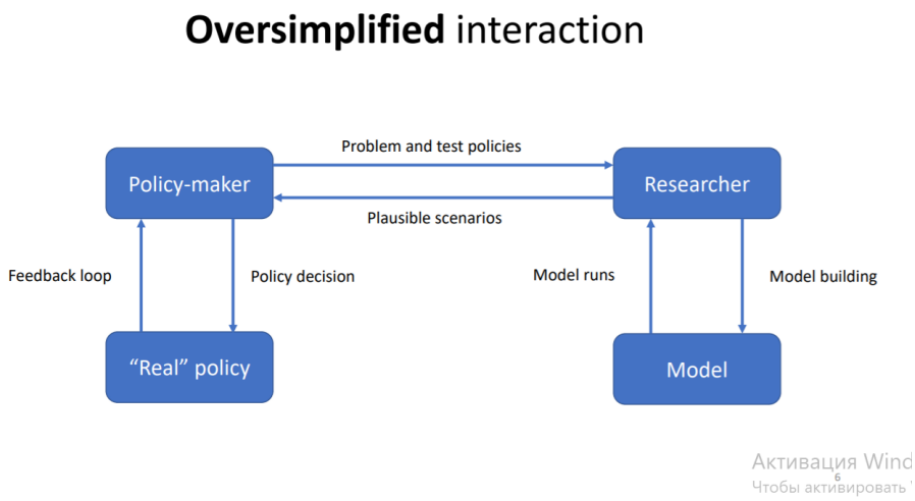
We have some countries that have some experience in dealing with the pandemic. For example, they used to be in China and South Korea, so they have a very nice and useful culture of wearing masks. This is one of the pillars of their reactions. You also have expert opinions, WHO, who say what needs to be done. You have emergency groups organized in different countries. The final part is using the computational models. In the Netherlands there is the national agency called RIVM, they are building some computational models that they are using to understand how the pandemic evolves. We have Imperial College with a very famous, perhaps notorious model in the UK, and we also have a COMOKIT model for Vietnam.

So what is a computational model, actually? A computational model is a mathematical model in computational science that requires extensive computational resources to study the behavior of a complex system by computer simulation. So basically it's a program. You first sketch some math and then try to transfer this math into the program, some software. When you push the button, you'll see something like this.



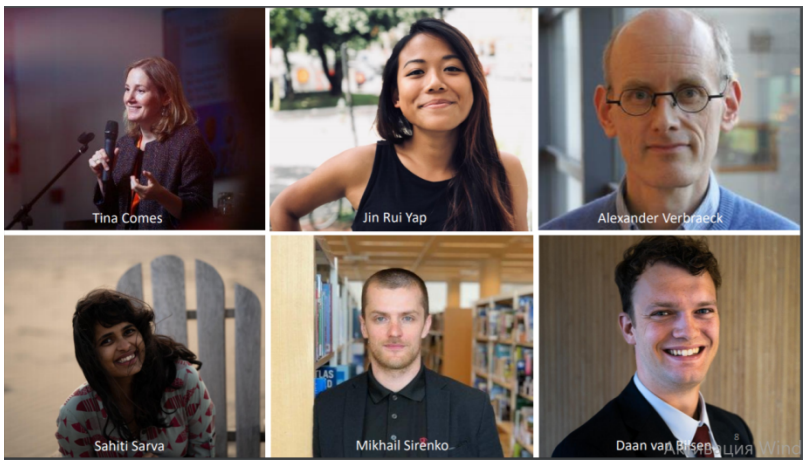
I think, for now we are all familiar with the curves. You can see the curves on the left. These are infection curves. And of course we all know that the pandemic is a thing very unequally distributed across the space. And you can see that some infections are developing elsewhere here.

So how the oversimplified interaction between the policy makers and researchers who are building the models can look like? There are two actors here; this is a very oversimplified graph: policy-maker and researcher. Policy-makers formulate the problem and certain list of policies they would like to test (for example, close schools, close universities, close bars, museums, and so on), and researchers start to build the models. We have a certain set of tools and try to really come up with something that is prepared for this specific problem, and for these policies. Then researchers run the model, and then provide the policy-makers with the set of closable scenarios.



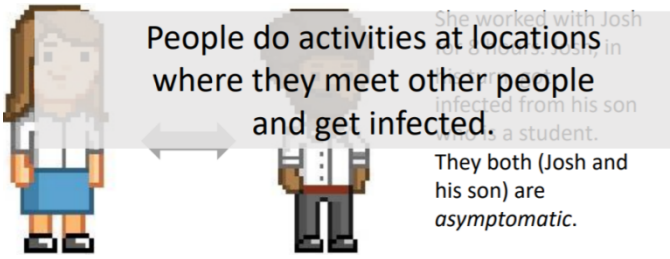
Given the policy that you want to implement, these are the potentials of how the disease will evolve. The next part that is pretty complicated, since the policy-maker is provided with the set of closable scenarios, but he needs to make a policy decision. Ideally, it should completely be based on expert opinion, but he is taking into account his political party's interests, economy, and all these factors, and then he is making a political decision. Ideally, there should be a feedback look, when we implemented the policy, and then we see how the thing is changing, how the pandemic is evolving. Then we should go back and try to improve the model.

Now I would like to give you some example of how we built that. Again, my work that I present here is a part of the HERoS project; we have many universities that collaborate with us: universities from Poland, from Finland, from Italy, Red Cross. You can read more about the project here. All the reports that we have already prepared are also there. Behind this work we have a group of people who actually work hard on that. And I'm somewhere in the middle here, and some researcher assistants and professors.



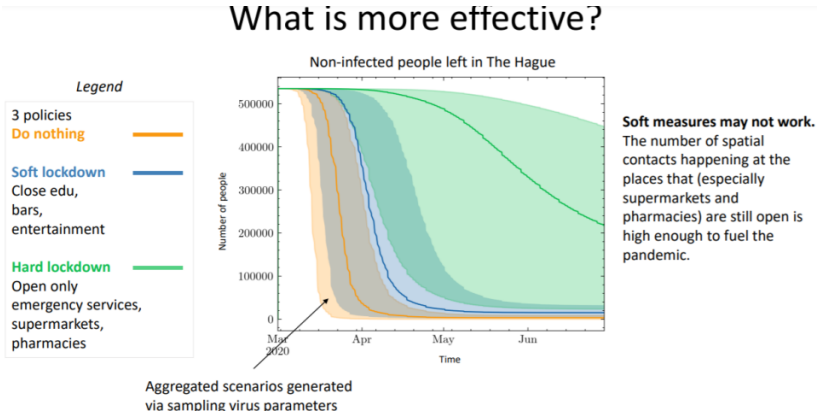
I want to really go very technical with what we have built just to give you a sort of sense how the model looks like and what that actually is. So meet Emma. Emma is a kind of prototypical agent in our model, and here is what we know about her: Emma is 42, she is single, she lives in a very specific neighborhood in the Hague. This is the model that was built for the city of the Hague. She works for the auto-repair shop, and she has an average income. And she owns a car, and she uses it to get to work. Here is just a prototypical agent in our model.

Let's have a look how the daily life of Emma could look like. Here's the map of the Hague. And you have a couple of points highlighted here. She starts her day from a typical activity. She has breakfast, and she prepares to go to work. She goes to work by car, and then she arrives at work. She works there for about nine hours with her colleagues. Then she all of a sudden decides to have a nice dinner in a restaurant nearby. She invites her friends there and her colleagues, and they have dinner. By the end of the day she also decides to go to a supermarket nearby. And at the end, she is supposed to get home somehow. So this is the core of our model, and what is important to understand, since we are talking about the pandemic, is how did Emma get infected?



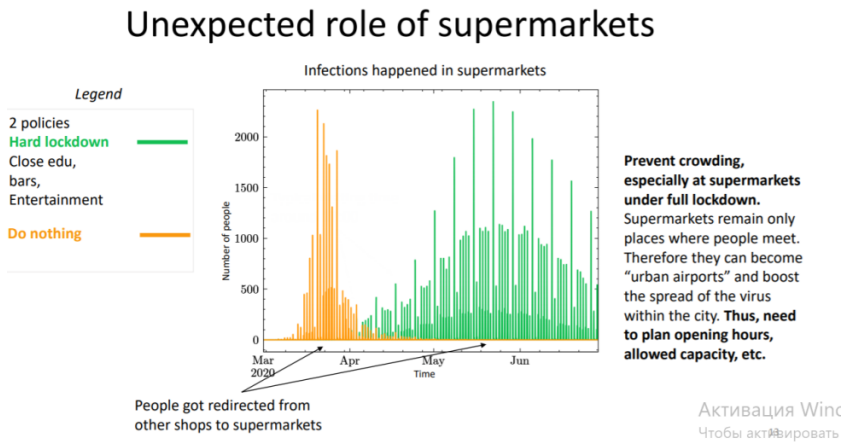
She worked with Josh for 8 hours. Josh, in his turn, got infected from his son who is a student. They are both, Josh and his son, asymptomatic. This makes it a little bit more complicated to understand what happens for him. In a nutshell, what we build is about different people, they do different activities in different locations, where they meet each other, and they can get infected. This is the model intuition behind the thing that we have built.

And again, how the model can be used by policy-makers, and what is the outcome, so to say? We can try to analyze and try to see the number of infected people in a city. As all scientists, we really like to plot graphs here. So here is some sort of graph. On the X-axis we have time (from March till June); on the Y-axis we have a number of infected people in the city. There are three colors here (orange, green and blue). These colors represent different policies that policy-makers can ask us to take a look at and to test. The orange color is what will happen with the number of infected people if you won't do anything: no closures, no limits on anything, just to continue to run the city as usual. Then we also tried to study a soft lockdown. As you can see, we are trying to close educational institutions, bars and entertainment facilities. That's supposed to be interesting for us if the closure of educational institutions actually makes any difference. Finally, we have a hard lockdown here when we close everything, besides emergency services, supermarkets and pharmacies.



Well, as you can see from these graphs, the graphs are actually the accommodation scenarios, but don't think about this that much. Let's focus on the lines; we have a blue line, a green line and an orange line. As we remember, we have blue as a closure of educational institutions and orange is to do nothing. There is no such a big difference here. If we will close only educational institutions, bars and entertainment, this is very similar to to-do-nothing policy. Basically, there is no point in doing that. On the contrary, if you do a hard lockdown, and leave only emergency services, supermarkets and pharmacies, the disease goes down. Basically, the conclusion from that is that soft measures may not work and the number of social interactions happening in the places that stay open, like supermarkets and pharmacies, is still too high, and the pandemic can continue to run, as it was before.

And something pretty interesting from our model about the supermarkets. So, the graph again: X-axis is time, Y-axis is the number of people infected, and these are the infections that happen at a supermarket. So if you do a hard lockdown and if you close everything, as I said before, and leave only the supermarkets open, the number of infections of people in supermarkets is very-very high, because this is the only place where people can meet. You also see the spikes here, and this is the typical visiting time of people around five o'clock. But it's very different from to-do-nothing policy, because if you don't close anything, people will get infected elsewhere, not only at supermarkets.



To conclude, this is a famous quote from George Box that "all the models are wrong but some of them are useful." This is just a tool to understand the reality, so to say. This is a useful instrument, for sure, because it's good to have a certain sense of how different policies can affect the reality. But again, I wanted to stress the fact that the models are to provide you with a certain insight, but the decisions are given to politicians, and these are always political decisions, right?

And finally, I also want to stress the fact that in our case we do not predict. Perhaps you often hear from elsewhere that the perditions show us that the infection will go down somewhere in March. In this project we are not predicting, we are just exploring, what could happen. There is no way to predict when the phenomenon that you are trying to study is so complex. If we could predict, we, perhaps, won't have such an extreme curve going up every day with the breaking records. Well, thanks a lot for having me! That's it.

DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-31

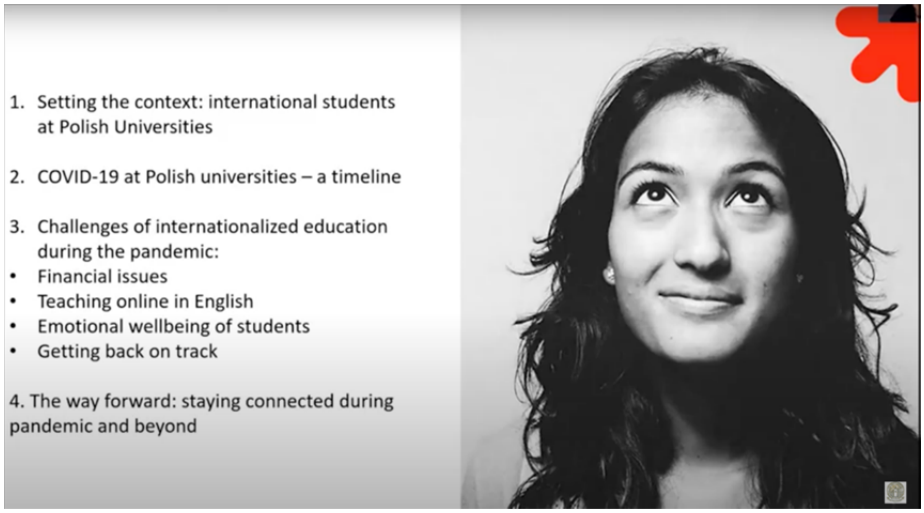
STAYING CONNECTED IN 2020 AND BEYOND. INTERNATIONAL STUDENTS AT POLISH UNIVERSITIES DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Marta Hereźniak, PhD, Faculty of International and Political Studies, Department of International Marketing and Retailing, Adjunct Professor, University of Lodz, Poland, Lodz

Hello, everyone! First of all, thank you for the invitation, the second invitation, in fact, because I had a pleasure to participate last time. It was a great experience, so it's good to see everybody in those difficult times.

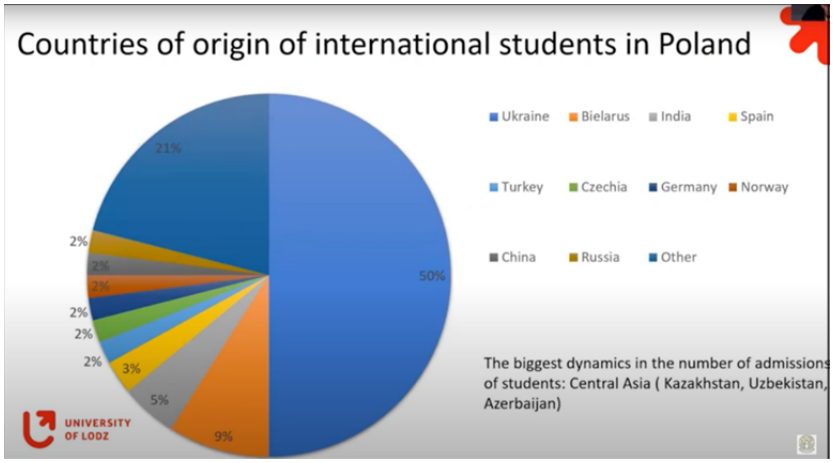
Today we're focusing on a completely different set of priorities and completely different set of challenges. Because last time I remember I was talking about place branding in the digital world, which was kind of very comforting and very reassuring, but now, since what we have, we need to refocus. That is why my presentation today will also be about a very different subject related to what we are talking about.

My goal will be to share with you our Polish experience in hosting international students during the time of pandemic. This is something that requires special attention because we in Poland do not only see that as a business opportunity for us, but also we see that as a way to advance our education, as a way to advance our universities. That's why I think special attention should be placed for countries like Poland on hosting international students.

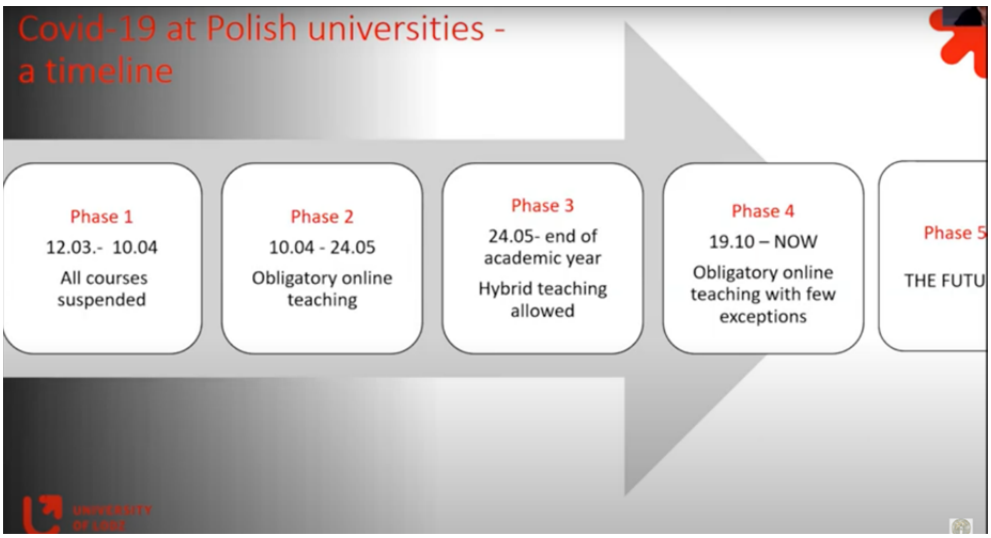


First of all, let me give you an idea of what I'll be talking about. I'll set the context, show you a bit of numbers what it looks like in Poland. And then we're going to look at how the COVID situation developed at Polish universities, which is very briefly. And then I will touch on the challenges of internationalized education during the pandemic and I think that many of my conclusions will be in line with Alexandra's, especially in the area of soft skills that professors and universities require these days. Last but not least, I'll be touching on the way forward, what we can do policy-wise, intellectually and emotionally to address the challenges that we are faced with.

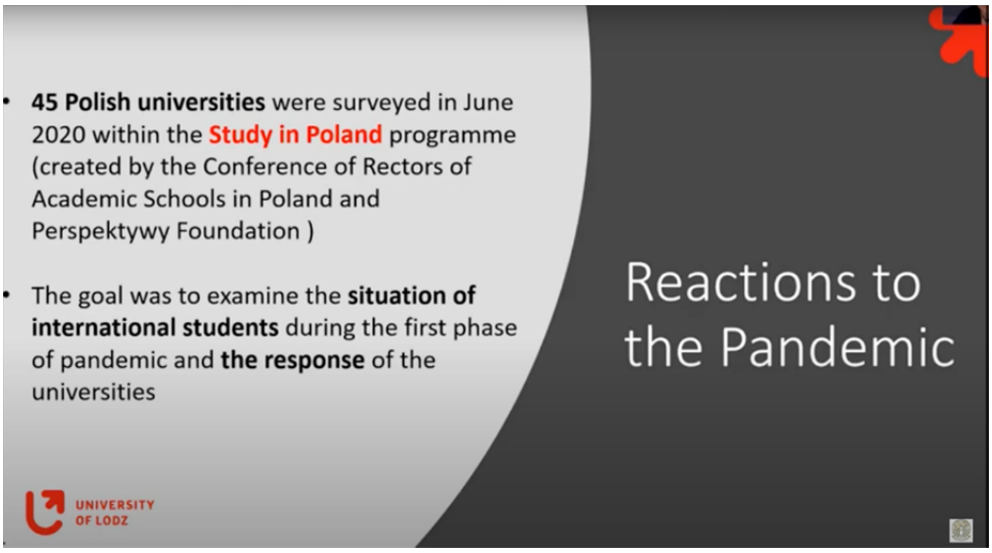
So, without further ado, let's start with the context. Poland is a very dynamic country in terms of hosting international students. We can see that it's a tenfold increase from 2005 until today. Maybe the absolute numbers are not that impressive, but the dynamic is quite impressive actually. We've got just the international students who constitute 6.37% of the entire population. We have actually gained our higher status recently in terms of rankings in international admissions because we rank 7th. Also, I'm proud to say that my university this year has improved its position and now it ranks 3rd in Poland. And maybe some of you will be interested as well in knowing that medicine and management are flagship degree courses at the moment up to the point where we actually have no space or no place for foreign students in medicine anymore. This is very surprising at least for me, but perhaps not surprising because in Poland we need more doctors. That's the problem of many countries these days.



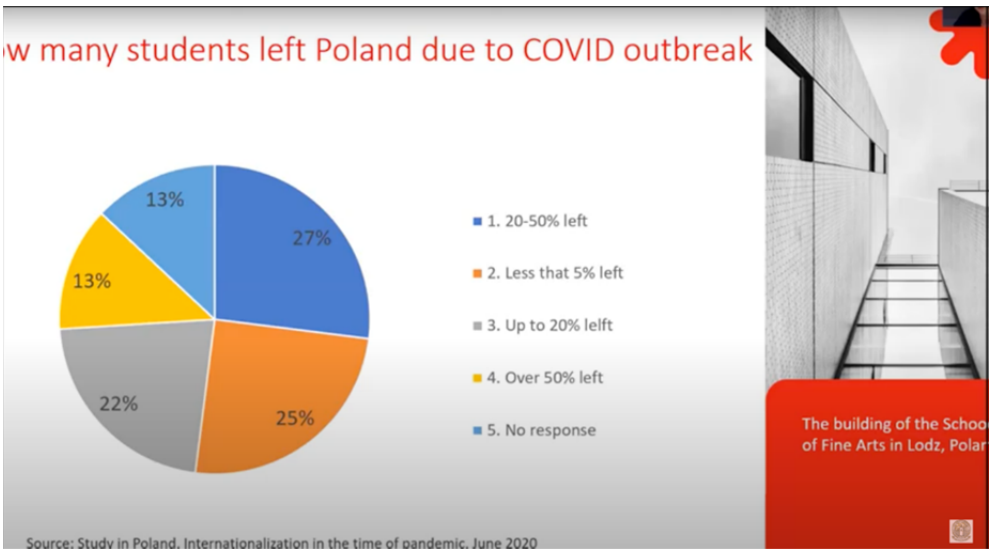
And let's see just one more thing, what are the countries of origin of international students in Poland. As you can see, we've got a vast majority of Ukrainian students, but also from Belarussia and other countries including the European Union. However, from Russia unfortunately not that many, but I hope that it will change soon. It's also interesting to note that we have the biggest dynamics in the number of admissions of students from Central Asia. Countries like Kazakhstan, Uzbekistan, and Azerbaijan are definitely the fastest growing segment of our international students.



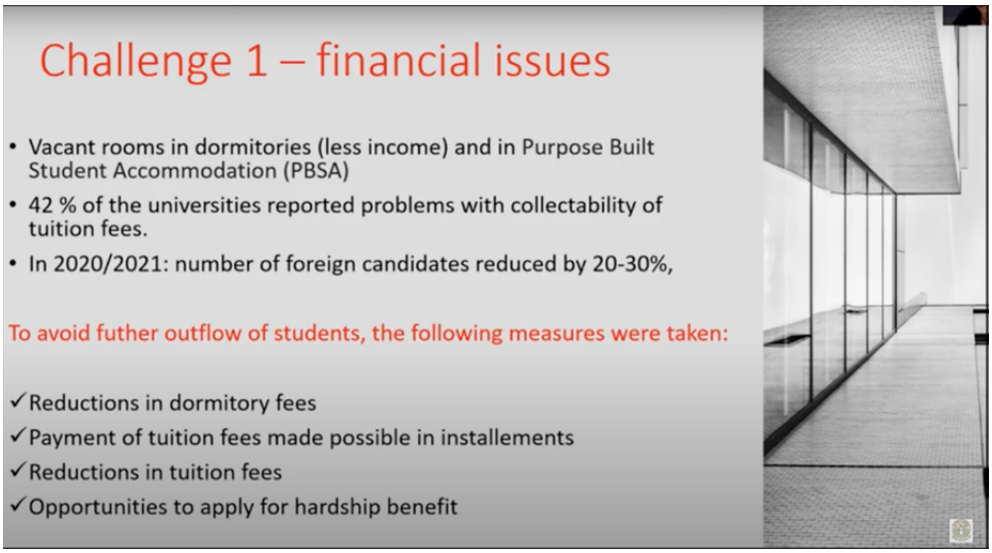
After this introduction, let's see what it looked like in terms of COVID at Polish universities. As everyone around the world, we have experienced a hectic time. This is just a very simplified graph or timeline of what has happened throughout the pandemic. And just to show you something that was identified by Polish researchers, a Polish sociologist who had a number of interviews with Polish academics. They have described to her the emotions and the impressions that could be summarized here, right, that coming from suspension and chaos in the first part, then the attempts to have support from the universities or lack of support, because this is where it got very diversified, very varied, to saying that this is something normal that we should adapt to, to the overload of work, to the feeling of being overburdened, and finally to acceptance and adaptation. Hopefully, I think, I'm not speaking only for Poland that these changes that were forced upon us will actually result in some systemic change that our educational systems will improve overall, because of this pandemic; that for once it will be a good turnout from the situations that we are living.



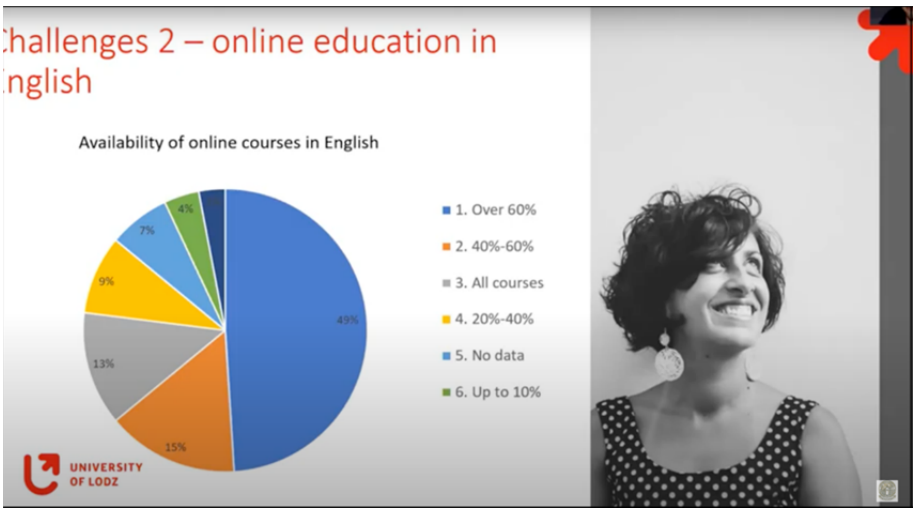
So let's go to international students and the issues that come along. What I'm presenting now is the second survey that was run after the first turn of the pandemic in June and July. It covered 45 Polish universities. It was run by the initiative called *Study in Poland* that is very well-grounded both statewide and university-wide in Poland. Their objective just like in my presentation here was to examine the situation of international students and the response of Polish universities to this situation.



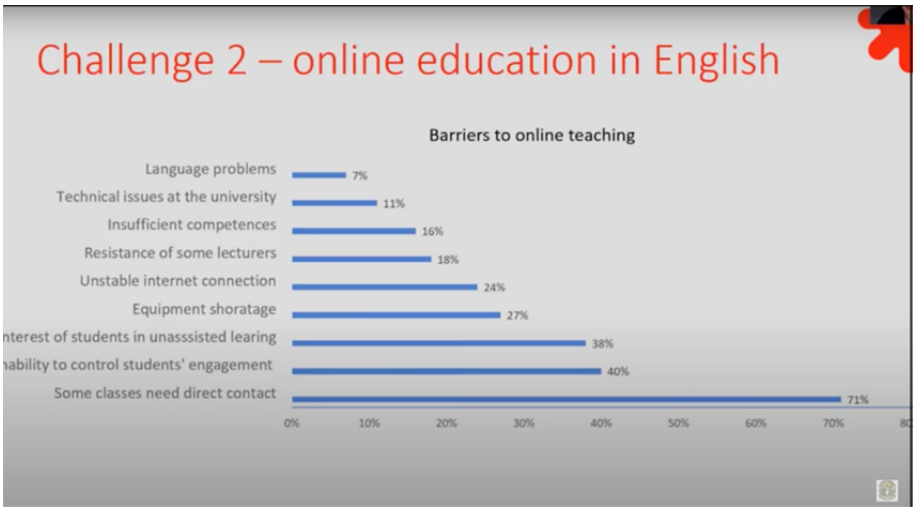
Let's first have a look at the biggest number that everyone was interested in: How many students effectively left Poland because of the outbreak. You can see that there is a quite considerable chunk of universities that say from 20 to 50 percent of international students left, which is a lot. Even 13% of research universities claimed that it was over 50% that left. That was a very considerable outflow which is expected to take a toll on many aspects of the university's functioning.



Let me go on and identify the major challenges. The financial issues came as first. Vacant spaces in dormitories and Purpose Built Students Accommodation definitely posed a financial problem. The same was with the collectability of tuition fees, just under 50% of universities said that they had problems collecting tuition fees. The prognosis unfortunately is not that optimistic because we're expected to lose 20 to 30 more percent of students because of the situation. Basically universities started taking measures to address this financial issue. The most prevailing ones were actually the reductions in dormitory fees, the reductions and installments for tuition fees, and the opportunities that our students have both from home and abroad to apply for hardship benefits. This was something that was supposed to soothe, it's supposed to ease a little bit students' functioning in this new environment, but also we have to admit that it's not the only solution that has to be taken, there are other things to be done.

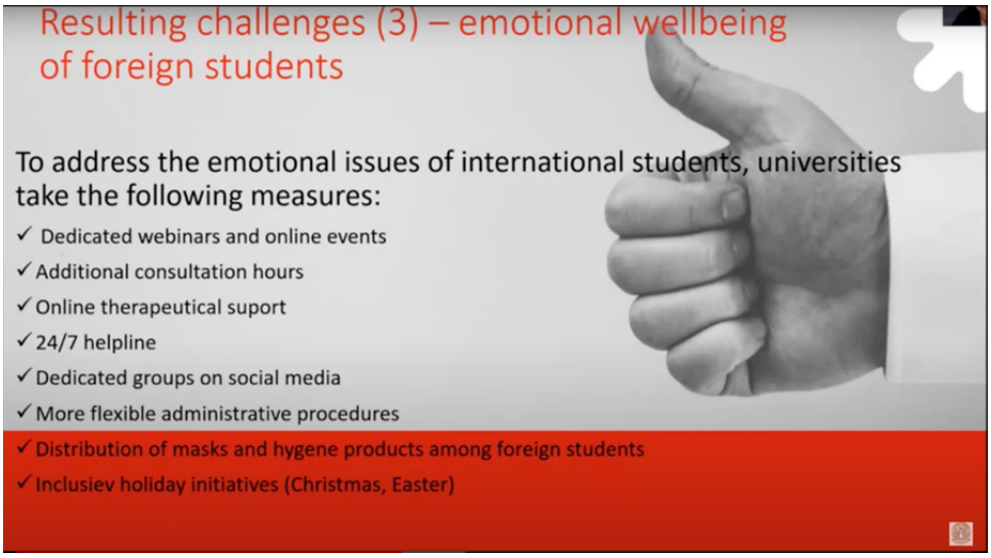


So moving on to other things, the second challenge, of course, is providing a high quality education in English during the time of the pandemic if we're talking about international students. What has been researched here was the estimation of how many or what portion of courses in English, that were available offline so to speak, or in standard teaching, we switched to online. As you can see almost half of the universities researched said that it was over 60 percent of courses that were available, but also there is the other 50 percent where these courses were not translated in large proportions to the online environment which also posed a significant problem.

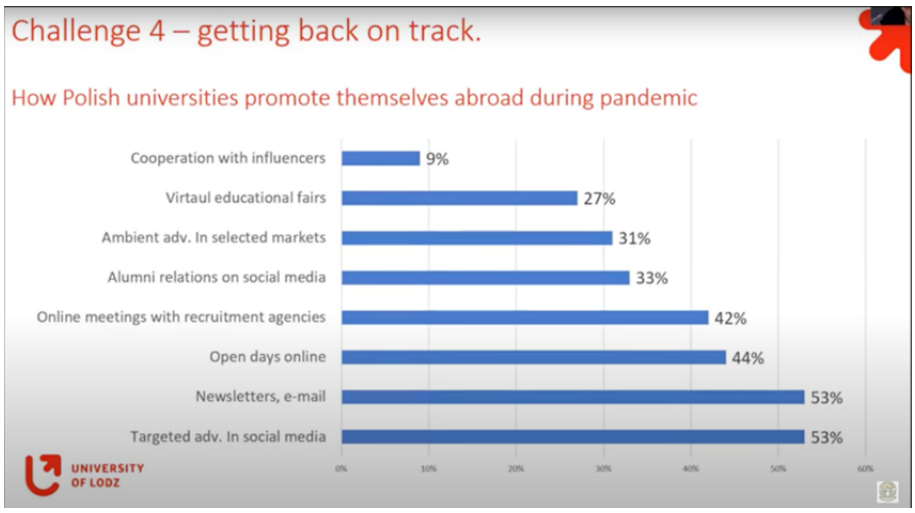


If we look at the barriers of online teaching to international students, again, I can see a lot of things that resonate with Alexandra's presentation, like for example the digital resistance of lecturers which also happened in Poland. But here, I think, I personally find that the biggest barrier there can be that you actually need some direct contact with people. Even though you have those wonderful platforms, you have those techniques and instruments; you still need to see people face to face. For example, I am running a course on effective communication and presentation and up till last month I didn't know I could do it online. Because having to observe people's body language and giving them feedback is a completely different thing when it comes to online teaching. Also, I think that what we all experience is inability to control students' engagement; and the further the students are away from us, probably, the more difficult it is due to different housing conditions, due to different attitudes, etc. And the last, the other things are probably the usuals, like language problems or digital competences, equipment shortages, etc. This was something that actually was also given as one of the biggest barriers, one of the biggest challenges how to provide online education in English.

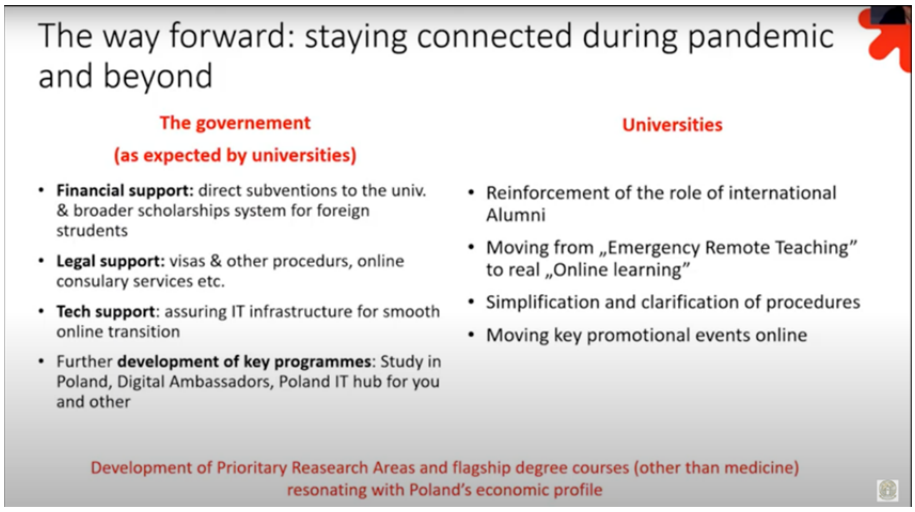
The next thing that I want to talk about and it seems to me that it's critically important because this is something that is very often overlooked: the emotional well-being of foreign students. From what Alexandra said before, it seemed that our students want to see us more as coaches, mentors, even therapists of some sort. They don't want to see the researchers, they don't want to see brilliant intellectuals, they want to see human beings. And of course with international students it's even more than that, because those people are away from home, or they are away at the university and their level of discomfort varies across different things.



What has been done at Polish universities to assure the smooth transition? I have to say that the array of things is really impressive, starting with webinars and online events, but also things like 24/7 helpline, like to dedicate groups on social media where people can discuss their problems, they can share their problems with their peers. Even physically, that is the distribution of masks and hygiene products to foreign students. All these things actually tell you that in order to be ready for the challenges, that are upcoming right now, you have to also get more in touch with your human side, which is funny because we are talking digitally all the time, and we're thinking that our human self is something that we should hide on the shelf. But it's not really so, it's exactly the opposite to me.



The last challenge: how to get back on track. We need to think beyond the pandemic. We mustn't actually stop the activities that we have done before. We need to increase them; we need to alter them in some manners. Also the universities that were researched were asked to point which were the most common ways of communicating with prospective students and with current students. As you can see, this is the look at the major ways of communication. Of course social media with young people plays a critical role, but also something that I want to stress very much: alumni relations and I'm going to come back to that it in a minute.

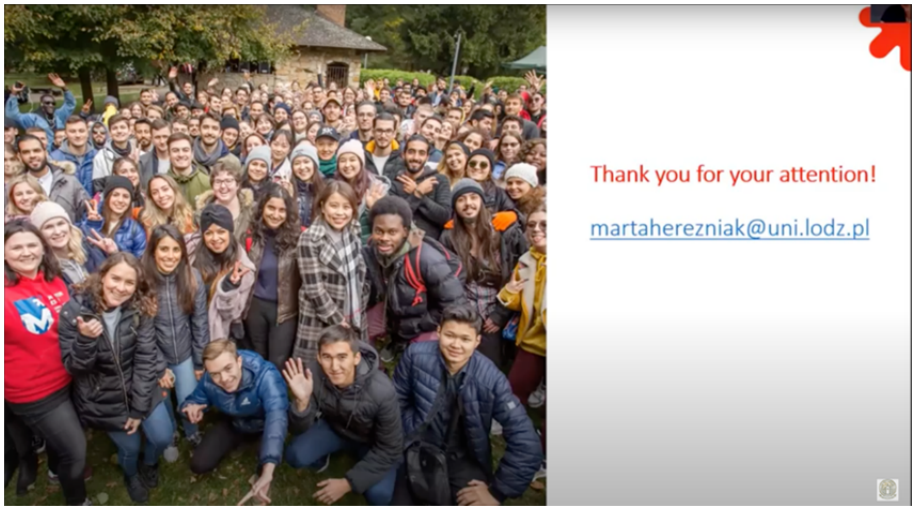


So what is the way forward, how to stay connected during the pandemic and beyond? Of course, this is one of the public universities in Poland for the most part but also the private ones. We need to understand that the change can only be affected with cooperation between the government and the universities. No single university is able to affect the change on its own. Let's have a look based on the survey also because this is actually what people expect at the universities from the government. What could the government do to do that? There are usual things like financial and legal and tech support which I think are relatable to all countries. I will only tell you that universities in Poland haven't achieved any financial backup from the government since the COVID outbreak. We were probably one of the very few types of institutions who haven't received any of those. Primary schools, they did, different sectors of economy, they did, etc. We were omitted in this particular case. It is needed that the government develops programs like *Study in Poland* like *Digital Ambassadors*, *the IT hub for Poland*, etc.

What about universities then? I was referring to the role of alumni which should be growing. This is our most effective and cost-effective way to actually get in touch with people around the

world. And the *Digital Ambassadors* program, which I happen to be a part of, I'm doing the training there. It's also a way to reconnect with the people who have already studied or are still studying and to treat them as a kind of the messengers for whatever we want to say. From the perspective of teaching, moving from emergency remote teaching to real online learning, which means providing people with real online experiences, not only doing the same thing but online. Simplification and clarification of procedures and moving key promotional events online have already happened in Poland, but they still need to be sustained, they need to be developed.

The last thing that I want to mention is that for countries like Poland, it is very important in terms of internationalization not to fall into the cheap destination trap. We have plenty of students, the numbers are growing and of course this is due to the fact that we are in the European Union, but it's also due to the fact that our studies are cheaper pretty much, more affordable than studies in Western European countries. However, in order to not to fall too deep into this trap, what needs to be done very urgently with universities and the government cooperating is to develop priority research areas and flagship degree courses, which would not only be attractive for people but would also resonate with the economic profile of the country. I think that this is something that aspiring countries must do, must think of. So again, finishing off we come back to branding, that in order to brand ourselves effectively as a university, as a country for studies, we need to find our area of specialty that resonates with our development.



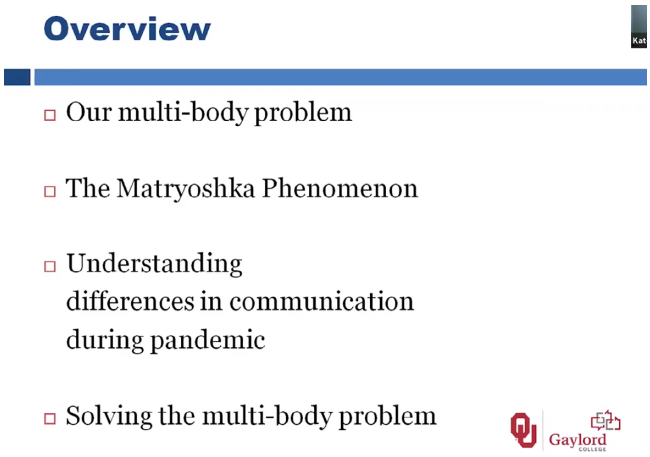
Thank you very much! By the way, this is the actual photo of the foreign students of the university. I'm just hoping that we will see these things more often very soon. Thank you very much for your attention!

DOI: 10.17223/978-5-94621-999-0-2021-32

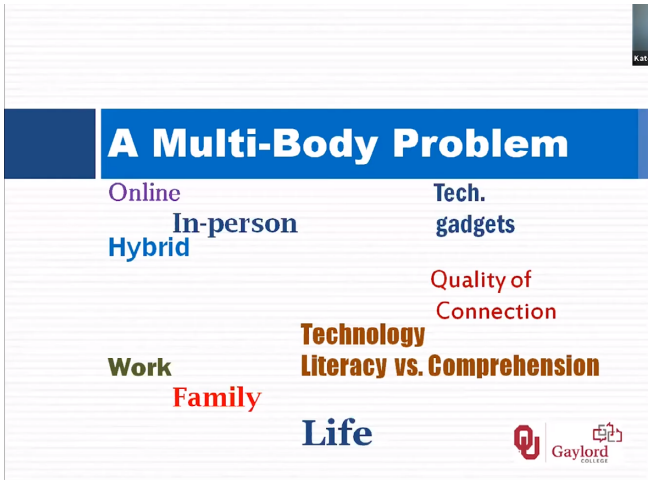
THE MATRESHKA PHENOMENON: STRATEGIC COMMUNICATION DURING PANDEMIC

Katerina Tsetsura, PhD, Gaylord Family Professor of Public Relations and Strategic Communication, Gaylord College of Journalism and Mass Communication, University of Oklahoma, USA

It's very nice to be here with you, and thank you for this invitation to continue this discussion. I will take a bit of a different approach to what we have talked about. I will present you a few ideas to think about as we travel across what I call the Matreshka Phenomenon and talking about strategic communication during pandemic.



So, my goal today is to discuss with you a multi-body problem. I call this a multi-body problem what we face today at the universities around the world. I want to demonstrate how this problem is really connected with the Matreshka Phenomenon. This is the idea that I have developed recently in relation to understanding better strategic communication. Then we will focus on understanding the differences in communication during pandemic. Finally, we will see if we can address solving the multi-body problem.



So what do I mean by a multi-body problem? You may or may not be familiar with sci-fi novel that has been written by a famous Chinese sci-fi writer. I thought it would be interesting to play with the words of a three-body problem and think about our conversation and our world today as a multi-body problem, particularly a world of education and institute.

Now the first group of problems is the idea of how we deliver our instructions at the universities. Here, in the University of Oklahoma in the United States, this semester we actually had three different types of delivery: online only; hybrid, which means some classes are taught online and some classes are taught in person; complete in-person classes. With in-person classes students had an opportunity to either come to class in person physically or they could join zoom. Professors had to adapt and address needs of both types of students: those who wanted face-to-face learning and also those who did not feel comfortable coming or for some other reasons could not and then they needed to connect online. That presented the array of challenges for many of our instructors and professors as well as students, who really had to suddenly make sure that they have this multi-body understanding of what's happening, whether you're online, in-personal or hybrid. Multiple connections, multiple channels of communication.

The second set of problems that came with this transition during pandemic at the university educational level is technological gadgets. We suddenly realized that a lot of our technology hardware that we have is no longer suitable for what we really need to do if we teach online or if we spend so many hours on Zoom in front of cameras. Here at the University of Oklahoma, we were fortunate enough to receive additional help from the technology office, for example, the university made the commitment to order additional pieces of equipment for the professors and instructors who needed so. We could get additional cameras, microphones, external microphones, scandoc cameras that allow you to read pieces of paper and translate them into the digital copies. I have to get additional light fixture to use during our Zoom meetings. I never really thought about the opportunities to do that. Not so many people were involved in using so many gadgets before the pandemic. Students had the same issue. Many of them had to get new computers, and they're fortunate enough to have the opportunity to buy new technology or they have to adjust and adapt in terms of what kinds of gadgets that they can use to complete their online education.

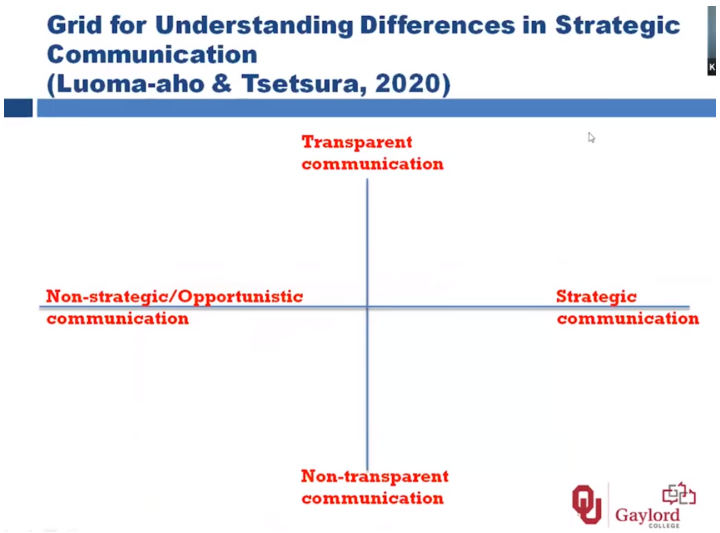
The next one is technology literacy versus the quality of connection. Let me talk about the quality of connection. This is also a multi-body problem or part of the multi-body problem, rather because the quality of connection makes the conversation much more difficult. Previous speakers talked about the uneven distribution of a high-speed Internet connection, but we don't even need to go to Africa to see that, you know. The Internet connection, for example, in Oklahoma is penetrated and is available, but it's really patchy in terms of high-speed connection, so technologies such as Zoom, if you want that technology to work, you have to be in a place where Wi-Fi is strong enough. Sometimes, in cases of my students in small rural areas, where they live in Oklahoma, don't have that strong online connection to really support the video feed from Zoom, so they have to travel either to a library nearby, or they have to go to a friend`s house or somebody else's place, or really go to the university campus to get that connection.

Technology literacy versus technology comprehension is another one that I want to point out here. So we all think about ourselves as being technologically literate now, because we think about technological literacy and we understand the basics of how to use the technology, how to click the Zoom and figure it out. But there's a next level of just as we talk about reading literacy versus reading comprehension. There's a little next level to technology comprehension to really understand the advanced features, to think about the ways of how we can make meaningful engagements via technology. That's a really next level that requires a lot of energy a lot of time to learn. Of course, if we have not had experiences with that technology before it's very difficult to learn. Different people learn differently. Different people are different adapters: from early adapters all the way to late adapters. So that also separates and kind of further divides us and really creates an additional dimension to the multi-body problem.

Finally, the idea that the work family and life are so intertwined now and we can't really easily divide that. We sit in our homes and have to organize home offices to work successfully during pandemic. At any moment the door behind me can open and some member of my family will storm in and start asking and demanding attention. It's really difficult to comprehend and understand the possible extent how we really reconcile our work, family and life nowadays when we do work from home.

So, this is what I call the Matreshka Phenomenon. It's a multi-layered communication that we need to engage in as we think about communication, as we think about the ways to understand the ways how we think in our work during pandemic and our life during pandemic.

Why is it Matreshka Phenomenon? I really like this analogy or metaphor that I use for for understanding strategic communication messages. It's a very well situated to understand our multi-body problem. Our communication always is multilayered because of all these challenges I mentioned before. On the surface it looks just like one goal. We want to communicate, we want to spread knowledge and we want to create as much of a normalcy in these uncertain times as possible. But the truth of the matter is that we do have many layers of communication that happen during our conversations with colleagues, with students, with everybody who is around us right now. We may say one thing, but then there are lots of other things that really follow. Until you keep opening this Matreshkas and figuring out what are the other layers of communication, it's really difficult to understand the complexity and comprehensive point of this communication. So that means that a lot of times when we communicate with each other in the university settings, when we communicate with our students, when we communicate with our colleagues, when we communicate with our peers, and even during this communication during the conference, we do have multiple-layers of communication that we need to be aware of and we really need to understand.



In our recent work with my colleagues we talked about this grid of understanding differences in strategic communication which is also very applicable to understanding our differences during communication during pandemic, particularly in the university context. We will have transparent

communication and all the way to non-transparent communication. In other words, we can have all our ideas upon the table, but then all the way on the spectrum to probably hiding something for particular reasons. Another dimension here is the strategic communication all the way to non-strategic or opportunistic communication.

As we engage in communication at the university with our students, for example, we have a very particular goal in mind. When we communicate, we a lot of times create the strategic messages for our students, for our peers, for our colleagues or for our administration. The same thing goes to any other member of public stakeholders within the university.

They all may have specific strategic communication messages for us. But in times of pandemic, especially nowadays, we did notice that a lot of this communication become more spontaneous and then more opportunistic. The very fact that we do have all these problems we mentioned creates an opportunity for us to engage in opportunistic communication, things that we have not planned, things that we didn't think about before. We really want to take advantage of the opportunity in time and place and discuss specific issues and specific topics or things that are happening today with our colleagues, with our peers and with our students to demonstrate how this really can affect our life and how can affect our understanding of the subject down the line. So when we think about differences in strategic communication pandemic I would argue that pandemic situation forces us in many ways to think more about non-strategic opportunistic communication opportunities and also forces us to think about the ways of how we can make our communication more transparent, precisely because of multi-layered Matreshkas that we need to open.

Luoma-aho, Tsetsura, & Kugappi (2021)

Type	Western communication	Russian communication
Order	The most important message is said at the beginning and easy to find	The most important message is said after the comma (,) and you have to search for it
Audience	Messages targeted and mostly serving separately internal and external audiences	Most external messages have to resonate with internal publics
Source	The message is more important than which authority (source) says it	The authority (source) is just as important as the message itself
Context	Context plays only a supportive role to a message	Context and presentation may often define the message
Probing	Messages are often thought through before they are presented	Messages can be tested/probed by various speakers and contexts before they become finalized
Transparency	Transparency has intrinsic value	Transparency is a tool; non-transparency holds power
Strategy	Strategic messages are communicated clearly	**Strategic ambiguity** is central for communication

Tsetsura and Kruckeberg (Eds.)"Strategic Communication in Russia" (2021) The University of Oklahoma GAYLORD COLLEGE of Journalism and Mass Communication

The next thing that I wanted to discuss is that I wanted to bring your attention to this table that compares the Western communication differences and Russian communication differences. We use this in a chapter speaking of the world life balance right here. So, let me just spend a little bit time on this table because what I think is that we can take some interesting points from this. We use this to describe and discuss the differences in communication between Western and Russian strategic communicators. But I think it's a very good one to also think about the ways of how we communicate at the universities in the Western and in the Russian environment. We'll be happy and interested to hear your thoughts about that.

Luoma-aho, Tsetsura, & Kugappi (2021)

Type	Western communication	Russian communication
Order	The most important message is said at the beginning and easy to find	The most important message is said after the comma (,) and you have to search for it
Audience	Messages targeted and mostly serving separately internal and external audiences	Most external messages have to resonate with internal publics
Source	The message is more important than which authority (source) says it	The authority (source) is just as important as the message itself
Context	Context plays only a supportive role to a message	Context and presentation may often define the message
Probing	Messages are often thought through before they are presented	Messages can be tested/probed by various speakers and contexts before they become finalized
Transparency	Transparency has intrinsic value	Transparency is a tool; non-transparency holds power
Strategy	Strategic messages are communicated clearly	**Strategic ambiguity** is central for communication

Tsetsura and Kruckeberg (Eds.)"Strategic Communication in Russia" (2021) The University of Oklahoma GAYLORD COLLEGE of Journalism and Mass Communication

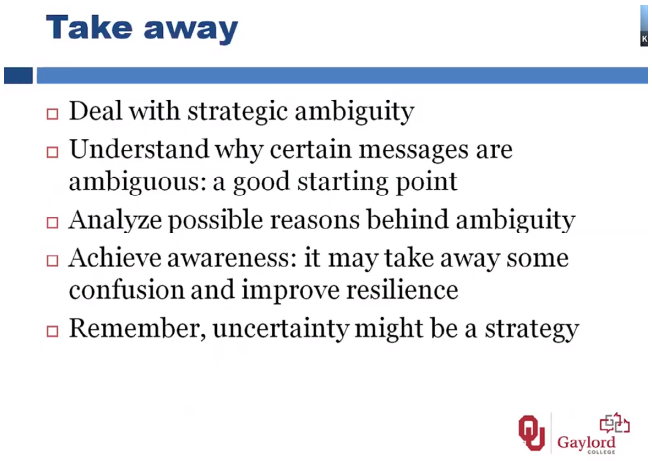
So there are several types of things that we need to think about: order, audience, source, context, probing, transparency and strategy. I'll stop just on the few that I think are the most important for us. The first one is the audience. A lot of times messages that are targeted specifically to stakeholders are separated to internal and external stakeholders in Western communication.

You have to have different messages for different stakeholders. You definitely want to make sure you understand it; although, sometimes both can utilize it. You want to have a very specific understanding of who these audiences are. In strategic communication in the Russian context we see that those really external messages resonate very well with internal publics. We have to make sure that they do resonate. I think that's something that we see increasingly changing. Also for the Western communication, here at the universities, when something in the university communicates about the pandemic or the next semester, for example, to the world outside it also needs to resonate with internal communication, so it's not in the conflict.

Another one is the context. I think context plays a supportive role to a message in the Western sense. And in a lot of times in communications in the high contextual environments in Russia and many non-western environments, context presentation may often deliver and define the messages. It's very important to understand under which circumstances this message comes to life.

We discussed transparency, so one more thing that I'm going to stop on is strategy. I want to emphasize an interesting term that is called strategic ambiguity. In many of Russian context communications, strategic communication especially, strategic ambiguity is used very actively. It's really central to communication. That means that this is something that you do not necessarily deliver clearly and sharply. You leave some ambiguity in the message to really help you navigate of what may happen next with this message. In Western world, in general, in Anglo-Saxon world, it's very difficult to do that because your strategic communication messages require clarity. Just the English language in many ways requires clarity. That's also one of those differences in communication.

So, how do we solve this multi-body problem in our situation and in our pandemic? How do we think about all these challenges together utilizing our knowledge of strategic communication and utilizing our understanding of how and what we need to do at the university level? Well, we really need to unpack our Matreshkas. We really need to look at the multiple elements of what it really takes right now to work, during the pandemic, in online environments. We also need to understand what it takes to learn in this environment. It's not only about instructors, professors, teachers and administrators. It's also about students. It's about them who also have multiple Matreshkas and multiple layers, and help them communicate this multiple-layers, help them open their own Matreshkas and learn about themselves because only through learning about ourselves we can really better understand the other.



So, some takeaways. Let's deal with strategic ambiguity. Let's assume and let's welcome that strategic ambiguity because right now, let's be honest, during pandemic we are all engaged in a lot of strategic ambiguity messages. We do not know how to define specific points, we do not know these final specific timelines or ideas of when everything gets resolved. A lot of our communication right now is strategically ambiguous, so we really need to deal with that. I think our first step to understand it is to understand why certain messages are ambiguous. It's a good starting point to really unpack some of those Matreshkas and layers whether it's technology-driven problems, as we discussed, comprehensiveness versus literacy, whether it's actual gadget hardware problem, or it's something more intangible and something more complex, such as family, work and life balance. Or maybe even quality of information and exchanges.

We also need to analyze possible reasons behind this ambiguity, why some messages can be ambiguous. Why, for example, our students may not tell us directly what kinds of things they struggle with? On the other hand, why we ourselves may not be as direct in some of our messaging? Why ad-

ministration may not be direct in some of their messages they provide? Then we need to really achieve awareness. It may take some time for us to work through this confusion and improve resilience. We are learning and we have made a huge progress in this in the last 10 months, kind of understanding what this pandemic brings to the world. We're all working through this together. So let's learn through our peers, let's have conferences like this one. That really helps us dive in and really improve our resilience. It's good to see that we all humans, right? I'm actually kind of glad that my little one stormed in because we all see that that is happening with everyone. That makes it even more real, I think, and more authentic in terms of communication and in terms of what we're trying to say.

Finally, let's say that uncertainty might be a strategy. It may be possible for us and useful for us to actually have that uncertainty situation and really embrace it and celebrate it. It's okay not to be straightforward. I think that's the message that probably is more resonating with my Western colleagues. I think, in many ways Russian colleagues may have mastered the way of what it means to be strategically ambiguous and how to survive in the levels of uncertainty.

Some of these ideas and many of the ideas I had to do a little plug here are discussed in our new book that we published with Dean Kruckeberg. It's called *Strategic Communications in Russia: Public Relations and Advertising*. It's an edited volume of 15 chapters from 20 plus authors around the world, but most of them come from Russia, different universities in Russia where we really discuss contemporary and modern trends and issues in public relations and advertising. Some of the ideas that I've discussed today are actually in this book, in chapters that I co-wrote. So with this in mind, thank you very much for listening!

Научное издание

Connect-Universum – 2020

Сборник материалов V Международной
трансдисциплинарной научно-практической WEB-конференции

Издание представлено в авторской редакции

Компьютерная верстка А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 07.07.2021 г. Формат $60\times84^{1}/_{8}$.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Печ. л. 23,7. Усл. печ. л. 22.
Тираж 500 экз. Заказ № .

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-94621-999-0

9 785946 219990